

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Выпуск II

Москва
ИВ РАН
2013

УДК 94(560)
ББК 63.3(5)
Л 17

Ответственный редактор
д. и. н., проф. О. И. Жигалина

Л 17 **Лазаревские чтения. Выпуск II** / Отв. ред. О. И. Жигалина. —
М.: Институт востоковедения РАН, 2013. — 244 с.

ISBN 978-5-89282-559-7

В сборнике собраны статьи по широкому кругу вопросов курдоведения: рассматриваются проблемы новой и новейшей истории курдов и Курдистана, курдского языка и идентичности, курдской историографии. Ряд статей содержит анализ современной ситуации в этническом Курдистане и состояния Курдистанского региона Ирака.

Сборник посвящен 85-летию со дня рождения М. А. Гасратяна.

УДК 94(560)
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-89282-559-7

© Институт востоковедения РАН, 2013

*Посвящается 85-летию со дня рождения
Манвела Арсеновича Гасратяна,
известного российского курдоведа и турколога*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

8

Памяти М. А. Гасратяна: Биография. Основные труды

14

Гасратян М. А.

К вопросу о координации деятельности политических организаций
Турецкого Курдистана (80–90-е годы XX в.)

16

Орешкова С. Ф.

Слово о М. А. Гасратяне

26

Старченков Г. И.

О друге — М. А. Гасратяне

28

Жигалина О. И.

Российское курдоведение как традиционное направление
востоковедной науки

31

Юсупова З. А.

К истории изучения курдского языка в России и Советском Союзе

43

Колесников А. И.

Христианизация курдов в Сасанидском Иране III–VII вв. н.э.
(по сирийским источникам)

56

5

Жепка М.

Между реальностью и воображением. Курдский язык в описаниях
протестантских миссионеров в XIX в.

68

Васильева Е. И.

Курдский историограф Мирза Али-Акбар Курдистани (XIX в.)

78

Мусаэлян Ж. С.

Некоторые данные для характеристики курдов харки

96

Халатян Б. Д.

Историко-культурная область Диярбакыр

105

Вертяев К. В.

Политические взгляды шейха Саида Курди (Нурси)
(1876–1960) и курдский вопрос

111

Юсупова З. А.

К вопросу об этническом и языковом самосознании и самоназвании
современных курдов

139

Бохеньска И.

Кино веры, надежды и любви. Реализм и метафизика
в фильмах Бахмана Кубади

150

Сапронова М. А.
Конституционно-правовая основа функционирования
курдской автономии в современном Ираке
175

Жигалина О. И.
Курдский вопрос в этническом Курдистане
в свете событий в Сирии и вокруг Ирана
201

Иванов С. М.
Возможности и перспективы провозглашения
независимости Иракского Курдистана
225

Старченков Г. И.
Ближневосточная смута и положение курдов
232

SUMMARY
239

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй выпуск сборника «Лазаревские чтения» посвящен памяти известного отечественного турколога и курдоведа Манвела Арсеновича Гасратяна (1924–2007), усилиями которого в Москве в Институте востоковедения Российской академии наук было создано научное подразделение по изучению курдского вопроса в странах Ближнего и Среднего Востока (Ираке, Турции, Иране, Сирии), проблемы, не потерявшей своей остроты и актуальности до настоящего времени.

Манвел Арсенович Гасратян работал по курдской проблематике в Институте востоковедения с 1961 г. Он скрупулезно и глубоко анализировал курдский вопрос в Турции и движение турецких курдов, опираясь на документы и материалы курдских политических партий и организаций.

С целью развития прикладного, практического курдоведения в конце 70-х гг. XX в. академиком Е. М. Примаковым, тогдашним директором Института востоковедения АН СССР (РАН), было принято решение о создании Группы по изучению курдского вопроса, организация которой была поручена М. А. Гасратяну.

Группа возникла в рамках Отдела Ближнего и Среднего Востока в конце октября 1979 г. В ее состав вошли два сотрудника отдела (М. А. Гасратян и О. И. Жигалина). Для работы в ней привлекались и сотрудники других подразделений Института, в том числе М. С. Лазарев, Р. Л. Цаболов, К. Л. Джалалов, Н. А. Халфин, а так-

же представители Ленинградского отделения Института востоковедения (ЛО ИВАН) К. К. Курдоев, О. Д. Джалилов и Ж. С. Мусаэлян.

Группа должна была изучать современное состояние курдского вопроса в странах Западной Азии, историю курдского национального движения в новое и новейшее время, а также международные аспекты курдского вопроса. Эти направления реализовывались в плане НИР Группы.

Главное внимание сотрудников было сосредоточено на подготовке коллективной монографии «История национально-освободительного движения курдов в новое и новейшее время», ряде индивидуальных монографий (О. И. Жигалиной, М. С. Лазарева), а также аналитических разработках, ситуационных анализах. Так Группа становилась важным координационным центром научно-исследовательских работ по курдоведению.

Уже в следующем, 1980-ом году к Группе было прикреплено несколько аспирантов и стажеров. Так, аспирант М. А. Гасратяна Омар Хассо, курд из Ирака, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Курдский вопрос в Турции после Второй мировой войны». Некоторое время он успешно работал в Эрбильском университете Салахеддин в Иракском Курдистане.

Под руководством М. А. Гасратяна кандидатские диссертации подготовили курдские аспиранты: Расул Башир Сабри на тему «Курдские политические партии Ирака и Сирии», а также Муним Аль Атар на тему «Курды и ирано-иракские отношения в 1960–1980-х гг.».

В своем отчете о работе с аспирантами М. А. Гасратян писал: «С аспирантами и стажерами проводятся индивидуальные консультации и беседы, рекомендуется литература. Аспиранты и стажеры принимают участие в подготовке различных материалов в качестве переводчиков арабского, персидского и курдского языков, а также участвуют в сборе зарубежной литературы по курдской проблематике». Но особенно М. А. Гасратян акцентировал на необходимости подготовки отечественных курдоведов.

Под руководством М. А. Гасратяна была подготовлена монография «Курды и курдская проблема», опубликованная в 1980 г. в

«Специальном бюллетене», издававшемся в Институте востоковедения. В ее написании приняли участие сотрудники Группы. Кроме того, М. С. Лазарев готовил монографию «Империализм и курдский вопрос», а О. И. Жигалина — «Национальное движение курдов в Иране 1918–1947 гг.», которые в дальнейшем были опубликованы.

Следует отметить важную роль Группы в подготовке и проведении межинститутского совещания по курдоведению в Ленинграде, состоявшемся 16—17 ноября 1982 г., в организации которого участвовал также Курдский кабинет ЛО ИВ АН.

Группа по изучению курдского вопроса внесла определенный вклад в дело координации работ курдоведческих центров страны (Ленинграда, Тбилиси, Еревана и др.). М. А. Гасратяном как ее руководителем были поставлены важные задачи по публикации обобщающих трудов по истории курдского народа, курдского национального движения, культуре курдов с привлечением курдских, арабских, турецких и персидских источников. Особое внимание уделялось изучению современного состояния курдского вопроса в странах Ближнего и Среднего Востока (Иран, Ирак, Сирия, Турция), социально-экономической ситуации в Курдистане, а также положению курдов в странах Западной Европы.

Осуществление этих задач требовало решения вопроса о подготовке новых курдоведческих кадров с целью недопущения исчезновения этой отрасли востоковедной науки, традиционно наиболее развитой именно в нашей стране.

В дальнейшем Группа по изучению курдского вопроса приступила к реализации поставленных задач.

Важным аспектом работы Группы стало ее подключение к ситуационным анализам, которые впервые ввел в Институте востоковедения Е. М. Примаков. Под его председательством был проведен ситуационный анализ по курдской проблеме.

Будучи туркологом по образованию и блестяще владея турецким языком, М. А. Гасратян написал огромное число статей не только о курдах Турции, но и ряд фундаментальных исследований по истории этой страны. Так, в 1980 г. им была опубликована монография «Курдский вопрос в Турции после Второй мировой войны».

Под редакцией М. А. Гасратяна было подготовлено и опубликовано несколько сборников статей, в которых участвовали специалисты и из других подразделений Института. В 1983 г. была опубликована упомянутая выше коллективная монография, в которой освещались актуальные вопросы курдского национального движения, деятельности курдских политических партий во всех частях разделенного Курдистана. Важный вклад в развитие отечественного курдоведения внесли фундаментальные исследования М. А. Гасратяна, в особенности две его монографии: «Курды Турции в новейшее время» (1990) и «Курдская проблема в Турции» (2001).

Весьма актуально звучат сегодня слова М. А. Гасратяна о том, что «решение курдской проблемы в Турции ... в значительной степени зависит от того, насколько последовательно будут осуществлены буржуазно-демократические преобразования в стране».

В книге «Курды Турции в новейшее время» М. А. Гасратян анализировал курдскую проблему с 1918 г. по 1980-е гг., а в своей монографии «Курдская проблема в Турции» он охватил период 80–90-х гг. XX в. К сожалению, его работа о курдах Турции времени конца 90-х гг. XX в. и начала XXI в. так и осталась незавершенной.

Деятельность М. А. Гасратяна как организатора курдоведческой науки в нашем Институте и его научное творчество сыграли важную роль, поскольку результаты работы Группы способствовали тому, что в 1984 г. она была преобразована в Сектор, который он сам и возглавил.

С тех пор было написано и опубликовано несколько обобщающих коллективных трудов, в том числе (уже после преобразования Группы в Сектор) монографии «Курдское национальное движение в новое и новейшее время» (1989) и «История Курдистана» (1999).

Ежегодная конференция Сектора курдоведения «Лазаревские чтения» нацелена на поддержание развития этого направления востоковедения в нашей стране. Она привлекает внимание и иностранных ученых, заинтересованных в обмене мнениями и общении со своими коллегами.

Второй выпуск серийного сборника «Лазаревские чтения» состоит как бы из двух частей.

Первая часть посвящена деятельности М. А. Гасратяна на поприще курдоведения. Здесь помещена его биография, список основных трудов, публикуется одна из последних неопубликованных статей, а также воспоминания его друзей и коллег.

Вторая часть сборника составлена из статей, представленных на двух конференциях «Лазаревские чтения», проведенных Сектором курдоведения и региональных проблем Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока в 2011 и 2012 гг.

Ее открывает статья О. И. Жигалиной, в которой автор анализирует историю развития курдоведения в России, важные этапы его развития, подробно останавливаясь на специфике каждого из них. О. И. Жигалина подчеркивает, что курдоведение не ограничивается лишь изучением курдского вопроса, а является комплексной фундаментальной наукой, возникшей в России и продолжающей развиваться и в настоящее время. Об этом свидетельствуют предлагаемые читателю статьи.

Известный в России и за рубежом языковед З. А. Юсупова (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург) обратилась к анализу изучения курдского языка в России и Советском Союзе. Автор особо подчеркивает важный вклад ученых санкт-петербургской школы в изучение курдского языка, различных его диалектов и грамматического строя. Другая статья З. А. Юсуповой посвящена не менее важной и актуальной теме об этническом и языковом самосознании и самоназвании современных курдов.

Проблему изучения курдского языка дополняет статья д-ра М. Жепки из Понтификального университета Иоанна Павла II г. Кракова (Польша), в которой автор на основе скрупулезного анализа записей протестантских миссионеров XIX в. показывает социальную роль курдского языка в Курдистане.

Статья А. И. Колесникова (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург) посвящена истории христианизации курдов в Сасанидском Иране III–VII вв. н. э. (по сирийским источникам), в которой автор анализирует ранее неизвестные материалы, позволяющие выявить специфику процесса христианизации курдов ближневосточного региона.

Авторитетный курдовед и текстолог Е. И. Васильева (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург) посвятила свою статью роли историографа Мирзы Али-Акбара Курдистани (XIX в.) в курдской истории.

Проблемы историографии затрагиваются в статьях Ж. С. Мусаэлян и Б. Д. Халатян, сотрудников Института восточных рукописей РАН Санкт-Петербурга, а также К. В. Вертяева (ИВ РАН).

Особый интерес вызывает статья И. Бохеньской (Ягеллонский университет, Краков), которая посвящена изучению творчества известного и почитаемого в Курдистане курдского режиссера Бахмана Кубади.

Статьи М. А. Сапроновой, С. М. Иванова анализируют современное состояние курдского вопроса в Иракском Курдистане, ставшему со времени определения Курдистанского региона Ирака субъектом федеративного государства в 2005 г., центром консолидации курдского движения за независимость в Западной Азии.

Совершенно очевидно, что проблемы курдов и Курдистана привлекают внимание ученых различных российских и зарубежных институтов и научно-образовательных центров. Их скрупулезная и вдумчивая работа вносит важный вклад в развитие курдоведческого направления востоковедной науки.

О. И. Жигалина
доктор исторических наук, профессор

ПАМЯТИ М. А. ГАСРАТЯНА

Биография

Манвел Арсенович Гасратян родился 21 мая 1924 г. в с. Калага Исмаилинского района Азербайджанской ССР в армянской семье.

М. А. Гасратян был участником Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., защищал Отечество от гитлеровских захватчиков, награжден государственными наградами.

В 1948 г. Манвел Арсенович поступил в московский Институт востоковедения и окончил его в 1952 г. В 1956 г. он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1979 г. — докторскую.

С 1961 по 1967 г. работал младшим научным сотрудником, с 1967 по 1984 г. — старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР (РАН). В 1984 г. М. А. Гасратян стал организатором Группы по изучению курдского вопроса современных курдских проблем Отдела Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения и долгие годы был его руководителем.

М. А. Гасратян известен как видный специалист по новейшей истории Турции и по курдскому вопросу в этой стране и в регионе Ближнего и Среднего Востока. Он автор более 80 трудов, в том числе нескольких монографий и множества статей. Некоторые из них получили международное признание, переведены на курдский, турецкий, арабский и западные языки. Блестяще владея турецким языком, М. А. Гасратян перевел на русский язык ряд трудов курдских ученых и политиков.

Под его руководством аспиранты готовили и защищали кандидатские диссертации, в том числе и курды, которые в настоящее время успешно преподают в университетах Иракского Курдистана.

Основные труды

- Турция ждет перемен. М., 1963 (в соавторстве с П. П. Моисеевым).
- Турция в 1960–1963 годах: очерк внутренней политики. М., 1965.
- Турция (социально-экономический очерк). М., 1965 (в соавторстве с П. П. Моисеевым).
- Курдский вопрос в Турции после Второй мировой войны. М., 1980 (один из авторов).
- Очерки истории Турции. М., 1983 (в соавторстве с С. Ф. Орешковой и Ю. А. Петросяном).
- Курдское движение в новое и новейшее время. М., 1987 (один из авторов).
- Курды Турции в новейшее время. Ереван, 1990.
- История Курдистана. М., 1999 (один из авторов).
- Курдская проблема в Турции (1986–1995). М., 2001.

К ВОПРОСУ О КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ТУРЕЦКОГО КУРДИСТАНА (80–90-е гг. XX в.)

К началу 80-х гг. XX в. насчитывалось более десяти курдских политических партий: Демократическая партия Турецкого Курдистана (ДПК), Рабочая партия Курдистана (РПК), Культурные очаги революционного Востока (КОРВ), Революционные демократические культурные общества (РДКО), Авангардная рабочая партия Курдистана (АРПК), Социалистическая партия Турецкого Курдистана (СПТК), «Кава» (группа), «Дене Кава» (группа), «Рызгари» («Освобождение»), «Ала Рызгари», Национальные освободители Курдистана (КУК), «Текошин» («Борьба»), «Екбун» («Единство»), Социалистическое движение Курдистана (СДК) и др. Наиболее влиятельными среди них были Социалистическая партия Турецкого Курдистана и Рабочая партия Курдистана. Многочисленность курдских политических партий и групп объективно требовала координации их деятельности.

В феврале 1980 г. три курдские организации опубликовали Декларацию о создании Союза национально-демократических сил Курдистана. В союз вошли Рабочая партия Курдистана, Социалистическая партия Турецкого Курдистана.

В Декларации говорилось, что, для того чтобы обеспечить турецкому и курдскому народам возможность создать свободное общество, необходимы союз и солидарность революционных, демократических и прогрессивных сил обоих народов. Союз национально-демократических сил, отмечалось в документе, ведет борьбу за претворение в жизнь следующих ближайших требований турецкого и курдского народов: отмена чрезвычайного положения; прекращение пыток в тюрьмах; освобождение политических заключенных; прекращение давления и наложения запретов на прогрессивную печать, а также ущемления прав печати и изданий на курдском языке;

признание за каждым народом права обучения на родном языке; освобождение системы образования и воспитания от расистско-шовинистического и реакционного содержания, ее демократизация; упразднение статей 141 и 142 Уголовного кодекса, шовинистических и антидемократических положений в законах о политических партиях и выборах, а также во всех других антидемократических законах, ущемляющих свободу слова и организаций; прекращение давления на массовые демократические организации и профсоюзы; обеспечение всем работающим политических прав и свобод, включая право на забастовку и на заключение трудового коллективного соглашения; обеспечение законной гарантии права на проведение референдума при выборе профсоюза; запрещение локаутов, являющихся социальным преступлением; проведение демократической аграрной реформы, разминирование земельных массивов вдоль границ и распределение их между крестьянами; освобождение от налогов лиц с минимальной заработной платой, снятие налогового бремени с неимущего населения; предоставление молодежи равных возможностей получать образование, обеспечение свободы системы образования и гарантии безопасности деятелям культуры; выход из НАТО и ликвидация военных баз.

Союз национально-демократических сил Курдистана обратился ко всем демократическим силам Турции, призвав к единству сил и действий с целью обсуждения и выработки основных задач борьбы¹.

Хотя союз курдских политических партий впоследствии распался, с точки зрения возможности объединения различных политических течений Турецкого Курдистана в их борьбе за решение курдской проблемы на демократической основе он имел важное значение.

В 80-е гг. стремление курдских политических партий координировать свою деятельность усилилось. Особенно оно активизировалось после военного переворота в Турции в 1980 г., когда в результате усиления репрессий в Турецком Курдистане многие руко-

¹ Kurdistan Ulusal Demokratik Gucbirliği (UDA). Deklarasyon. Van, 1980.

водители курдских политических партий были вынуждены эмигрировать. Так, в январе 1982 г. три курдские партии — «Ала Рызгари», КУК и СПТК — опубликовали совместное заявление о принятии ими принципиального решения о единстве сил и действий в рамках Турецкого Курдистана. Заявление призывало все демократические силы объединиться в широкий фронт, который выступил бы за право курдского народа на самоопределение.

Это заявление трех курдских партий стало важным шагом на пути создания единства национального движения в Турецком Курдистане. В марте того же года, в связи с весенним праздником «Норуз», эти же партии опубликовали обращение к народам Турции, в котором отмечалось, что демократические силы Турции и Курдистана ведут борьбу за признание национальных прав курдов. Обращение призывало к солидарности и созданию широкого фронта борьбы: выражалась уверенность, что курдский народ завоеует независимость и займет свое место среди свободных народов мира.

Постепенно число партий Турецкого Курдистана, которые стали согласовывать свои позиции, стало расти. В августе 1982 г. семь курдских левых организаций Турции (СПТК, «Ала Рызгари», Союз труда, КУК, Рабочая партия Курдистана и др.) опубликовали совместное заявление, в котором призвали турецкое и курдское население страны проголосовать против действующей конституции, подготовленной военным режимом, а также объединить усилия в борьбе за свержение диктатуры и установление демократического строя в Турции, за национальное и социальное освобождение курдского народа.

1 сентября 1983 г. «Ала Рызгари», КУК, «Текошин», Авангардная рабочая партия Курдистана, возникшая в результате раскола Рабочей партии Курдистана, а также СПТК опубликовали совместное воззвание, в котором критиковалась политика США в различных районах мира; призывалось поддерживать борьбу социалистических стран, направленных на предотвращение угрозы войны.

С резким осуждением военных операций в Курдистане в октябре 1984 г. выступили курдские партии Турции. Так, представители СПТК, АРПК, КУК, «Текошин» и «Ала Рызгари» созвали пресс-

конференцию, на которой обратились к главам правительств и государств, ко всем миролюбивым демократическим силам и организациям с призывом поднять свой голос протеста против силового подавления курдской оппозиции в Турецком Курдистане.

Следует отметить, что в этих мероприятиях не принимала участие Рабочая партия Курдистана, так называемые апоисты (апоисты). Это единственная партия турецких курдов, программа которой своим левым радикализмом значительно отличалась от идеологических установок других партий Турецкого Курдистана. Она резко критиковала позицию политических организаций турецких курдов, обвиняя их в оппортунизме и соглашательстве.

В конце 80-х гг. курдские партии предприняли новую попытку объединить свои действия. В июне 1988 г. в Бельгии был создан Фронт Освободительного движения Курдистана (Тевгер). В него вошли восемь политических партий и групп из Турецкого Курдистана. К ним относились «Ала Рызгари», КУК-СЕ (Социалистическое направление), Силовая партия курдистанских патриотов, Демократическая партия Турецкого Курдистана, Авангардная рабочая партия Курдистана, Социалистическая партия Турецкого Курдистана, Курдистанские революционеры, Союз курдских социалистов¹.

Фронт предложил всем курдским патриотам объединиться в борьбе за национальное освобождение. Он призвал ООН и связанные с ней организации, демократические и миролюбивые страны, демократические партии, гуманитарные общества, молодежные и женские организации, представителей мировой общественности выразить солидарность с борьбой курдского народа. Однако эти обращения не дали реальных политических результатов.

В марте 1993 г. лидер Рабочей партии Курдистана Абдулла Оджалан и генеральный секретарь Социалистической партии Курдистана (прежнее название — Социалистическая партия Турецкого Курдистана) Кемаль Буркай заключили соглашение о совместных действиях возглавляемых ими партий по мирному решению курд-

¹ Ismet G.Umset. PKK. Ayırlıkci Sıddetin 20 yılı (1973–1992). Ankara, 1993. С. 442.

ской проблемы в Турции. Они пришли к единому мнению по наиболее актуальным вопросам и опубликовали обращение к курдскому народу, в котором, в частности, говорилось:

1. Патриотические организации из одной или разных частей Курдистана должны проявлять уважение друг к другу, решать важные или возможные в будущем вопросы путем диалога и мирным путем. В отношениях между патриотическими организациями не следует прибегать к силе и проявлять враждебность во время дискуссий.

2. СПК и РПК будут прилагать усилия к улучшению отношений между патриотическими организациями Северного Курдистана, развивать сотрудничество и солидарность и постепенно создавать общий фронт борьбы.

3. Курдская нация, как и каждый народ, имеет право жить свободно, самостоятельно принимать решения о своем будущем, сопротивляться тирании и угнетению. Эти постулаты содержатся во Всеобщей декларации прав человека и Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

В последние годы турецкое правительство хотя и заявляло о признании существования курдского народа, в то же время упорно продолжает игнорировать его законные права. Справедливое решение курдского вопроса возможно только на основе признания равенства двух народов. В обращении говорилось, что только при такой демократической системе оба народа могут жить вместе, по-братски и мирно. Турецкая Республика должна стать демократической федерацией. Поэтому необходимо положить конец нынешней конфликтной ситуации, являющейся результатом многолетней политики угнетения, проводимой турецкими властями, и открыть путь к мирному решению проблемы. Если турецкое правительство также действительно хочет мира, демократии и равенства, тогда оно должно предпринять следующие шаги:

1. Взаимное прекращение огня. С этой точки зрения последняя инициатива РПК является положительным и историческим шагом.

2. Отмена чрезвычайного положения в курдском регионе, ликвидация тайных государственных вооруженных формирований, а также системы «сельских стражей».

3. Принятие демократической конституции, которая гарантирует существование и права курдского народа, отменит все антидемократические законы и организации.

4. Объявление всеобщей амнистии.

5. Признание полной свободы мысли, слова, печати и организаций.

6. Предоставление всем запрещенным партиям возможности легально принимать участие в политической жизни страны.

7. Признание языка, истории и культуры курдов; обеспечить им возможность учиться на родном языке в школах, организовать передачи на курдском языке по радио и телевидению.

8. Обеспечение возможности возвращения на прежние места постоянного проживания курдских беженцев, которые они были вынуждены по тем или иным причинам покинуть.

9. Составление эффективной программы для восстановления экономики Курдистана, испытывавшей за последние годы большие трудности, а также оживления сельского хозяйства и торговли.

Как и следовало ожидать, реакция турецких властей была резко негативной. Министр внутренних дел И. Сезгин отказался вступить в какие-либо контакты с «теми, кто проливает кровь», и призвал А. Оджалана «сдаться турецким войскам». В то же время большинство турецких парламентариев и высшие военные круги выступили против каких-либо уступок курдским «террористам» со стороны правительства.

В этих условиях РПК, Социалистическая партия Курдистана, Демократическая партия Курдистана, КУК, «Екбун», «Ала Рызгари» и «Кава» 29 мая 1993 г. провели в Бонне демонстрацию и митинг, в которых участвовали более 100 тыс. человек, практически все курдские организации и отчасти представители турецких левых сил.

Подписание акта о сотрудничестве между РПК и СПК, а также с другими курдскими партиями и стало важным шагом для всего

курдского народа. Акт был призван устранить разногласия и противоборство — традиционное зло курдского национального движения, в то же время он означал, что объединительные процессы в движении окрепли. После всесторонних переговоров 20 июня 1993 г. курдские политические партии опубликовали коммюнике, в котором заявили о своей готовности создать Национальный фронт.

Важным событием в курдском национальном движении стала III конференция Социалистической партии Курдистана, состоявшаяся в конце ноября 1994 г. После обсуждения текущих вопросов и деятельности партии за рубежом была принята Декларация, предусматривавшая мирное урегулирование курдского вопроса на основе равноправия курдов и турок¹.

Содержание Декларации и обращений, принятых на конференции, свидетельствовали о политической зрелости партии, которая выступала за мирное решение курдской проблемы в Турции и призывала мировую общественность осудить политику турецких властей, игнорировавших решение этой проблемы на условиях курдов.

В начале февраля 1995 г. 12 политических партий и организаций Северного Курдистана (РПК, СПК, Исламская партия Курдистана (ИПК), КУК, Социалистическое движение Курдистана (СДК), «Ала Рызгари», «Освобождение», Социалистическая борьба (СБ), «Екбун» и др.) опубликовали совместное коммюнике, в котором говорилось, что диалог, начатый в июне 1993 г., будет продолжен.

Были проведены новые переговоры. Подверглись серьезному обсуждению такие важные вопросы, как структура, программа, устав Национального фронта, а также тактика борьбы. В результате, несмотря на различие взглядов участников переговоров, была достигнута договоренность по многим вопросам.

Хотя к тому времени не было достаточных условий для создания Национального фронта, представители курдских организаций пришли к единому мнению — не прекращать процесс поисков согласия, создания атмосферы взаимного доверия².

¹ Third Conference of the Socialist Party of Kurdistan, November 1994. С. 1–4.

² Denge Azadi, 1995, № 38. С. 11.

В том же году политические партии и группы Турецкого Курдистана (РПК, СПК и др.) создали «Платформу курдистанских организаций» Национального фронта, что свидетельствовало о стремлении этих организаций объединить усилия в борьбе за национальные права курдов.

20 сентября 1995 г. «Платформа курдистанских организаций» в связи с 50-летием ООН опубликовала и распространила десятки тысяч открыток, в которых содержался призыв к главам государств включить курдскую проблему в повестку дня соответствующих структур ООН¹.

Следует отметить, что не все курдские организации имели одинаковый вес в политической жизни Турецкого Курдистана. Наиболее влиятельными среди них продолжали оставаться РПК и СПК.

В июне 1995 г. состоялся V съезд РПК, на котором с докладом выступил лидер партии Абдулла Оджалан. В докладе были отражены политические проблемы РПК, состояние национального самосознания курдского народа в условиях «специальной войны», ведущейся турецкими властями, организационные вопросы, критика и самокритика и др.² Съезд принял постановление, в котором, в частности, говорилось: «В настоящее время национально-освободительное движение в Курдистане в организационном, военно-политическом и общенациональном плане достигло высокого уровня, и теперь никто не может игнорировать волю нашего народа и не считаться с мнением его руководства... Рабочая партия Курдистана, борющаяся за независимость нашей родины и народа, готова дать положительные ответы на мирные инициативы государств и организаций при условии соблюдения принципов равенства и братства народов».

В соответствии с этим постановлением была сформирована делегация, которая была готова вести переговоры с турецкими властями на условиях мирного решения курдской проблемы.

12 апреля 1995 г. в Бельгии был создан Парламент Курдистана в изгнании (ПКИ), одновременно в Брюсселе открылось курдское

¹ Ronahi, 1995, № 26. С. 3.

² Ocalan A. NKK 5. Kongresine sunulan Politik Rapor. 1995.

телевидение МЕД-ТВ. Образовалась широкая сеть СМИ курдских организаций, в том числе и в странах СНГ. Все эти структуры в основном находились под влиянием РПК. В дальнейшем ситуация с курдскими организациями в Турции в значительной мере определялась событиями, связанными с арестом и смертным приговором А. Оджалану.

В конце мая 1999 г. в Амстердаме состоялось заседание Национального конгресса Курдистана. В нем приняли участие 174 представителя из различных частей Курдистана, а также курдской диаспоры, проживающей в странах СНГ и Западной Европы.

27 мая 1999 г. на своем первом пленарном заседании Национальный конгресс Курдистана избрал почетным председателем Конгресса Генерального председателя РПК Абдуллу Оджалана. Председателем Конгресса был избран видный курдский историк и общественный деятель Исмет Шериф Ванлы.

Конгресс объявил день ареста Абдуллы Оджалана — 15 февраля 1999 г. — днем борьбы за национальное единство.

Вместе с тем в заседании приняли участие не все представители курдских партий и организаций. В связи с этим участники Конгресса направили лидерам партий, которые не приняли участие в работе Конгресса, послание, осуждающее их позицию. В то же время Конгресс поддержал выдвинутую курдскими партиями Ирака (Демократической партией Курдистана, Патриотическим союзом Курдистана и др.) идею преобразования страны на федеративных началах. Было принято решение направить курдскому народу послание с призывом прекратить вооруженное противостояние между РПК и Демократической партией Курдистана в Северном Ираке.

В работе Конгресса официально не принял участия Патриотический союз Курдистана, однако он выступил с заявлением о поддержке деятельности Национального конгресса Курдистана.

В начале февраля 2000 г. были предприняты попытки оживить деятельность замороженных в связи с арестом А. Оджалана курдских организаций¹. Однако, несмотря на усилия политических

¹ Roja teze, 25.II.2000.

партий Турецкого Курдистана консолидировать свои силы в борьбе за права курдского народа, им это так и не удалось. После ареста А. Оджалана курдское движение погрузилось в глубокий кризис.

СЛОВО О М. А. ГАСРАТЯНЕ

Манвел Арсенович Гасратян был очень надежным, доброжелательным человеком. У него была нелегкая жизнь. Со школьной скамьи Манвел Арсенович ушел на фронт. Он был командиром подразделения войск ПВО, в которое входило около десятка девочек. Вспоминая, что их жизнь напоминала повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие», он рассказывал, как ему приходилось работать с этими девочками и какие трудности переносить. Он вспоминал, что там были и слезы, и трагедии, и радости. И конечно, он, командир, руководил этим подразделением, и многое ложилось на тогда еще юношеские плечи Манвела Арсеновича. Очевидно, это выработало его характер и сделало тем надежным человеком, которого мы знали. После окончания войны, вернувшись на родину, его ждали в деревне, в семье. Тем не менее он уехал учиться в Москву. Он вспоминал, как он приехал в Москву вместе с Юрием Мисаковичем Гарушьянцем, как они пошли в университет и стали выбирать, на какой факультет им поступать. Они оказались в приемной комиссии философского факультета и хотели уже подавать документы. Но там сидела очень претенциозная дама, которая сказала: «Вы из Азербайджана, а у нас одни сливки учатся». Гарушьянц, который, как известно, за словом в карман не лез, сказал: «А что мы сметана, что ли?» Обидевшись, они пошли тогда в не менее престижный тогда Институт востоковедения. Я думаю, что Институт востоковедения от этого только выиграл. Манвел Арсенович и Юрий Мисакович стали видными учеными-востоковедами. После этого Манвел Арсенович несколько лет работал в издательстве «Восточная литература». Обратите внимание: армянский мальчишка из азербайджанской глубинки смог стать не просто редактором, а хорошим научным редактором. Мне приходилось с ним работать. И я думаю, что это его личная заслуга. Это было совсем непросто в тех условиях, в которых жил Манвел Арсенович. Вместе с ним мы работали в секторе Турции. Вместе ездили в Турцию. Это был тот

человек, который в трудные минуты всегда протягивал руку своим коллегам, без просьбы. Я, например, это чувствовала. Я знала, что с ним можно поговорить. Когда обсуждали научные проблемы, он иногда не соглашался. И я знала, что надо усилить свою аргументацию. По житейским вопросам с ним всегда было можно поговорить и посоветоваться, даже денег до зарплаты перехватить. Все это было. Это была наша жизнь. Работая в секторе Турции, он написал и издал немало работ. И у меня с ним есть общая книга. Но он всегда искал какую-то свою нишу, свое особенное. Поскольку Манвел Арсенович интересовался национальным вопросом в Турции, о нашел эту нишу. И вместе с Михаилом Семеновичем Лазаревым они оказались у истоков нового витка развития курдоведения в Москве. Еще раз повторяю, главная черта Манвела Арсеновича — это надежность. Он был надежным и заботливым и в отношении своих сотрудников, и в отношении своей семьи, и в отношении своих дочерей, в отношении всех своих друзей. Поэтому я хочу сказать слова: хочется вспомнить поэта: «Не говори их нет, но с благодарностью — были». Светлая память Манвелу Арсеновичу.

О ДРУГЕ — М. А. ГАСРАТЯНЕ

Манвела Арсеновича я знаю с 1948 года. Мы вместе поступили в Московский Институт востоковедения на турецкое отделение. Тогда такая эйфория была, когда встречали наших воинов, которые решили пойти учиться. Среди таких демобилизованных солдат был и Манвел Арсенович. Действительно, солдат-победителей чуть ли не на руках носили. Но Манвел Арсенович ходил без гимнастерки и не кичился своими боевыми наградами, хотя постоянно чувствовалось, что он знает, и зачем он сюда пришел. Мне довелось с ним не только учиться до второго курса, но и жить в одной комнате в общежитии. С нами жил и Алик Вирабов, ставший затем арабистом, Сетунян и я. В такой вот армянской компании мы провели около года. И вот неожиданно Манвел заявил, что он не будет дальше с нами учиться, сдает экзамены за второй и третий курс и идет сразу на четвертый курс. Мы пошли на третий курс и наши пути вроде бы разошлись. Но поскольку мы жили в общежитии в одной комнате, то тесно соприкасались и постоянно общались. Я знал, что Манвел — исключительно выдержанный человек и никогда никого не обижал словом. Но однажды дерзкое слово я от него все-таки услышал. Как-то он сказал о своем обидчике: «У, горшок». Это самое большое, что он позволял себе.

Когда мы все увлекались различными спортивными мероприятиями, его звали играть в шахматы или в Кинга. Но его это не привлекало. Он не предпочитал играть и в волейбол, и в настольный теннис. Но однажды я увидел, что у него тоже есть увлечения. И не одно, а два. В один прекрасный день Манвел пришел в общежитие с мандолиной и начал выделывать такие мелодии, что, по-моему, исполнял даже «Полет шмеля». Он обладал хорошим слухом и прекрасно владел инструментом. И добивался хороших музыкальных успехов. И второе. Поскольку в общежитии жило много студентов с Кавказа, то везде играли в нарды, и Манвел любил эту игру. И однажды он увидел, как в нашу комнату пришел еще один игрок со

стороны. Это был Женя Примаков. Они стали играть в нарды. Я слышал какие-то непонятные слова, как, например. «шиш-беш». Такие игры проводились довольно часто. Ничто человеческое Манвелу не было чуждо. И позже я уже узнал, что когда Манвел готовил докторскую диссертацию, первым оппонентом у него должен был выступать Примаков. И когда все уже было на мази, вдруг стало известно, что Примакова назначают директором Института востоковедения. И первого оппонента тут же сменили. Манвел благополучно защитился, несмотря на то, что у него был большой «зигзаг» в жизни: он ушел в издательство «Восточная литература» и там очень хорошо набил руку. Именно там он увлекся Турцией. Когда мы еще учились, я неплохо владел турецким языком. Мы как-то разговорились, и я убедился, что он знает турецкий язык лучше меня. И, по-видимому, это позволило ему в дальнейшем заниматься практическим переводом.

И еще, лет 50 тому назад, он опубликовал книгу вместе с Петром Павловичем Моисеевым. Книга называлась «Турция ждет перемен». В то время Турция шла к переменам. Во-первых, к власти вместо Мендереса пришли новые люди, которые стали восстанавливать отношения с Советским Союзом. И Петр Павлович впервые поехал в изучаемую страну в качестве туриста, а Манвел Арсенович поехал в Турцию переводчиком на строительство возводившегося при помощи СССР Искендерунского металлургического комбината. Сказать честно, это был не подарок: переводить то, что ты не знаешь по-русски, термины там специфические. Манвелу Арсеновичу приходилось очень много работать, он находился там до конца и вернулся уже блестящим знатоком турецкого языка. Совместно с С. Ф. Орешковой и Ю. А. Петросяном Манвел Арсенович принимал участие в написании «Очерков Турции». С. Ф. Орешковой принадлежит там блестящая часть по истории Османской империи, а Манвелу Арсеновичу — другое. Впервые во всей нашей литературе — написал большой очерк по геноциду армян в Османской империи. Это дало ему возможность и дальше разрабатывать эту тему. У Манвела Арсеновича были веские причины, чтобы заниматься и курдами. Курды были унижены и обижены, так же примерно, как и армяне. У армян появилась своя

республика в составе СССР, а у курдов — только автономный район. И это подвигло его к изучению этого народа, который своей трагической историей ближе к армянам. Это увлекло его, и он написал много работ по курдскому вопросу: сначала по турецким курдам, а потом и курдов, населяющих Ирак, Сирию и Иран, что говорит о его обширных знаниях этой проблемы. Я считаю, что Манвел Арсенович всегда был таким глубоким ученым. Он никогда не спешил резко одернуть кого-то, если он был с ним не согласен, а приводил факты для аргументации своей позиции. Это давало возможность или исправить работу, или аргументировать свою точку зрения, чтобы придерживаться ее в дальнейшем. Я думаю, что Манвел Арсенович ушел от нас, оставив о себе добрую память.

В давние времена мы с ним, А. Базиянцем и Р. Корниенко и другими товарищами ходили обедать в «Будапешт» или «Арагви», просто так, без спиртных напитков — зарплата нам это позволяла. И это тоже сближало. Корниенко часто вспоминал войну, а Манвел Арсенович не поддерживал этот разговор, хотя у него был боевой опыт не только на западной границе, но и на восточной. На Сахалине он был в зенитной артиллерии. Но он стремился говорить о тех насущных делах, которые нас всегда беспокоили. Я думаю, что мы всегда будем помнить Манвела Арсеновича как прекрасного специалиста не только по Турции, но и по курдоведению. И он внес такой вклад, который мы должны помнить и сегодня, и завтра, и всегда.

РОССИЙСКОЕ КУРДОВЕДЕНИЕ КАК ТРАДИЦИОННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВОСТОКОВЕДНОЙ НАУКИ

Курдоведение как самостоятельное направление ориенталистики возникло в России. Начало его развития относится ко времени включения Закавказья в состав Российской империи и ее последующей политикой в южном направлении, сопровождавшейся русско-иранскими и русско-турецкими войнами. Это наука о курдском народе, являющимся автохтоном Западной Азии и обладающим богатой древней культурой. В этническом Курдистане, расположенном на стыке границ четырех стран — Турции, Сирии, Ирака и Ирана — курды насчитывают свыше 30 млн. человек. Территория их расселения богата природными ресурсами и имеет весьма важное геополитическое и геостратегическое значение. Между тем курдам никогда не удавалось создать объединенного централизованного государства, поэтому понятие «Курдистан» является географическим термином, обозначающим название страны их обитания.

Возникновение курдоведения в Российской империи

Несмотря на то, что сведения о курдах впервые появились в трудах зарубежных авторов в период усиления европейского колониализма на Востоке, первые серьезные научные исследования по курдоведению были предприняты российскими учеными. Информация о курдах, содержащаяся в записках многих европейских путешественников, посещавших Ближний и Средний Восток, послужила основой развития зарубежного курдоведения. Сначала оно считалось частью иранистики, но затем выделилось в отдельное направление.

Курдистан, расположенный в центре Западной Азии и занимающий исключительное по своей важности положение, не мог не привлечь внимания европейских государств. Судьбой курдского народа заинтересовались как в России, так и на Западе. В Курдистан устремились многочисленные советники, его области усиленно изучались. В результате появилось большое количество работ по географии Курдистана: А. Жобера, И. Н. Березина, В. Диттеля, Н. Ханыкова, Ю. С. Карцева, Ж. Морьера, Дж. Киннейра и др. Были опубликованы исследования, в которых центральное место уделялось истории и этнографии курдов (И. Н. Березина, Х. Абовяна, В. Диттеля, П. И. Лерха, А. Худабашева, А. Дюпре, Р. Кер-Портера и др.). Эти работы вызвали огромный интерес, подтверждением чему являются многочисленные переводы их на другие языки. Все это свидетельствует о том большом внимании, которое уделялось истории, этнографии курдов и географии Курдистана в XIX в.

Почти одновременно зародились и стали развиваться фундаментальное и прикладное направления в курдоведении. Впоследствии они утвердились в признанном статусе самостоятельной востоковедной специальности. В Российской академии наук и Санкт-Петербургском университете были заложены основы науки о курдах и их стране, началось преподавание и изучение курдского языка в его литературных и диалектных формах, стали издаваться ценнейшие памятники курдской культуры, истории, литературы. Большая заслуга в деле публикации памятников курдской письменности и изучения Курдистана принадлежит русским ученым и Российской академии наук, которая ко второй половине XIX в. стала организующим центром изучения истории, этнографии, языка и литературы курдского народа. В 1860–1862 гг. В. В. Вельяминым-Зерновым, в ту пору молодым востоковедом, позднее — доктором турецко-татарской словесности, был издан персидский текст «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси, ценнейшего и первоклассного, по замечанию академика Х. Д. Френа, исторического источника.

С самого начала курдоведение в России развивалось как комплексная наука, представленная трудами по языку, фольклору, классической и современной литературе, историографии, этногра-

фии, географии и природоведению. Это и позволило заложить фундаментальные основы под становление и развитие практического, прикладного курдоведения, необходимость в котором диктовалась государственными интересами страны. В основном им занимались военно-политические деятели и дипломаты, которые непосредственно соприкасались с курдами в районах их расселения в Закавказье и собственно Курдистане. Им удалось собрать и опубликовать большое количество разнообразных сведений о курдах и их стране, которые явились ценнейшим источником для использования академической и университетской наукой в России. Кроме того, ими были собраны памятники курдской письменности, составившие ценнейшую коллекцию рукописей Российской академии наук.

Документальные сведения, собранные русскими путешественниками о курдах и Курдистане XIX–XX вв. (А. И. Аверьянов, А. М. Колюбакин и др.), привели к появлению научных исследований по истории, языку, религии, фольклору и литературе курдов (труды П. И. Лерха, А. Д. Жабы, Н. Я. Марра, В. А. Гордлевского, И. А. Орбели, С. А. Егизарова и др.). Блестящее знание Курдистана и его особенностей отличают работы крупнейшего русского курдоведа и ираниста В. Ф. Минорского.

Курдоведению в Российской империи удалось сделать немало важных исследований и открытий, и эти достижения были признаны мировой востоковедной наукой.

Курдоведение в СССР

В советский период отечественное курдоведение продолжало развиваться и сохранило лидирующее положение в мировом востоковедении. В его классической, фундаментальной отрасли трудились востоковеды «старой школы» (знаменитый Н. Я. Марр, более молодой И. А. Орбели), но появились и новые имена (К. К. Курдовев, М. Б. Руденко, О. Л. Вильчевский). Между тем некоторые курдоведы оказались за рубежом, но продолжали работать в лоне отечественной науки, поддерживая тесные контакты со своими колле-

гами в СССР. Особенно следует отметить В. Ф. Минорского и В. П. Никитина, создавших поистине классические труды в области истории и культуры курдов и Курдистана.

Курдоведение в Советском Союзе прошло как бы несколько этапов своего развития. Первый этап начался еще в 20–30-е гг. XX в. Его развитие обуславливалось и практической необходимостью: в 1923–1929 гг. в Азербайджанской ССР существовал район Курдистан, выделенный в самостоятельную административную единицу. Курдский язык преподавали в школе, в Армении функционировал курдский педагогический техникум, издавалась газета «Риа Таза» и пр. В 1931 г. Народный комиссариат просвещения Армении организовал первую научную экспедицию для сбора образцов устного творчества курдов, в состав которой вошли Аджие Джнди, Джардое Генджо и композитор Каро Закарян. Часть собранного материала легла в основу изданного в Ереване в 1936 г. первого сборника курдского фольклора, подготовленного А. Джнди и А. Авдалом.

В Ленинграде некоторые курдоведы испытывали влияние «яфетической теории» академика Н. Я. Марра, пытавшегося увязать и это направление с марксизмом. В рамках его школы работали, ставшие впоследствии известными курдоведами, ученые, например, О. Л. Вильчевский и др. Хотя учение Н. Я. Марра о языке было раскритиковано лингвистами, под влиянием его идей было написано немало серьезных работ по курдоведению, не потерявших своей значимости и сегодня¹.

Благотворно сказалось привлечение к курдоведению молодежи из Закавказья, получившей доступ к образованию и к специальной подготовке под руководством признанных авторитетов старой школы. Это помогло развернуть большую работу в такой специфической области курдоведения, требующей участия живых носителей

¹ См., например: Вильчевский О. Л. Материалы по истории общественных форм в Курдистане. Л., 1932.

языка, как курдская филология (языкознание, литература, богатейший курдский фольклор) и этнография¹.

В июле 1934 г. состоялась Всесоюзная курдоведческая конференция, на которой обсуждались достижения советской науки о курдах и Курдистане. Особо отмечалось, что в Советском Союзе возникла курдская интеллигенция, которая начала создавать национальную литературу на курдском языке; освещались проблемы социально-экономического развития курдского общества в прошлом и настоящем, подчеркивалась практическая значимость создания единого курдского литературного языка на основе языка курдов Армении, близкого к ряду диалектов зарубежных курдов и т.д.

Сталинская национальная политика в районах компактного проживания курдов сопровождалась репрессиями, которым подверглись и видные курдские ученые. Среди них был, например, и А. Джнди, несправедливо обвиненный в шпионаже и контрреволюционной деятельности. Поводом послужила его переписка с представителем семьи Бадрханидов — Мир Джаладет Бадр-ханом, издававшим в Сирии журнал «Хавар». В марте 1938 г. А. Джнди арестовали, а через год оправдали и освободили.

Вторая мировая война внесла свои коррективы в науку о курдах и Курдистане. Во время войны советское руководство непосредственно столкнулось с курдской проблемой в странах Ближнего и Среднего Востока. Ведь на подступах к Закавказью, где проживали советские курды, Германия планировала открыть еще один фронт с целью оккупации территории Советского Закавказья, богатого нефтью и другими природными ресурсами. Информация о зарубежных курдах стекалась в Политическое Управление Закавказского военного округа, а также публиковалась в издаваемой в Тбилиси газете «Заря Востока» и др. Во время войны в Тбилиси, в частности, была опубликована книга О. Л. Вильческого «Курды Северо-Западного Ирана» (1944).

¹ Васильева Е.И., Мусаэлян Ж.С. Он сумел объять необъятное // Свободный Курдистан. Сентябрь, № 9 (87), 2010. С. 15.

Новый этап советского курдоведения начался в 60-е гг. Определенную роль при этом сыграло пребывание руководителя движения иракских курдов Муллы Мустафы Барзани в СССР и его встречи с советскими государственными деятелями. Опираясь на поддержку курдов, советское руководство намеревалось реализовать свои интересы в некоторых странах региона Западной Азии.

Политическая заинтересованность явилась стимулом развития и науки о курдах и Курдистане. В области фундаментальных исследований продолжали свою деятельность ленинградские курдоведы. Знаковой работой явилась монография О. Л. Вильчевского «Курды. Введение в этническую историю» (1964). В ней рассмотрена этническая история курдов в древности и изложен ряд новых и оригинальных положений о становлении курдского народа. Автор привлек многочисленные и разнообразные источники о древних государствах Переднего Востока. Он поставил проблему соотношения и взаимовлияния кочевых и оседлых племен в связи с типом хозяйства, обусловленным в известной степени географическими факторами.

В 60–80-е гг. в Ленинграде работали и другие замечательные курдоведы: К. К. Курдоев, К. Эйюби, И. Смирнова, З. А. Юсупова, М. Б. Руденко, Ж. С. Мусаэлян, Е. И. Васильева, О. Дж. Джалилов. Выходили исследования в области курдского языка и диалектологии, написана сравнительно-историческая грамматика курдского языка, опубликованы работы по курдской литературе и фольклору. Важным направлением исследований ленинградских ученых были перевод и комментарии памятников курдской письменности. Так, в 1976 г. Е. И. Васильева перевела на русский язык с персидского и издала с комментариями и приложениями книгу «Шараф-наме» Шараф хана Бидлиси, важный источник по истории курдов и Курдистана XVI в. В 1984 г. ею же был подготовлен к печати и издан текст «Хроники» (Истории курдского княжеского дома Бани Арделан) Хусрава ибн Мухаммада Бани Арделана с введением и примечаниями.

В это же время работы по истории курдского национального движения появились и в Москве, в Институте народов Азии

АН СССР и Институте языкознания АН СССР. Там трудились такие авторитетные ученые, как, например, историки Н. А. Халфин, М. С. Лазарев, М. А. Гасратян и др. В 60-е гг. были написаны и опубликованы монографические исследования Н. А. Халфина и М. С. Лазарева по истории курдского национального движения XIX–XX вв. в странах Западной Азии и интересах царской России в этническом Курдистане, основанные на проработке большого объема архивных источников. Работавший с 1961 г. по курдской проблематике М. А. Гасратян скрупулезно и глубоко анализировал курдский вопрос в Турции и национальное движение турецких курдов, опираясь на документы и материалы курдских политических партий и организаций.

Вместе с тем курдоведческие центры функционировали в Ереване и Тбилиси. И это было не случайно, поскольку в Армении и Азербайджане сосредоточено довольно многочисленное курдское население. Наряду с русскими специалистами в этих центрах работали курдские и местные ученые, своими исследованиями внесшие важный вклад в курдское языкознание, фольклористику, литературоведение. Советское курдоведение обогатилось ценнейшими по своей глубине и исчерпывающей полноте трудами (грамматики, словари, научные исследования по филологии различных жанров, научные публикации фольклорных и литературных текстов, работы по курдской этнографии и т.д.)¹.

Среди ученых, внесших весомый вклад в советское курдоведение, можно назвать имена представителей не только Москвы и Ленинграда, но и Тбилиси (А. М. Ментешавили), и Еревана (Ш. Х. Мгои, Джалиля Джалиле и др.).

С этого времени начинается систематическое и планомерное изучение проблем курдоведения. Опираясь на достижения революционной курдоведческой науки и продолжая развивать ее лучшие

¹ См. работы А. Джнди («Рустами Зал», «Курдские народные пословицы и поговорки» и др.), публикации коллектива сотрудников группы курдоведения Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, например «Народные варианты курдской поэмы “Мам и Зин”» (1978).

традиции, советское курдоведение добилось значительных успехов в деле публикации научных трудов и подготовки курдоведческих кадров. Были написаны и опубликованы научные исследования, грамматики, изданы курдско-русские и русско-курдские словари. Ряд работ посвящен сравнительному исследованию курдских говоров и диалектов. Серьезных успехов добились отечественные историки-курдоведы в исследовании средневекового периода истории курдского народа, а также нового и новейшего времени. Значительное число диссертаций было посвящено национально-освободительному движению курдского народа. В известной степени была создана материальная и научная база для написания обобщающих монографических трудов по истории различных периодов развития Курдистана.

С целью развития прикладного, практического курдоведения в конце 70-х гг. XX в. в Институте востоковедения РАН было принято решение о создании Группы по изучению курдского вопроса, организация которого была поручена видному туркологу и курдоведу М. А. Гасратяну. Группа постепенно становилась координирующим центром развития курдоведения в Советском Союзе.

Важную роль Группа сыграла в подготовке и проведении межинститутского совещания по курдоведению в Ленинграде, состоявшемся 16–17 ноября 1982 г., в организации которого участвовал также Курдский кабинет ЛО ИВ АН (Ленинградского отделения Института востоковедения Российской академии наук). В нем приняли участие специалисты из Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана, Самарканда — всего 30 человек. Общие проблемы курдоведения как комплексной востоковедной науки звучали в выступлениях заведующего ЛО ИВ АН проф. Ю. А. Петросяна и зав. Курдским кабинетом ЛО ИВ АН К. К. Курдоева. Особое внимание было обращено на славные традиции российского курдоведения, на необходимость их продолжения и развития в соответствии с актуальными задачами современности. Докладчики и выступавшие подробно проанализировали достижения отечественного курдоведения. Современное состояние курдского вопроса в странах Ближнего Востока было освещено в основном в докладах М. А. Гасратяна,

Ш. Х. Мгой, Ш. А. Аширяна, О. И. Жигалиной. Они остановились на анализе состояния курдского национального движения в Ираке, Турции, Иране и Сирии, повстанческого движения в Иракском и Иранском Курдистане, на проблемах партийно-политического руководства национальной борьбой курдского народа в 80-е гг. XX в. Во время обсуждения этих вопросов особенно подчеркивалась необходимость преодоления конъюнктурного подхода к оценке отдельных фактов и событий.

Проблема изучения истории курдов и Курдистана нашла отражение в докладах М. С. Лазарева, Д. Д. Джалиле и др. Ими была поставлена задача необходимости создания фундаментального труда по истории курдов и Курдистана, что являлось задачей не только большого научного, но и актуального политического значения. Ставился также вопрос и о разработке социально-экономического аспекта истории курдов.

В выступлениях К. К. Курдоева, О. Д. Джалилова, П. Л. Цаболова, И. А. Смирновой, К. П. Эйюби, З. А. Юсуповой, Ю. Ю. Авалиани, К. З. Анкоси, М. У. Хамояна, К. И. Мирзоева подчеркивалось, что проблемы курдской культуры, литературы и языка требуют дальнейшей углубленной разработки, поскольку, по мнению этих ученых, установление взаимопонимания по спорным вопросам курдского языкознания важно не только с научной точки зрения, ибо речь, в сущности, шла об актуальных проблемах развития курдской культуры и национального самосознания. Вместе с тем во время дискуссий был выявлен и значительный новый материал по курдской культуре и филологии, который мог быть использован в дальнейших исследованиях.

На совещании выступили специалисты по курдам Советского Закавказья (Л. Б. Пашаева, Г. Худоян), осветившие актуальные вопросы этнографического изучения закавказских курдов.

Вопросы организационного развития российского курдоведения нашли отражение в выступлении Н. А. Халфина, а обеспечения его издательскими средствами — в выступлении И. М. Дижура, старшего научного редактора Главной Редакции восточной литературы издательства «Наука».

Совещание 1982 г. в Ленинграде явилось началом нового этапа развития отечественной курдоведческой науки.

В 1984 г. Группа по изучению курдского вопроса была преобразована в Сектор курдоведения, который сначала возглавлял М. А. Гасратян, а затем М. С. Лазарев. Под руководством этих авторитетных ученых Сектор внес важный вклад в координацию исследований курдоведческих центров страны (Ленинграда, Тбилиси, Еревана и др.). М. А. Гасратяном, как его руководителем, были поставлены такие важные задачи, как написание обобщающих трудов по истории курдского народа, по истории курдского национального движения, а также фундаментальной работы о курдах и их культуре с привлечением курдских, арабских, турецких и персидских источников. Особое внимание уделялось изучению современного состояния курдской проблемы в странах Ближнего и Среднего Востока (Иран, Ирак, Сирия, Турция), социально-экономической ситуации, а также положению курдов в странах Западной Европы.

Осуществление этих задач требовало решения вопроса о подготовке новых курдоведческих кадров с целью недопущения ликвидации этой отрасли востоковедной науки, традиционно наиболее развитой именно в нашей стране.

Важным аспектом работы было подключение Сектора к ситуационным анализам, которые впервые ввел в Институте академик Е. М. Примаков. Под его председательством был проведен ситанализ по курдской проблеме.

Важный вклад в развитие отечественного курдоведения внесли фундаментальные исследования М. А. Гасратяна, М. С. Лазарева, Ш. Х. Мгои, а также коллективная монография «Курдское национальное движение в новое и новейшее время» (1989), в которой приняли участие ученые Москвы и Еревана.

Российское курдоведение на современном этапе

После распада Советского Союза многие авторитетные курдоведы остались за пределами России, в странах СНГ и Европе. В РФ

функционировали два центра курдоведения — в Москве и Санкт-Петербурге. В последнем проводились исследования по средневековой истории курдов, курдскому языку, литературе и фольклору. В Санкт-Петербургском Отделении Института востоковедения РАН работали такие известные ученые, как Е. И. Васильева, О. Д. Джалилов, Ж. С. Мусаэлян, З. А. Юсупова и др. Истории двух курдских эмиратов Бабан и Арделан была посвящена монография Е. И. Васильевой (1991)¹, Х. С. Мусаэлян опубликовала «Библиографию по курдоведению» (1996), а Дж. Джалиле — монографию «Из истории общественно-политической жизни курдов в конце XIX — начале XX вв.» (1997). Уникальные исследования по курдской диалектологии (сулейманийский диалект курдского языка, авромани, горани и др.) принадлежат З. А. Юсуповой. Она выступила и как составитель курдско-русского словаря (сорани), а также как переводчик литературных произведений курдских авторов.

В Москве проводились и фундаментальные, и прикладные исследования, сосредоточенные в основном на разработке тематики по новой и новейшей истории, национально-демократическому движению курдов в странах Западной Азии и др. В Секторе курдоведения Института востоковедения РАН трудились М. А. Гасратян, Расул Башир, О. И. Жигалина и др. В области курдской филологии работал Р. Л. Цаболов.

В начале 90-х гг. XX в. поддерживалось сотрудничество с курдоведческими центрами СНГ (Армении, Грузии, Казахстана). Были проведены совместные конференции и подготовлена коллективная монография «История Курдистана», опубликованная в 1999 г. Итогом прикладных исследований явилась публикация коллективной монографии «Современный Курдистан» (1995), переведенной на курдский язык и изданной в Германии в 1998 г., сборника статей «Южный Курдистан сегодня (уроки кризиса)» (1997).

В эти же годы в Москве работал Курдский научно-просветительский центр, возглавляемый академиком АН Армении

¹ Васильева Е.И. Юго-Восточный Курдистан в XVI — начале XIX веков. М., 1991.

Ш. Х. Мгой, который занимался публикацией научно-популярных изданий на русском и курдском языках. Был издан «Курдский альманах» на русском и курдском языках, а также некоторые научные исследования, в числе которых, например, «Курдские сказки, легенды, предания» (1998), а также «Курдский диалект заза» И. А. Смирновой и К. Эйюби (1998).

В конце 90-х — начале 2000-х гг. в Москве появились сомнительные публикации по курдоведению, издававшиеся различными курдскими организациями. Кроме того, появилась псевдонаучная литература по древней истории курдов, поддерживаемая некоторыми организациями зарубежных курдов.

В начале XXI в. связи российских курдоведов и курдоведческих центров СНГ ослабли. Сектор курдоведения ИВ РАН продолжал традиции фундаментального и прикладного курдоведения. В это время было опубликовано несколько знаковых монографий (М. С. Лазаревым, О. И. Жигалиной, К. В. Вертяевым, Н. З. Мосаки, С. М. Ивановым), несколько сборников статей. В рамках «круглых столов» анализировалась современная ситуация в курдских ареалах стран Западной Азии.

Итак, курдоведение в России как традиционное направление востоковедной науки прошло несколько этапов развития: первый этап становления — в Российской империи, когда были заложены источниковедческие основы, началось создание фундаментальных и прикладных исследований; второй этап относится к советскому периоду, когда продолжались сложившиеся в науке о курдах традиции. Курдоведение обогатилось важными и глубокими исследованиями, которые, однако, были ограничены рамками марксистско-ленинской идеологии. Третий, современный, этап характеризуется созданием свободных от идеологических пут научных исследований о курдах и Курдистане фундаментального и прикладного значения, а также ожиданием привлечения к курдоведению молодых ученых.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КУРДСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ И СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Курдский язык принадлежит к северо-западной группе иранских языков, входящих в индоевропейскую языковую семью. Он распространен на обширной целостной территории Курдистана, административно разделенного между сопредельными странами — Турцией, Ираном, Ираком и Сирией. Курдоязычное население, по современным данным, проживает и в отдельных районах Афганистана, а также в бывших республиках Советского Союза — Армении, Грузии, Азербайджане и отчасти — в Туркмении, Казахстане и Киргизии¹.

Административно-политическая расчлененность Курдистана, а отсюда и чрезвычайно сложные исторические пути его развития во многом обусловили полидиалектное существование курдского языка, что в значительной мере препятствовало его консолидации и, как следствие, созданию единого литературного языка.

Подобная языковая ситуация — имеется в виду насильственная разделенность носителей языка (в рамках жестких политических систем) — явление уникальное, требующее проявлять особую ответственность при определении диалектного состава курдского языка, теснейшим образом связанного с вопросами этногенеза курдов, их этнической и территориальной общности.

На сегодняшний день исследователями (как курдскими, так и европейскими) признается существование нескольких диалектных групп курдского языка². Однако единой классификации диалектов и используемой для их названий терминологии мы в них не находим. Терминологический разнобой вызван главным образом тем, что в

¹ См.: Оранский И. М. Введение в иранское языкознание. М., 1988. С. 109–110.

² Подробно об этом см.: Юсупова З. А. Сулейманийский диалект курдского языка. М., 1985. С. 9–13.

одних классификациях диалекты определяются по географическому признаку, в других — по названию племени, а в третьих эти признаки смешиваются. Вместе с тем следует заметить, что в классификациях, предлагаемых курдскими учеными, состав диалектов один и тот же, и различаются они лишь группированием диалектов. Что касается европейских ученых (в их числе и некоторых российских), то они бездоказательно отторгают от курдского языка такие крупные его разновидности, как заза, горани и аврамани (об этом ниже).

В современном российском курдоведении выделяются две главные группы диалектов — северная и южная¹. К северной отнесены диалекты *курманджи* (бытует главным образом на территории Турецкого Курдистана, а также частью Иранского и Иракского Курдистана и Сирии) и диалект *заза* (распространен в ряде волостей, городов и деревень тридцати провинций Северо-Восточного Курдистана)². В составе южной группы выделяются подгруппы: 1) «сорани» (сорани, сулеймани, мукри (Иранский, Иракский Курдистан); 2) «горани» (горани, аврамани, баджалани, кандулаи (Иранский Курдистан); 3) «керманшахи» (керманшахи, сынэи, лаки, лури, файлы и, возможно, другие (Иранский Курдистан). Последние еще предстоит исследовать, хотя в специальной литературе имеются некоторые сведения о фонетике, морфологии и лексике этих диалектов. Так, в лингвистических этюдах французского ираниста Ж. де Моргана, содержащих описание диалектов «Персидского Курдистана» (аврамани, мукри, гарруси, йазиди сынэи, керманшахи, джафи, раджаби, сулеймани и лаки), помимо отдельных грамма-

¹ Впервые это деление было предложено К.К. Курдоевым, который провел фундаментальное исследование фонетики и морфологии курманджи (северный) и сорани (южный), дав сравнительное описание этих диалектов. — См.: Курдоев К. К. Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. М., 1978.

² См.: Смирнова И. А., Эйюби К. Р. Курдский диалект заза. М., 1998. С. 6.

тических характеристик приводится обширный лексический материал, отражающий основной фонд указанных диалектов¹.

Следует сказать, что деление диалектов на северные и южные основано на результатах всестороннего исследования главных диалектов обеих групп, на базе которых на сегодняшний день сформированы две формы курдского литературного языка: северной — *курманджи*, и южной — *сорани*.

Современным исследованиям курдского языка, все еще сохраняющего диалектную структуру, предшествовали многочисленные труды (разной степени научной значимости), авторы которых внесли свой вклад в изучение языка и культуры курдов.

Основы отечественного курдоведения и, в частности, курдского языкознания были, как известно, заложены еще в середине XIX — начале XX в. плеядой блестящих (прежде всего петербургских) ученых, таких как П. И. Лерх, А. Д. Жаба, В. Диттель, В. Ф. Минорский, Н. Я. Марр, В. Никитин, И. А. Орбели и др. Так, магистр В. Диттель, совершивший в 1844 г. трехгодичное путешествие по Курдистану, писал: «Путь мой лежал через Мардин, Диарбакир, Низибин и Урфу. Страны, по которым я проходил, составляли часть Курдистана и мало известны». И далее: «В Персии многочисленные племена курдов называют себя *леки* и говорят языком, который отличается от другого наречия — *лури*, сюда включается и огромное племя *бихтиарцев*, которые имеют свою литературу так точно, как и первые. Эти два наречия курдов и с тем вместе третье, называемое мною курди, и было предметом моих исследований»². По данным П. И. Лерха, В. Диттель намечал издать специальное исследование об истории курдов, их языке и наречиях. Однако смерть оборвала

¹ См.: Morgan J. de. Etudes linguistiques. Dialectes Kurdes. Langues et Dialectes du Nord de la Perse. T. V. P., 1904. См. также: Christensen A. Iranische Dialektaufzeichnungen aus dem Nachlass von F. C. Andreas Kurdische Dialekte bearbeitet von K. Barr. Berlin, 1939; Mokri M. Goranī ya tiranehay kurdi. Tehran, 1951 (на перс. яз).

² Диттель В. Обзор трехгодичного путешествия по Востоку. — Журнал Министерства народного просвещения. 1847, ч. I, отд. IV. С. 8–9.

его деятельность. Его рукописные заметки об истории, племенах и языках курдов, как и его докторская диссертация «О курдских наречиях», остались неизданными¹.

Первое научное описание грамматики курдского языка принадлежит перу петербургского ориенталиста — П. И. Лерха, автора вышеупомянутой трехтомной монографии по курдам, в предисловии к первой книге которой автор писал: «Я горжусь, что моему отечеству ученый мир будет одолжен первою обстоятельною монографиею о важном во многих отношениях племени курдов». По свидетельству И. И. Цукермана, Лерх намеревался дополнить свою монографию специальным исследованием по грамматике, которая, к сожалению, не была опубликована. Рукопись этой работы (на немецком языке), как пишет И. И. Цукерман, представляющей собой большого формата тетрадь в 42 листа под названием «Zerch. Kurdische Grammatik», находится в архиве Восточной библиотеки Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета².

П. Лерх делит курдский язык на пять наречий — курманджи, лури, кельхори, заза и горани, из которых он исследовал курманджи и заза, опубликовав тексты на этих диалектах и курдско-русский словарь.

Значительный вклад в изучение языка и словесности курдов сделан другим петербургским ученым первой половины XIX в. — А. Д. Жаба. Блестящий исследователь, А. Жаба, находясь с 1848 по 1866 г. на дипломатической службе в Турции (Эрзерум), сумел с помощью местных курдов собрать уникальную коллекцию курдских рукописей средневековой письменной литературы (на разных диалектах, но преимущественно — на курманджи)³, о существова-

¹ См.: Лерх П. Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях. Кн. III. СПб., 1858. С. 32.

² См.: Цукерман И. И. Очерки грамматики курдского языка. Грамматический род имен существительных. — Труды Института языкознания. Т. VI. М., 1956. С. 6.

³ См.: Руденко М. Б. Описание рукописей ленинградских собраний. М., 1961.

нии которой писал еще В. Диттель: «Я никак не ожидал, чтобы языки племен курдов, так мало исследованные ориенталистами, могли иметь кроме литературы устной, столь обширную письменную... В ней находим мы множество имен, прославившихся в поэзии и истории»¹. А. Жабба явился автором и первого курдско-французского словаря (около 15 тыс. слов), а также неопубликованных курдско-французского словаря диалектов *хеккари* и *ревенди* и курдско-французского разговорника².

В 1853 г. профессор Казанского университета И.Н. Березин опубликовал материалы по хорасанскому говору³, изучение которого было продолжено В. А. Ивановым, а затем Ч. Х. Бакаевым.

В эти же годы другой русский консул в Париже А. Ходзко опубликовал очерк сулейманийского диалекта курдского языка (1856). Тем самым было продолжено начатое В. Диттелем изучение южнокурдских диалектов. А в 1887 г. магистр персидской словесности В. А. Жуковский, находясь в Персии, куда он был направлен для исследования персидских диалектов, занялся изучением одного из крупных курдских диалектов — горани и племени горан, о которых он писал так: «Курды гураны в высшей степени любопытны и интересны в двух отношениях: во-первых потому, что они имеют свой диалект, рукописный материал которого хранится в Британском музее, во-вторых потому, что они составляют главный контингент приверженцев секты, на которую я позволю себе обратить внимание. Сами эти сектанты называют себя “людьми истины” (“ахл-и хакк”), персы же шииты крестят их именем “али илахи”, т.е. почитающих Али за божество, или “курд-баче”, т.е. дети курдского происхождения». В. А. Жуковским был собран ценный материал по диалекту горани (деревни Талахадеш), включающий образцы текстов и глоссарий⁴. Следует также вспомнить известную статью

¹ Диттель В. Указ. соч. С. 8–9.

² Jaba A. Dictionnaire kurde-français. St.-Petersburg, 1879.

³ Berezin I. Recherches sur les dialectes musulmans. II. Recherches sur les dialectes persans. Casan, 1853.

⁴ См.: Жуковский В. А. Секта «людей истины» — Ahli-ihakk в Персии. —

В. Минорского «Курды», в которой, затрагивая вопросы о курдском языке, автор замечает, что горани «играл роль литературного языка в Южном Курдистане»¹.

Несколькими годами ранее был опубликован сводный труд Ф. Юсти по курдской грамматике² (по материалам П. Лерха, А. Жабана, а также Е. Прима и А. Социна)³. Это первая сравнительно-историческая грамматика курдского языка, значение которой, по свидетельству известного курдоведа И. И. Цукермана, было несколько преувеличено⁴.

Вслед за грамматикой Ф. Юсти выходит в свет значительный этнографический труд С. А. Егиазарова⁵, содержащий ценный языковой материал (по языку курдов Армении), и его исследование, которое, по мнению того же И. И. Цукермана, «по фактическим данным и по глубине проникновения в строй курдского языка превосходит труд Ф. Юсти»⁶.

Как явствует из изложенного выше, в дореволюционной России к концу XIX столетия русская наука создала существенную базу для дальнейшего развития курдского языкознания, славные традиции которого были продолжены трудами советских ученых.

В начале 30-х гг. в Армении уже появляется ряд грамматических пособий на курдском и армянском языках⁷.

ЗВОРАО. 2 (1887, 1888. С. 1–24), а также: Материалы для изучения персидских наречий. Ч. 2. Петроград, 1922.

¹ Минорский В.Ф. Курды. Заметки и впечатления. Петроград, 1915.

² *Kurdische Grammatik von Ferdinand Justi*. St.Petersburg, 1880.

³ Pryn E., Socin A. *Kurdische Summlungen*. St.Petersburg (1887–1891).

⁴ Цукерман И. И. Очерки грамматики курдского языка. С. 10.

⁵ Егиазаров С. А. Курманджийские тексты. Краткий курманджийско-русский словарь. Краткий русско-курманджийский словарь. — Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества. Кн. XIII. Вып. 2. Тифлис, 1891.

⁶ Цукерман И. И. Очерки грамматики курдского языка. С. 10.

⁷ См.: Хачатрян А. *Ziman-nam-e kermançi*. Rewan (1932); Хачатрян А., Çin-di Н. *Ziman-name ya kyrmançi*. Rewan, 1935 и др.

В 1936 г. по заданию Института истории, литературы и языка Туркменской ССР И. И. Цукерман изучил говор курдов Туркмении, относящийся к хорасанскому курманджи. Результаты исследования были изложены в рукописи «Спряжение глагола в говоре курдов Туркмении (192 с. машинописи). Полное же описание хорасанского курманджи было опубликовано им в 1986 г.¹

В 1949, 1956 и 1960 гг. появляется ряд грамматик для курдских школ К. К. Курдоева².

В 1955 г. публикуется серия статей Ю. Ю. Авалиани (Самаркандский университет), посвященных значениям глагольных форм в курманджи. Анализ этих статей, как и других ее публикаций, дан в упомянутой выше книге И. И. Цукермана.

В 1957 г. выходит первая академическая грамматика курдского языка К. К. Курдоева, значение которой, по словам И. И. Цукермана, определяется тем, что «книга является первым подобным трудом на русском языке, а также широким охватом грамматических явлений и выделением ряда особенностей курдского языка ранее остававшихся незамеченными»³.

60–70-е гг. знаменуют собой новый, чрезвычайно важный этап в истории развития отечественного курдоведения, что в значительной мере было предопределено организацией в системе ЛО ИВ АН СССР Группы курдоведения, преобразованной затем в Курдский кабинет. 28 февраля 1959 г. заведующим ЛО ИВ АН СССР академиком И. А. Орбели был издан приказ: «Учитывая необходимость выработки четкого плана работы Отделения по курдоведению..., приказываю выделить с 1 марта 1959 г. группу курдоведов, числящихся в Иранском кабинете, в самостоятельную в организационном отношении группу, под моим руководством..., возложив на эту группу разработку всех проблем, связанных с изучением истории,

¹ См.: Цукерман И. И. Хорасанский курманджи. М., 1986.

² K'õrgo Q. Грамматика зьмане к'õрда (сэр зараве кõрманши) бона дәрсх а-пед III–IV, Йереван, 1949; Kõрдо Q. Грамматика зьмане кõрда бона к'омед V–VI. Ереван, 1956; Kõрдо Q. Грамматика змане кõрда, Ереван, 1960.

³ См.: И.И. Цукерман. Очерки курдской грамматики. С. 27.

культуры и языка курдского народа»¹. С этого времени научная деятельность ленинградских языковедов стала развиваться в трех направлениях: 1) составление грамматик литературных форм курдского языка; 2) диалектологические и сравнительно-диалектологические исследования; 3) составление словарей.

Основополагающими в указанных направлениях явились труды зачинателей курдского языкознания советского периода К. К. Курдоева, одновременно осуществлявшего руководство группой курдологов (после И. А. Орбели), и И. И. Цукермана. Особое место среди них занимают работы К. К. Курдоева, оказавшие большое влияние на развитие этой области как в нашей стране, так и за ее пределами. К. К. Курдоеву принадлежит первый Курдско-русский словарь курманджи с приложением грамматического очерка², сравнительная грамматика двух литературных форм курдского языка — курманджи и сорани³, а также многочисленные статьи по проблемам курдской грамматики. Одна из полезных (неопубликованных) работ К. К. Курдоева посвящена исследованию диалекта заза⁴. Это значительный труд объемом в 575 машинописных страниц, в котором автор проводит последовательное синхронное сравнение диалектов заза и курманджи в отношении их фонетики, грамматики и лексики, что, как он замечает в предисловии, было необходимо для определения генетического статуса заза. В данной монографии, помимо языковых критериев, выдвигаются экстралингвистические факторы (национальное самосознание, самоназвание, выбор литературного языка, общность материальной и духовной культуры с носителями

¹ ЛО ААН, ф.152, оп. 1(1959), № 2.

² Курдоев К. К. Курдско-русский словарь. М., 1960. Данному словарю предшествовала публикация небольшого «Курдско-русского словаря» московского курдолога Ч.Х. Бакаева (1957), а также «Русско-курдский словарь» И. Фаризова (1957).

³ Курдоев К. К. Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. М., 1978.

⁴ Рукопись работы под названием «Исследование заза. Курдская диалектология» (1975) находится в архиве ИВР РАН.

других диалектов курдского), свидетельствующие о том, что заза являют собой часть курдского этноса, а их язык — курдский.

Труды И. И. Цукермана посвящены исследованию курманджи (курдов Армении и Туркмении). В статье «Очерки грамматики курдского языка. Грамматический род имен существительных» (1956) излагается история изучения грамматического рода имен существительных, начиная с работы П. Лерха и кончая трудами К. К. Курдоева, содержащих свою схему классификации существительных в связи с категорией рода. Другой труд И. И. Цукермана посвящен исследованию глагольной системы курдского языка, в котором также подробно излагается история изучения глагольных форм в курманджи¹. Следующая работа И. И. Цукермана содержит описание другой разновидности курманджи — говора курдов Туркмении (выходцев из Хорасана)², которой предшествовала книга московского курдоведа Ч. Х. Бакаева³, а еще ранее — публикации И. Березина и В. Иванова. Поэтому в своем исследовании автор не ставил целью описание системы хорасанского курманджи, а «ограничился изложением разделов грамматики, содержащих, как сказано в предисловии к книге, новые сведения или развитие уже известных фактов». Детальному исследованию фонетики и морфологии курдского языка посвящены и многие статьи И. И. Цукермана⁴.

В эти же годы печатаются новые труды Ч. Х. Бакаева по исследованию языка курдов Азербайджана⁵, сравнительному описанию диалектов, представленных в Армении, Туркмении и Азербайджане⁶. Выходят в свет публикации другого московского курдоведа — Р. Л. Цаболова: «Очерк исторической фонетики курдского языка»

¹ Цукерман И. И. Очерки курдской грамматики. Глагольные формы. М., 1962.

² Цукерман И. И. Хорасанский курманджи. М., 1986.

³ Бакаев Г. Х. Говор курдов Туркмении. М., 1962.

⁴ См.: Мусаэлян Ж. С. Библиография по курдоведению.

⁵ Бакаев Ч. Х. Язык Азербайджанских курдов. М., 1965.

⁶ Бакаев Ч. Х. Язык курдов СССР. Сравнительная характеристика говоров. М., 1973.

(1976) и «Очерк исторической морфологии курдского языка» (1978).

Изложенный выше обзор работ по курдскому языку свидетельствует о том, что история его изучения складывалась таким образом, что исследованию подвергался главным образом диалект курманджи и его разновидности, на котором говорит большая часть населения Курдистана, и в меньшей степени другой северо-западный диалект — заза. Последний, как известно, некоторыми авторами (Д. Н. Маккензи, Р. Л. Цаболовым, Л. А. Пирейко, Г. С. Асатрян) бездоказательно исключается из диалектного состава курдского языка. Однако в работах последних лет, в частности в монографии известного курдоведа-лингвиста И. А. Смирновой, содержащей систематическое описание заза (области Дерсим), аргументировано доказана принадлежность заза к курдскому языку¹. Исследование выполнено по материалу, полученному от носителя заза названного региона. В нем проводится сравнение звукового состава и морфологической системы заза и других курдских диалектов в синхронном и историческом аспектах. Книга предваряется историей изучения² заза, где указаны основные исследования по описанию говоров заза городов Сиверек, Кор и Палу с прилегающими к ним территориями — это труды П. Лерха (1856–1858), О. Манна — К. Хаданка (1932) и американского ученого Т. Л. Тодда (1985)³.

В конце 70-х гг. ленинградские курдоведы приступают к изучению южных диалектов курдского языка, охватывающих обширные территории Иранского и Иракского Курдистана, чему в значительной мере способствовал приезд в ту пору в Ленинград группы молодых курдов (носителей южных диалектов) для обучения в аспи-

¹ Смирнова И. А., Эйюби К. Р. Курдский диалект заза. М., 1998.

² См. также: Хамоян М. У. К истории изучения заза. — Вопросы фразеологии, синтаксиса и грамматического строя иранских языков. Самарканд, 1972. Вып. 22.

³ Todd T. L. Grammar of Dimli (also know as Zaza). Michigan, University (USA), 1985 (диссертация).

рантуре. В результате были изучены и монографически описаны: диалект мукри (центр — г. Мехабад)¹, сулейманийский диалект (центр — г. Сулеймания)², положенный в основу современного литературного сорани³.

В 1983 г. вышел в свет первый Курдско-русский словарь (сорани) (около 25 тыс. слов), составленный К. К. Курдоевым и З. А. Юсуповой⁴. Позднее появилось описание диалекта *сынэи* (центр — г. Сына — курд. Сенендедж), на котором говорят курды устана (области) Курдистан у северо-западной границы Ирана с Ираком⁵.

В начале 90-х гг. XX столетия начинается работа по осуществлению одной из насущных задач курдоведения — изучение языка письменных памятников. Объектом подобного исследования — впервые в курдоведении — стали литературные памятники на южных диалектах горани и аврамани, на которых имеется богатая средневековая литература⁶. В 1992 г. автором этих строк была защищена докторская диссертация, посвященная исследованию языка группы памятников на горани XVIII—XIX вв., ставшая основанием для публикации соответствующей монографии⁷. Материалом для работы послужили изданные в ту пору Курдской академией наук в Ираке (Багдад) поэтические сборники пяти поэтов, писавших на литературном горани.

¹ Эйюби К. Р., Смирнова И. А. Курдский диалект мукри. Л., 1968.

² См. также: Смирнова И. А., Эйюби К. Р. Фонетика курдского языка. Диалект мукри.

³ Юсупова З. А. Сулеманийский диалект курдского языка. М., 1985.

⁴ Курдоев К. К., Юсупова З. А. Курдско-русский словарь (сорани). М., 1983.

⁵ Смирнова И. А., Эйюби К. Р. Курдский диалект сынэи. СПб., 2001.

⁶ См.: Руденко М. Б. Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961, а также: *Kurdische Handschriften Beschrieben von Kamal Fuad. Wiesbaden, 1970.*

⁷ Юсупова З. А. Курдский диалект аврамани. М., 2000. См. также: Юсупова З. А. «Диван» курдского поэта Маулави. Грамматическое описание. М., 2007.

Данные проведенного исследования позволили:

- 1) сформулировать важный теоретический вывод — язык памятников имеет основные черты грамматического строя курдского языка, объединяющие его не только с южными, но и с северными его диалектами;
- 2) по-новому решить вопрос о взаимоотношениях горани с прочими курдскими диалектами и определить его место в составе этих диалектов;
- 3) внести корректировку в существующую классификацию основных диалектных форм курдского языка, предложив иную группировку южнокурдских диалектов, к которым относится и горани.

В 2000 г. автором этих строк была издана монография по исследованию языка «Дивана» Саиди на диалекте аврамани¹, где определены грамматические отличия этого диалекта от горани.

В 2001 г. Н. Г. Сафонова защитила кандидатскую диссертацию, посвященную исследованию языка фольклорной версии известной поэмы «Бижан и Маниджа» на диалекте горани, датируемой примерно XVII в.² Исследование выполнено по критическому тексту поэмы, изданному в Париже известным иранистом М. Мукри, которому принадлежит публикация серии религиозных памятников на горани.

В целом же результаты исследований позволили сделать вывод о неправомерности бытующей в специальной литературе точки зрения о некурдской принадлежности диалектов горани и аврамани (Д. Н. Маккензи, Р. Л. Цаболов, Л. А. Пирейко). Эти диалекты и лингвистически, и этнически, и территориально, как и в историко-культурном плане, входят в курдский ареал.

Логическим завершением истории изучения курдского языка на сегодняшний день можно считать блестящий обобщающий труд И. А. Смирновой и К. Р. Эйюби «Историко-диалектологическая

¹ Юсупова З. А. Курдский диалект горани (по литературным памятникам XVIII–XIX вв.). СПб., 1998.

² Сафонова Н. Г. Фольклорная поэма «Бижан и Маниджа» как источник изучения курдского диалекта горани. Канд. дис. СПб., 2001.

грамматика курдского языка» (СПб., 1999). Авторы на материале группы северных и южных диалектов показывают, что, несмотря на существующие между этими диалектами различия, нередко весьма существенные, их объединяет глубокое системное сходство в фонетике, грамматике и в составе лексики.

Свою статью я хочу завершить словами недавно ушедшей от нас И. А. Смирновой: «Прошли эпохи, древние народы, современники курдов, поглотились волнами небытия, а курды остаются на арене истории. Не есть ли эта жизнестойкость — дар судьбы за выпавшую им вечную борьбу, за их непоколебимое самоощущение как единого народа, за подвиг создания и сохранения культуры в жестких условиях существования, а также залог успеха в отстаивании национальных прав?»¹

¹ Смирнова И. А. Курды: судьба, культура, язык // Новый Курдистан. № 1–2 (18–10), январь–февраль, 1999.

**ХРИСТИАНИЗАЦИЯ КУРДОВ В САСАНИДСКОМ
ИРАНЕ III–VII вв. н. э.
(по сирийским источникам)**

В исследованиях по истории Курдистана одной из самых сложных проблем остается характеристика религиозной ситуации в регионе. Для новой и новейшей истории эта сложность усугубляется пестротой конфессионального состава курдского населения, компактно проживающего на территории четырех ближневосточных государств: в западных и северо-западных районах Ирана, в северных и северо-восточных районах Ирака, на востоке Турции и на севере Сирии [Сабри Рашид, 2004]. Объективности анализа духовной жизни его народа на этапах древней и раннесредневековой истории мешает скудость или даже полное отсутствие прямых сведений о верованиях и религии населения из-за специфики источников, дающих в основном косвенную информацию о предмете исследования. Наиболее ценными сочинениями по истории раннего христианства в районах расселения курдов являются сирийские церковные хроники, жития святых подвижников и мучеников, пострадавших за веру христову, и постановления поместных соборов. При должной интерпретации они помогают полнее осветить проблемы, о которых историки религии имеют весьма туманные представления.

Вопросы, по которым у исследователей существуют разногласия, следующие: а) начало распространения христианства в областях Северной Месопотамии вообще и в курдских районах в частности; б) ареалы распространения христианства в курдских районах; в) конкретные примеры миссионерской деятельности на землях курдов; г) конфессиональное размежевание курдских христиан на несториан и монофизитов.

Попытаемся внести некоторую ясность в состояние проблемы, опираясь на свидетельства источников и их интерпретаторов.

У разных исследователей разброс мнений относительно начала распространения христианства в Северной Месопотамии и в курдских районах составляет около 500 лет, с I по VI в. н. э. [См.: Там же. С. 21–23]. Эта неопределенность в датировке вызвана использованием информации «из вторых рук», без обращения к синхронным источникам, отражающим разные этапы христианизации населения (эволюцию этого процесса). Сочинения раннесредневековых сирийских авторов дают возможность полнее представить развитие событий. Так, согласно «Истории Адиабенской церкви при парфянах и Сасанидах» автора VI в. Мешихазехи, использовавшего сочинения более ранних историков и жития адиабенских мучеников, первая община христиан в вассальном от Парфии княжестве Адиабена (сир. и араб. Хедайаб) появилась в самом начале II в. н. э.. [Mingana, 1907. P. 2–3 (Texte), 77–79 (Trad.)]¹. Напомним, что историческая область Адиабена располагалась в междуречье Большого и Малого Заба, на северо-востоке современного Ирака у границ с Ираном и Турцией. Мешихазеха пишет, что апостол Аддай рукоположил в качестве первого епископа Адиабены своего ученика Пкидху (годы служения — 104–114 н. э.). Деятельность Пкидхи на поприще утверждения христианства во враждебном иноверном окружении оказалась недолгой и скромной, поэтому официальных гонений не последовало. Вторым епископом Шамшун (120–123 гг.) после активных миссионерских трудов был казнен местными властями по настоянию зороастрийского жречества. При епископе Исааке (135–148 гг.) появился первый крещеный из парфянской знати — губернатор Адиабены Ракбахт. При нем же встречается первое упоминание о курдской горной области **Карду** (atrawat1 de būrl qardū), подвергшейся вторжению «варварских» народов, которые разграбили и разрушили многие города [Ibid. P. 8 (Texte), 84 (Trad.)]². Четвертый

¹ В более поздних переводах это сочинение фигурирует под титулом «Хроника Арбелы» (по названию административного центра провинции Адиабена).

² Издатель приходит к выводу, что вторжение совершили племена, обитавшие в горных районах Прикаспия или соседствующие с Бактрией ко-

епископ Авраам (148–163 гг.) с переменным успехом крестил «язычников» в горах.

При пятом епископе Ное (163–179 гг.) межконфессиональные отношения в области обострились. Сам епископ, спасаясь от мести магов, нашел прибежище в доме знатного парфянина. После его смерти христианская община Адиабены в течение четырех лет оставалась без духовного пастыря. Под давлением зороастрийского жречества многие новые члены общины из страха потерять кров и близких людей отошли от христианства и обратились к прежней религии. Несмотря на преследования, оставшиеся нашли в себе силы объединиться вокруг священников и избрать епископом Авеля (183–190 гг.), сына плотника из села Зайра (Зира) к северо-востоку от Арбелы. Они отправили его в г. Ханиту (греч. Ἰσάνη), расположенный в долине реки Равандуз (приток Малого Заба), где местный епископ Зехаишо рукоположил Авеля в новый церковный чин. При этом епископе имела место война парфян против персов (жителей провинции Парс) и мидян (обитателей исторической Мидии). В первых сражениях парфяне отступили, а в последующих одолели своих противников. Христиане Адиабены были обвинены в пособничестве врагам Парфии и подверглись гонениям [Ibid. P. 19–26 (Texte), 96–102 (Trad.)].

Примеры непростых отношений христиан с приверженцами господствующей религии можно продолжить. В изложении начальной истории адиабенской церкви особенно важным является факт распространения христианства в Северной Месопотамии и горных районах Курдистана уже во II в. н. э.

В более масштабном виде начало христианизации северных и южных областей Междуречья представлено в версии агиографического сочинения «Деяния Мар Мари». Ученик апостола Аддая, Мари, после смерти учителя оставил Эдессу, отправился в Нисибин, разрушал там капища идолов, строил церкви и монастыри. Оттуда в сопровождении священника и нескольких учеников (Фомы, Филип-

чевники долины Окса (Амударьи), которых парфяне, как и ассирийцы в древности, так и не могли до конца покорить.

па, Малкишо и Адды) он пошел на север, в Арзон. Рукоположив Филиппа священником в **Карду**, Мари с учениками направился вдоль Тигра на юг. По пути следования он проповедовал евангелие в Арбеле и на притоках Великого Заба, на землях древнего Асура и Ниневи. Там ученик Фома расстался с учителем, повернул в высокогорные долины Дасена¹, а оттуда направился в горы Курдистана и Мидии. Результаты его миссионерской деятельности неизвестны. Фома принял мученическую смерть в Гаваре у озера Урмия. Апостол Мари продолжил путь на юг, крестил иноверных в провинциях Бет Гармай и Бет Арамайе, рукоположил епископов в Дар-Кони и в Коке². После завершения апостольской миссии в Хузистане и в Парсе Мари назначил своим преемником епископа Селевкии арамея Папу, вернулся в Дар-Кони, где и почил в мире [Labourt, 1904. P. 12–13; Chr. Jullien, Fl. Jullien, 2002. P. 77–78]. Таким образом, утверждение христианства в сасанидской столице церковная традиция относит ко II в. н. э.

Другие сирийские сочинения (анонимные «Хроника Эдессы» и «Учение апостола Аддая»), а также «Церковная история» Евсевия Кесарийского, сохранившаяся в греческом оригинале и сирийском переводе, начало появления христианских общин в Осроене, соседней с Адиабеной провинции Верхнего Междуречья также датируют II в. н. э. [Пигулевская, 1979. P. 186–188; Chr. Jullien, Fl. Jullien, 2002. P. 123–124]. В одном из текстов Евсевий сообщает о соборе епископов Осроены, созванном в 197 г. н. э. для обсуждения вопроса о Пасхе.

¹ Область Дасен или Бет Дасен расположена на западе от верховьев Большого Заба [Chabot, 1902. С. 668,671; Morony, 1982, Fig.1, 4, 5].

² Dār Qōnī — (Qōnī, араб. Deir Qunnā) — название местечка в 80 км южнее Багдада на левобережье Тигра, где находится монастырь, в котором по преданию похоронен апостол Мари [Chabot, 1902. С. 680]. Kōkī — сирийское название города Селевкия-на-Тигре, в сасанидское время переименованного в Вех Ардашир. При Сасанидах в соборной церкви Коке располагалась резиденция несторианского патриарха.

При восьмом епископе Адиабены, Хиране (225–258 гг.), персы и мидяне в союзе с правителями Адиабены и Карки де Бет Селох разгромили парфян и вытеснили их за пределы Месопотамии. В начале правления Сасанидов численность крупных христианских общин в стране достигла двадцати, из которых шесть — в области Бет Забдай (Забдицене), в Карке де Бет Селох (Киркуке), в Арзанене (Арзоне), в Шахр-карде, Хулване и в Шигаре (Синджаре) — объединяли христиан Северной Месопотамии и соседних курдских районов [Mingana, 1907. P. 30 (Texte), 106 (Trad.)].

Существование районов со значительным курдским населением подтверждает и административная топонимика. О горной области **Карду**, подвергшейся вторжению варварских племен и принявшей первых христианских миссионеров во II в. н. э., уже говорилось выше. Другие источники также засвидетельствовали сугубо курдские названия нескольких областей. Речь идет о решениях несторианских соборов V–VII вв., которые скреплялись подписями и печатями епископов соответствующих городов и провинций. В числе этих топонимов фигурируют:

Карду (вариант — Бет Карду) — «курды» / «обитель курдов». Регион в верховьях Тигра, на левобережье. В соборах участвовали епископы: Милий (424 г.), Бар Саума (554 г.), Марута (605 г.);

Картавайе (вариант — Кардавайе) — курдские племена, населявшие местность к востоку от М. Заба, выше г. Арбелы (Ирбиля). Подпись епископа Келилишо стоит под решениями собора 585 г.;

Машкена де Курду («лагерь курдов») — поселение курдов в Фарсе. Подпись епископа Ардака стоит под решениями собора 424 г. [Chabot, 1902. P. 675–680].

В дополнение к нескольким «говорящим» топонимам, обозначающим резиденции несторианских епископов на землях курдов, следует вспомнить о «Деяниях несторианских соборов», в которых регулярно упоминаются епископы других северомесопотамских провинций и городов с традиционным контингентом верующих из этнических иранцев (в том числе курдов). Это касается епископий

Карка де Бет Селох (Киркук), **Хедайаб** (Адиабена) и других [Ibid. P. 673, 674].

Шигар (Сингар) — район к западу от Мосула, в окрестностях современного города Балад Синджара, в котором проживают курды-езиды, — в V–VII вв. славился обилием монастырей. Сохранился текст наставительного послания несторианского католикоса Сабришо I от 598 г. в адрес настоятелей и насельников монастырей и скитов Шигара [Ibid. P. 203–207 (Texte), 465–470 (Trad.)].

* * *

V век в истории Церкви Востока был отмечен полемикой богословов о природе Христа, приведшей к разделению общины верующих на несториан и монофизитов (яковитов). Но споры богословов не остановили распространения христианства на соседние территории, населенные «язычниками». В середине и во 2-й пол. V в. активизировалась деятельность христианских миссионеров в областях Иранского нагорья и в курдских районах. Интересную (хоть и не всегда подробную) информацию о христианизации курдского населения сообщают сирийские «Жития мучеников и святых» [Hoffmann, 1879; Bedjan, 1891]. Известно, что сын зороастрийца, принявший христианство, Петион (христианин во втором поколении) крестил курдов в горных районах от Мидии до долины Тигра. За обращение в христианство мобеда (главы жрецов) района Балашфарр Адур-Хормазда и его дочери Анахид Петион по приказу шаханшаха Йездигерда II в 447 г. был казнен вместе с новообращенными. Дядя Петиона, Йездин, избежал участи мученика. 32 года он провел в монастыре Карки де Бет Селох, а по возвращении домой, вместе со своим братом Дадишо (в зороастрийстве — Дад-Гушнаспом), обратил в христианство многих жителей Масабадана, Бет Дарайе и Бет Мадайе — областей, населенных этническими иранцами, в том числе курдами.

Большой раздел в «Житиях мучеников и святых» посвящен деятельности «учителя язычников» Сабы (в зороастрийстве — Гушн-Йаздада) и его соратников. Христианин в первом поколении, он был родом из Балашфарра (под Хулваном) в Мидии. Его отец,

Шахрен, принадлежал к древнему аристократическому роду Михран и был стойким приверженцем маздеизма. Мать, Радануш, тоже была иранкой, но благоволила к христианам. Воспитание сына мать доверила христианке, которая ненавязчиво прививала отроку основы своей религии. Длительное отсутствие отца на государственной службе Гушн-Йазад использовал для обретения начальных знаний в церкви (вместо посещения школы магов). По собственному желанию он принял крещение и получил имя Саба (Сава). После смерти отца Саба один из его дядей передал юноше обязанности главы семьи и право представительства на церемонии жертвоприношений вместо умершего отца. Саба отказался от этого права, за что был брошен в тюрьму, но скоро освобожден. Он раздал имущество нуждающимся и убедил мать принять крещение и уйти в монастырь. Приняв благословление от монаха Келилишо, Саба начал проповедовать христианство в окрестностях г. Хале (т.е. в Хулване) и крестил многих земляков. Епископ Лашома в сопровождении своих учеников посетил Сабу и рукоположил в священники. Саба вместе с учеником епископа Шахригом обратил в христианство все население города, включая мобеда, построил церковь и организовал в ней регулярную службу. После положительных результатов христианизации в окрестностях Хулвана Саба вместе с соратниками отправился в горы для крещения огнепоклонников-курдов. Неверчивые курды задержали миссионеров и содержали под присмотром в шатре. Но красноречие пришельцев и совершаемые ими чудеса (изгнание злых духов, чудесные исцеления недужных) только ускорили обращение курдов и местных «саддукеев». В той местности Саба основал общину верующих во Христа, назначил священника, который потом построил монастырь. Сам Саба вернулся в долину, разрушая по пути следования храмы язычников, возводя церкви и монастыри. Последние годы жизни Саба провел в построенной им келье, в которой прожил вместе с Шахригом 3,5 года. Он умер в 487 г.

Распространению христианства в Верхнем Междуречье и соседних областях в немалой степени способствовали и школы, создаваемые при монастырях. Сирийский автор Ишоденах (IX в.) в сочинении «Книга целомудрия» перечисляет области, города и мона-

стыри, в которых функционировали монастырские школы. Около десятка монастырских школ существовало и в областях с курдским населением, в том числе одна при монастыре Бет Афрайе в Курдистане, две — в области Бет Карду, две — в городе Карка де Бет Селох (Киркук) области Бет Гармай, две — при монастырях в области Адиабена, две — при монастырях в области Бет Гармай [Пигулевская, 1979. С. 80–81].

Многие эпизоды крещения курдов в VI в. — I пол. VII в. приводятся и в анонимной «Несторианской истории» («Хронике Сеерта»), написанной сирийцем по-арабски в VIII–IX вв. н. э., в годы, когда арабский язык стал вытеснять сирийский из церковных хроник [Chronique de Seert, 1919]. Отметим лишь несколько случаев христианизации.

Из «Истории Господина нашего Бар Идгы». После смерти своего учителя в Нисибинской школе Мар Авраама (ум. 588 г.) отшельник Бар Идта («Сын церкви») вместе с несколькими монахами отправился на гору Марга (Jabal al-Marj) и крестил живших там курдов (wa talamiza xalqan min al-akrād allazīn fīhi). Он построил там обитель и создал небольшую общину монахов (wa bana hunāka ‘umran wa ja‘al fīhi jamā‘at min al-rahībān). Бар Идта умер в первое воскресенье после Пасхи и был похоронен в своем монастыре. Из этого монастыря вышли несколько святых (qadīsūn), в их числе Симеон — основатель обители Сенна, Раббан Йозадаг, Раббан Хормуз и Иоанн «Перс» [Ibid. P. 446–447]. Имена этих святых встречаются и в «Книге целомудрия» автора IX в. Ишоденаха. Раббан Хормуз и Раббан Йозадаг после ухода из монастыря поселились в горной пещере в области Бет Нохадра (араб. Bānuhazgā) рядом с селением Алькош. Их пищей были листья и корни дикорастущих растений. Весть об отшельниках распространили охотники. К ним стали приходить люди. Хормуз исцелял больных и крестил их. Однажды он крестил 700 жителей Ниневии. Написал несколько богослужебных книг. В труднодоступной горной местности Бет Эдри (к северу от Мосула) Хормуз основал монастырь и продолжал миссионерскую деятельность. Это единственный из действующих древних мона-

стырей, который функционировал и в начале XX в. [Ibid. P. 595–597].

Из «Истории Сахроны». Сахрона (вариант. — Сахрой) происходил из нисибинской знати. Он посетил Мар Авраама и был рукоположен в монахи. В течение 40 лет Сахрона вел жизнь отшельника, стойко перенося жару и холод и не вкушая хлеба в три недели летнего поста. Потом он решил уйти в земли курдов и построить там монастырь (tum arā an yaqqad ar0 qurdan wa uabnā bihā ‘umran). Его усилиями была создана новая монашеская обитель [Ibid. P. 457].

Из «Истории Господина нашего Шапура». Святой Раббан Шапур родом из Хузистана с самого раннего детства стал избранныком божьим подобно Самуилу, Иеремии, Иоанну Крестителю. После окончания духовной школы он некоторое время преподавал в школе Дайр Михрака (fī askūli dayr mihrāq). Потом он отправился в Тустар (Шуштар) в сопровождении 7 школяров, которые вместе с ним избрали подвижнический образ жизни. После этого они пошли к Раббан Хайе, который обучил Шапура и его спутников монашескому пути и правилам Мар Авраама. Раббан Шапур вернулся к себе на родину и на горе в Тустаре основал монашескую обитель. К нему отовсюду приходило много людей. Он крестил соседних курдов (wa talamiza al-akrad al-mujāwarin). Шапур дожил до времени католикоса Ишоява III (648–658 гг.). Когда при встрече католикос спросил Шапура: «От кого ты принял монашество?», тот ответил: «От законов Мар Авраама и от Раббан Хайи» [Ibid. P. 459–460].

Из «Истории Господина нашего Ишоява». Святой Ишояв был родом из Бет Нухадры, области в верховьях Тигра между Хабуром, Тур Абдином и Сингарской возвышенностью [Chabot, 1902. P. 669; Могоуну, 1982, Fig. 3, 4, 5]. После окончания школы, расположенной в курдском городе Тманун (вариант — Таманин) (bi madīnat tamanin min qurdi), он ушел к отшельнику Ишозехе, который исцелил царя арабов Ну‘мана б.Мунзира. Некоторое время Ишояв исполнял в обители должность чтеца, которую ему доверил анахорет. Потом отправился к Мар Бабаю Нисибинскому и стал монахом его обители. С течением времени по милости божией Ишояв был назначен главой монашеской братии, но покинул келью, удалился в

горы Нухадры и поселился неподалеку от монастыря мученика Айталахи. Побеседовать с ним приходили монахи из соседних обителей. В гористой местности, в месте, куда курды приносили жертвы демонам (fi mawṓe' kāna al-akrād yaqarrabūn fihi al-qarābin li-š-šayātin), он построил монастырь. Однажды, сидя в келье, Ишояв увидел, как демоны подняли большой камень, чтобы бросить в него. Словом божьим святой остановил полет, и камень застыл в воздухе. Раббан Йозадаг, основавший монастырь в курдских землях (al- umṗ bi qurdi), утверждал, что в то время не было никого равного святому Ишояву в демонстрации чудес и в искусстве врачевания [Chronique de Seert, 1919. P. 515–516].

Процесс христианизации курдских районов облегчался тем обстоятельством, что, как видно из житийной литературы, наиболее успешными проповедниками новой веры выступали этнические иранцы, знавшие язык и обычаи местного населения. Численность активных христиан с иранскими именами (мучеников за веру, монахов, основателей монастырей, нижних и верхних чинов в церковной иерархии), упомянутых в сирийских источниках, достигала нескольких тысяч человек [Gignoux, Chr. Jullien, Fl. Jullien, 2009]. Любопытно, что и среди участников несторианских соборов V–VII вв. существовала тенденция к постепенному увеличению представительства иранского этнического элемента [Колесников, 1989. С. 128–132].

* * *

Первые общины яковитов (монофизитов) отмечены в Междуречье и курдских районах во 2-й пол. VI в. после их изгнания из Византии императором Юстинианом. В конце VI в. объявил гонения на яковитов и вассальный царь Хиры, Ну'ман б. Мунзир [Chronique de Seert, 1919. P. 468–469]. На 34-м году правления Хосрова II (623/624 г. н. э.) патриархом монофизитов Ирана стал Афанасий. На соборе яковитских клириков, состоявшемся в монастыре св. Матфея под Ниневией, были учреждены кафедры митрополита (в Такрите) и епископов — в Бет Арбае, Шигаре, Бет Нухадре, Арзоне, Шахразуре, Гизерте де Карду [Ibid. P. 542–543]. Общины яковитов часто

соседей с общинами несториан. Зафиксированы отдельные случаи смены конфессии. Так, в начале VII в. придворный врач Гавриил Шигарский, пользовавшийся влиянием у ближайшего окружения Хосрова II, после поражения в религиозном споре порвал с несторианством и стал яковитом. Несколько монофизитских епархий образовалось также в Нижнем Междуречье, а позднее — в Хорасане и Систане, но основной контингент яковитов на восточных пределах Сасанидской державы составляли переселенцы-армяне.

Источники и литература

- Bedjan, 1891* — Acta martyrum et sanctorum. T. 2 (Martyres Chaldaei et Persae). Ed. Bedjan. Parisiis, Lipsiae? 1891.
- Chabot, 1902* — Synodicon orientale ou Recueil de synodes nestorienes, publié, traduit et annoté par J. B. Chabot // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale et autres bibliothèques. T. 37. Paris, 1902.
- Christensen, 1944* — Christensen A. L'Iran sous les Sassanides. 2nd ed. Copenhagen, 1944.
- Chronique de Seert, 1919* — Histoire nestorienne (Chronique de Seert). Second partie (II), publiée et traduite par A. Scher ... avec le concours de R. Griveau // Patrologia orientalis. T. XIII. Paris, 1919.
- Gignoux, Jullien Chr., Jullien Fl., 2009* — Gignoux Ph., Jullien Chr., Jullien Fl. Noms propres Syriaques d'origine Iranienne // Iranisches Personennamenbuch. Bd VII: Iranische Namen in semitischen Nebenüberlieferungen. Fasz. 5. Wien, 2009.
- Hoffmann, 1879* — Hoffmann G. Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer // Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Bd. 7, Fasz. 3. Leipzig, 1879.
- Jullien Chr., Jullien Fl., 2002* — Jullien Chr., Jullien Fl. Apôtres des confines. Processus missionnaires Chrétiens dans l'Empire Iranien // Res Orientales. Vol. XV. Bures-sur-Yvette, 2002.
- Labourt, 1904* — Labourt J. Le Christianisme dans l'Empire Perse sous la dynastie Sassanide. P., 1904.

- Mingana, 1907* — Histoire de l'Église d'Adiabène sous les Parthes et Sassanides par Mšiha-Zkha (VI s.) // Sources Syriaques. Vol. I: Mšiha-Zkha (Texte et Traduction) ... par A. Mingana. Leipzig, 1907.
- Morony, 1982* — Morony M. G. Continuity and Change in the Administrative Geography of Late Sasanian and Early Islamic al-Irāq // Iran. Vol. XX. L., 1982.
- Колесников, 1989* — Колесников А. И. Иранцы в «Деяниях» несторианских соборов V–VII вв. // ПП и ПИК НВ, XXII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (Доклады и сообщения), 1988. М., 1989.
- Пигулевская, 1979* — Пигулевская Н. В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979.
- Пигулевская, 2000* — Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. СПб., 2000.
- Сабри Рашид, 2004* — Рашад Сабри Рашид. Этноконфессиональная ситуация в современном Курдистане. М. – СПб., 2004.

МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ И ВООБРАЖЕНИЕМ. КУРДСКИЙ ЯЗЫК В ОПИСАНИЯХ ПРОТЕСТАНТСКИХ МИССИОНЕРОВ В XIX В.

В XIX в. Курдистан привлек внимание протестантских миссионеров не только в связи со значительной независимостью этого региона от центральной власти, как в Турции, так и в Персии, но прежде всего благодаря присутствию христиан — ассирийцев и армян, проживающих в этом районе, среди которых и была развернута миссионерская деятельность¹.

Интенсивная деятельность протестантских миссий в XIX в. столкнулась с интересами католических миссионеров, которые уже более столетия пытались создать унию восточных христиан с Римом. Это вызвало соперничество между ними². А позже в это соперничество была вовлечена и Русская православная церковь³.

Обширная миссионерская литература этого периода позволяет реконструировать историю миссии и её цели, а также взаимоотношения между различными религиозными и этническими группами; отношение миссионеров к христианам и мусульманам, особенно к курдам. В ней содержится ряд ценных статистических данных о населении, школах, а также о этнолингвистической ситуации регионов Восточной Турции и Западного Ирана.

¹ Blincoe R. Ethnic realities and the church. Lessons from Kurdistan. Pasadena 1998; Galletti M. Cristiani del Kurdistan. Assiri, caldei, siro-cattolici e siro-ortodossi. Roma, 2003; Anderson R. History of the missions of the American Board of Commissioners for Foreign Missions to the Oriental Churches. Vol. I–II. Boston, 1872; Chevalier M. Les montagnards chrétiens du Hakkari et du Kurdistan septentrional. P., 1985.

² Jacquin F., Zorn J.-F. L'altérité religieuse: un défi pour la mission chrétienne, XVIII–XX-e siècles. Karthala, 2001.

³ Заркешев А. Русская Православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001 гг). СПб., 2002.

Ограничение исследований только миссионерскими текстами, посвященными курдам и курдскому языку, к тому же на английском языке¹, без принятия во внимание обширной путевой литературы, является оправданным по нескольким причинам. Во-первых, эти тексты представляют достаточно однородный, хотя и стереотипный, образ курдов и их языка. Тем не менее преимуществом их является преемственность описания курдской проблемы, вытекающая из характера миссионерской деятельности, позволяющей отслеживать изменения в образе курда, бытующем среди миссионеров. Во-вторых, они дают достаточно четкое представление о том, что американские или европейские миссионеры думали о курдском языке, без учета его грамматической структуры. В-третьих, эти описания основаны главным образом на собственном опыте и наблюдениях и, как таковые, не опираются на предыдущие исследования. Поэтому они показывают специфику формирования знаний о конкретных группах, зависящей от идеологии и познавательных категорий. Еще одной причиной является довольно скромная научная литература, посвященная миссионерской деятельности, в которой описан образ жизни курдов и курдский язык².

Почти с самого начала протестантские миссионеры основное внимание уделяли образованию, издательской деятельности, переводу; язык также являлся частью миссионерского труда, включающего овладение языком, его описание, а позже — организацию образования на нем и создание книг. Но в действительности подобная деятельность являлась также частью политики и, соответственно, требовала политической поддержки и Великобритании, и США³.

¹ См.: Johnston A. *Missionary writing and Empire, 1800–1860*. Cambridge, 2003.

² Tamcke M. *Die deutschen Kurdenmissionen in Mahabad in ihrem Kontakt zu den orientalischen Christen // New Faith in Ancient Lands, Western Missions in the Middle East in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries*. Leiden – Boston, 2006.

³ Grabill J. L. *Protestant Diplomacy and the Near East. Missionary influence on American Policy 1810–1927*. Minneapolis, 1971; Kieser H.-L. *American Mil-*

Политические аспекты проявились в создании протестантского *миллета*¹ примерно в 1850 г., что вызвало ярое противодействие армянского патриарха, но дало возможность независимой деятельности протестантских миссий в Османской империи.

Трудно отделить деятельность миссионеров от политики. И язык — как часть символического пространства — тоже находился под влиянием политики². Однако, в случае курдского языка, трудно говорить о доминировании и значительном влиянии миссионеров через язык; мы можем говорить о курдском языке как языке-образе, описанном не по своей грамматической структуре, а скорее по его особенностям, развитию и носителям. Курдский язык привлекал к себе внимание именно благодаря его носителям-некурдам.

Учитывая интерес миссионеров к армянам и ассирийцам, можно задать вопрос и о курдах. Было ли описание их языка только следствием работы среди христиан? Что определяло восприятие курдов и курдского языка, представлял ли курдский язык интерес с научной точки зрения?

Конечно же, с момента выпуска курдской грамматики католическим миссионером М. Гарцони³ в конце XVIII в. до написания грамматики диалекта мукри американским миссионером Л. Фоссом⁴ в начале XX в. курдский язык занимал особое место в миссионерской деятельности. В XIX в. было опубликовано только одно грамматическое описание курдского языка, автором которого был американский миссионер⁵. Возможно, поэтому, если классифициро-

lennialism and Mission to the Middle East. Philadelphia, 2010.

¹ Davison R. H. The Millets as Agents of Change in the Nineteenth-Century Ottoman Empire. — В: Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society. Teaneck, 1982.

² Эррингтон в деталях показывает взаимосвязь языковой политики с колониализмом и миссионерской деятельностью в XIX в. См.: Errington J. Linguistics in a Colonial World: A Story of Language, Meaning and Power. Blackwell Publishing, 2008.

³ Garzoni M. Grammatica e vocabulario della lingua Kurda. Roma, 1787.

⁴ Fossum L. Practical Kurdish Grammar. Mineapolis, 1919.

⁵ Rhea S. Brief grammar and vocabulary of the Kurdish language of the Hakari

вать материалы по их содержанию, это будут: 1) свободные частные комментарии, замечания и предложения по курдскому языку — их больше всего (некоторые из них упоминаются далее); 2) официальные миссионерские отчеты¹; 3) научные статьи — их меньше всего².

В XIX в. отношение миссионеров к курдам определяли политические события, особенно конфликты между курдами и армянами или ассирийцами. Конечно, они возникли из-за нарушения равновесия между ними вследствие политической деятельности миссионеров. Это сформировало не только первый и очень прочный стереотип о «жестоких курдах», но и способствовало созданию очень ярких образов курдов в протестантской миссионерской литературе.

Это повлияло и на описания курдского языка. Эли Бэннистер Соун — не миссионер, а британский офицер и автор грамматики курдского языка³, подытоживая описания курдского языка, созданные в XIX в., отметил, что при довольно низком уровне знания этого языка он рассматривался как искаженная форма персидского⁴. В определенной степени это совпало с мнением протестантских миссионеров.

В контексте миссионерских описаний курдского языка в XIX в. надо обратить внимание на следующие вопросы: 1) кем были миссионеры, которые писали о курдском языке и на каких языках они говорили; 2) как они определяли курдов и курдский язык; 3) был ли курдский язык межэтнической коммуникации, использовали ли его ассирийцы и армяне; 4) как, по мнению миссионеров, перевод на курдский «цивилизирует» язык.

district // *Journal of American Oriental Society*, 10 (1872–1880).

¹ Annual Report of the American Bible Society. Vols. I–CLXV. New-York, 1871–1981; Reports of the British and Foreign Bible Society with extracts of correspondence. Vol. I–XCI. L., 1805–1895.

² Были опубликованы в: *Journal of the American Oriental Society*.

³ Soane E. B. *Grammar of the Kurmanji or Kurdish language*. L., 1913.

⁴ Ibid. P. 3.

Среди миссионерских организаций, действующих в Курдистане, надо отметить американскую American Board of Commissioners for Foreign Mission (АВСФМ), которая начала работать одновременно в Османской империи и в Персии, а также британские миссии архиепископа Кентерберийского. Исключительно важную работу вела миссия из Базеля во главе с Гернелем (*Kurdenmission*), однако деятельность ее оказалась кратковременной¹.

Область Урмия в Персии стала центром деятельности протестантско-пресвитерианских миссий до несториан, после экспедиции Двайта и Смита², откуда они проникали в Иранский Курдистан. Зато в Османской империи — в ее восточной части — центрами стали Хаккари — район, прилегающий к Персии, который в 1835 г. посетил Асахел Грант, и далее на западе — Мардин, где действовала Сиро-яковитская православная церковь, Харпут с армянским населением, а также Диярбакыр и Аинтаб. В Харпите была основана одна из важнейших миссионерских школ. Там, как свидетельствуют источники, учились армяне, говорящие на курдском языке.

С организацией АВСФМ были связаны Дж. Перкинс³, А. Грант⁴, С. Рея⁵, Ф. Коан⁶, С. Уиллер⁷ — американцы, которые проживали в Курдистане; кроме того, туда приезжали и посланцы архиеписко-

¹ Waldburger A. *Missionare und Moslems — Die Basler Mission in Persien 1833–1837*. Basel, 1983.

² Smith E., Dwight H. *Researches in Armenia including a journey through Asia Minor and into Georgia and Persia*. Vol. I–II. Boston, 1833.

³ Perkins J. *Journal of a tour from Oroomiah to Mosul, through the Koordish Mountains, and a visit to the ruins of Nineveh // Journal of American Oriental Society*. Vol. 2 (1851); *A residence of eight years in Persia among the Nestorian Christian*. Andover, 1843.

⁴ Grant A. *The Nestorians, or the lost tribes*. L., 1841.

⁵ Marsh D. W. *The Tennessean in Persia and Koordistan. Being scenes and incidents in the life of Samuel Audley Rhea*. Philadelphia, 1869.

⁶ Coan F. *Missionary Life in the Middle East or Yesterday in Persia and Kurdistan*. Gorgias Press LLC, 2006.

⁷ Wheeler C. H. *Ten years on the Euphrates*. Boston, 1868.

па Кентерберийского, а также Горацио Соутгет¹ — представитель епископальной церкви из США. Первые контакты англиканской церкви с несторианцами приходятся на 40-е гг. XIX в., когда с миссией был направлен В. Енсворт². В 1842 г. — Дж. Флетчер³. Позднее,

в 80-х гг. XIX в., — Э. Райли⁴. Все они писали о курдах и об их языке, но весьма сомнительно, что они его знали. Знание языков коренных народов, среди которых проживали миссионеры, привлекает внимание современных исследователей, и некоторые из них даже сформулировали тезис о «лингвистической гегемонии»⁵. Это означает, что даже если миссионеры и использовали этнические языки, то все равно предпочитали английский. Но это находится в противоречии с требованиями владения местными языками⁶. Поэтому ответ на вопрос, касающийся языков, которыми они овладели, будет следующий: они говорили на турецком, арабском, персидском и, очевидно, на этнических языках христиан — сирийском и армянском. Почему они не использовали курдского языка? По нескольким причинам. Можно назвать объективные — ограниченная потребность в данной коммуникационной ситуации. И субъективные — в основном это восприятие языка. Здесь следует сказать об особенной классификации языков. Конечно, высокое положение занимают языки христианских народов. Для престижа языка важна его связь с религией, однако надо отметить и коммуникационный

¹ Southgate H. Narrative of a Tour through Armenia, Kurdistan, Persia, and Mesopotamia, vol. I–II. New-York, 1840.

² Ainsworth W. A. Travels and researches in Asia minor, Mesopotamia, Chaldea and Armenia. Vol. I–II. L., 1842.

³ Fletcher J. P. Notes from Nineveh and travels in Mesopotamia, Assyria and Syria. Philadelphia, 1850.

⁴ Riley A. Narrative of a visit the Assyrian Christians in Kurdistan undertaken at the request of the Archibishop of Canterbury. L., 1884.

⁵ Young P. Protestant Colleges in the Middle East: Hegemony and resistance in the Ottoman Empire // Rethinking Hegemony. Janus Nicholas Publishers, 2006.

⁶ Handbook for Missions and Missionaries of the American Board of Commissioners for Foreign Missions. Boston, 1901.

аспект. Г. Соутгейт в 40-х гг. отмечал, что изучение курдского языка абсолютно бесполезно даже в самом Курдистане¹. Как было показано выше, информации о миссионерах, которые знали курдский язык и писали о нем, очень немного. Единственным миссионером, который знал курдский язык и написал короткую грамматику, является С. Рея, который писал из города Харпут: «Я всякий день изучаю курдский язык и думаю, что для нашей безопасности лучше его знать»². Но причина знания определяет и отношение к этому языку.

Миссионерская литература представляет спектр стереотипных суждений о курдах, которые, по нашему мнению, результат взглядов на язык: отсутствие стандартизации, разнообразие диалектов, коммуникационные трудности, отсутствие письменности — все это служило механизмом для создания отрицательных стереотипов. Дж. Волф, англиканский миссионер, в частности, приводил мнение персов, что «курдский звучит как будто говорит осёл»³. Конечно, это также результат недостатка знаний. Действительно, трудно отрицать, что в середине XIX в. появились работы по фольклору и литературе курдов, не имевшие «миссионерского балласта». Но они не были известны миссионерам. О М. Гаруни П. Лерх пишет: «Он даже не знал, что у курдов есть свои писатели»⁴. Это касается всей миссионерской литературы XIX в.

Использование курдского языка было довольно ограничено, хотя сам факт был достаточно значимым. Уже вышеупомянутый С. Рея пишет, что он изучает курдский язык, который может быть полезным, учитывая агрессивное поведение курдов. Представляется также, что курдский язык рассматривается скорее как неполноценный язык, а соответственно и курды как неполноценный народ.

По мнению миссионеров, повышение престижа курдского языка зависит от некурдских носителей этого языка. Даже в их описа-

¹ Southgate H. Narrative of a Tour. Vol. I. P. 72.

² Marsh D. W. The Tennesseean in Persia and Koordistan. P. 200.

³ Wolff J. Narrative or mission to Bokhara in the years 1843–1845. Vol. II. L., 1845.

⁴ Лерх П. Исследования об иранских курдах. Кн. III. СПб., 1858. С. II.

ниях, посвященных ассирийцам и армянам, есть ссылки на курдский язык. Д. Стоддарт, например, упоминает, что несториане в Персии говорят на турецком и персидском, а те из них, которые живут в горах, на курдском¹.

Наиболее важным элементом, однако, является не многоязычие, которое скорее естественно в этом регионе, а феномен использования курдского языка как родного среди армян и ассирийцев. К сожалению, в письмах миссионеров нет детальных, точных сведений о количестве говорящих по-курдски армян или ассирийцев. Несмотря на это, они дают представление о языковой ситуации в Восточной Турции, особенно на восток от города Харпут. По данным миссионеров, в городе Диярбакыр курдский являлся общим языком армян, ассирийцев и, конечно, езидов и курдов². Доклады и материалы Миссионерской школы в Харпите, которая охватывала своей деятельностью и Диярбакыр, свидетельствуют об этом. Вилер, основатель школы, сообщает, что в 1867 г. шесть говорящих на курдском армянских студентов посещали ее³. Это означало также необходимость издания книг и переводов на курдском языке. Конечно, перевод Библии и создание букварей — это миссионерская цель. В докладе Британского Библейского Общества (1861) сообщалось, что в районе Диярбакыра и Харпута живут армяне (около 2000 чел.), которые потеряли собственный язык и говорят только на курдском⁴. Также отмечалось, что в городе Марди живут ассирийцы, говорящие на родном им языке — курдском⁵.

Ограничивая миссионерскую деятельность только филологическим аспектом, можно констатировать, что ее конечной целью был перевод Библии. Конечно, в случае армянской или сирийской исто-

¹ Stoddard D. T. Grammar of the Modern Syriac language, as spoken in Oromiah, Persia, and in Koordistan // Journal of the American Oriental Society. Vol. 5 (1855–1856).

² Wheeler C. H. Ten years on the Euphrates. P. 245.

³ Ibid. P. 181.

⁴ British and Foreign Bible Society 56 (1861). P. 116.

⁵ Bible Society Record. Vol. 16/8, (1871). P. 115.

рии перевода — традиция очень старая, что также влияет на высокое значение и престиж этих языков. Курдский, воспринимавшийся миссионерами как язык без книг, без письменности, вызывал определенный интерес именно благодаря христианам, говорившим на нем. Перевод Библии поэтому являлся средством цивилизирования языка, включения его в круг миссионерской культуры. Уже в начале XIX в. предполагалось, что перевод должен быть адресован курдам-мусульманам. Перевод был подготовлен епископом Шеврисом в Урмии, но записан несторианским алфавитом¹. Он, однако, не был опубликован, поскольку оказалось, что текст вообще непонятен. Перевод для армян, говорящих на курдском, оказался лучше и стал первым печатным текстом на курдском языке. В 1856 г. в Стамбуле было издано Евангелие от Матфея, в 1872 г. — полностью Новый Завет². Евангелие на курдском языке было издано тиражом 18 тыс. экз., что тоже свидетельствовало о потенциальном количестве армян, говорящих на курдском языке.

* * *

Тексты протестантских миссионеров являются очень интересным материалом для изучения языковых стереотипов. Косвенно они отражают отношения между христианами и курдами в XIX в. Но, за редкими исключениями, они не дают большого материала по курдским реалиям. Это прежде всего показывает, что протестантские миссии не занимались изучением курдов.

Парадоксально, но именно поэтому курды не страдали от прямого вмешательства западной культуры в те времена, и нельзя говорить о «языковой колонизации» протестантскими миссионерами. Позднее это создало возможность взаимодействия в области перевода Библии, в котором участвовал представитель курдской интеллигенции Камаран Бедыр-хан³. С оговоркой, что библейский текст

¹ Об истории перевода на курдский см.: Thomas K. J. Translation of the Bible into other Modern Iranian languages, Encyclopedia Iranica. Vol. IV, fasc. 2.

² P'ēymanē nō. Stambol, 1872.

³ Incîla Luqa. Bonn, Kurdisch Institut, 1984.

скорее рассматривался как элемент культуры, а не как элемент миссионерского влияния.

Как бы то ни было, протестантские тексты XIX в. позволяют создать список языковых стереотипов и раскрыть механизмы их создания и в то же время больше говорят о западном менталитете, чем о курдах.

КУРДСКИЙ ИСТОРИОГРАФ МИРЗА ‘АЛИ-АКБАР КУРДИСТАНИ (XIX в.)

В Отделе рукописей и документов Института восточных рукописей (ИВР) РАН хранится манускрипт сочинения курдского историкогеографа — *Хадике-йи Насирийе* Мирзы ‘Али-Акбара Летописца. Сочинение написано в Иранском Курдистане на персидском языке и завершено в 1309 г.х./1891–1892 г., манускрипт датирован 1917 г.

Книга Мирзы ‘Али-Акбара Курдистани представляет собою историко-географическое описание Юго-Восточного Курдистана. Экскурс в историческое прошлое охватывает восемь столетий — с XII по XIX. В центре внимания автора находится правление курдского княжеского дома Бани Арделан, которое закончилось в 1867/1868 г.

В Отдел рукописей и документов ИВР РАН манускрипт поступил вместе с книгами и материалами В. Ф. Минорского (1877–1966), направленными по его завещанию в дар Институту после его кончины. Согласно помете, сделанной рукой В. Ф. Минорского, рукопись была выполнена по его личному заказу на основе списка, «добытого Хешметуль Молком Курдестани». По его предположению, рукопись-протограф списка «некий айсор» передал В. П. Никитину, и в 1922 г. на страницах журнала «Revue du Monde Musulman» В. П. Никитин опубликовал резюме рукописи с кратким пересказом истории правления дома Бани Арделан. Однако первым *Хадике-йи Насирийе* в качестве исторического источника использовал Ф. Чернозубов в очерке «Страна Льва и Солнца. Арделян, или Персидский Курдистан (Краткий географический очерк по персидским и армянским источникам)» [Чернозубов, 1911. С. 1–57].

Полвека спустя рукописью *Хадике-йи Насирийе* заинтересовался Ю. Е. Борщевский (1924–1984). Он участвовал в приеме книг и рукописей В. Ф. Минорского и сразу заявил о необходимости публикации текста *Хадике-йи Насирийе* и его перевода. Более всего

Ю. Е. Борщевского заинтересовала географическая часть, и он собирался ее перевести и описать самолично. Работа над исторической частью рукописи была предложена автору этих строк. Благодаря усилиям Ю. Е. Борщевского была получена фотокопия рукописи *Хадике-йи Насирийе* из Берлина [Heinz, 1968. С. 153], и работа над составлением сводного текста по двум рукописям началась.

Манускрипт В. Ф. Минорского выполнен грамотно, хорошим, ясным почерком. Общение с ним не составило больших трудностей, и сводный текст исторической части сочинения — по Санкт-Петербургской и Берлинской рукописям — был составлен. К сожалению, работа Ю. Е. Борщевского над географической частью не состоялась по причине его большой загруженности, а затем болезни и скорой смерти.

Позднее отпала необходимость и в публикации текста *Хадике-йи Насирийе* по Санкт-Петербургскому и Берлинскому спискам. В 1381 г.х. / 2003 г. в Тегеране было осуществлено издание книги Мирзы 'Али-Акбара Курдистани, подготовленное иранским ученым Мухаммадом Ра'уфом Тавакколи. В основу издания положена рукопись-автограф.

Во время своих изысканий Мухаммад Ра'уф Тавакколи обнаружил две рукописи-автографа. Одна находилась в библиотеке Милли-Мулк Тегерана за № 6184. Текст в ней написан на европейской бумаге почерком *насталик* и содержит 298 страниц, которым предшествует оглавление на 10 страницах. Размер страниц 21×13, число строк на странице — 15. Заканчивается рукопись словами: «Надеюсь; эта [книга] бедняка будет одобрена обладателями знания... Закончена в месяце раджабе 1309 г.х. / феврале 1892 года» [Тавакколи, 2003. С. 10].

Другая рукопись принадлежала Национальной библиотеке Тегерана за № 625 (Тегеран-Милли в книге [Стори, 1972. С. 77]). Как и первая рукопись, манускрипт был написан на европейской бумаге почерком *насталик*, рукой автора. Рукопись насчитывала 161 лист, размер листа 21×14, на странице — 15 строк; начало общее с манускриптом Тегеран-Милли-Мулк; концовки отличаются. Рукопись Тегеран-Милли-Мулк заканчивается фразой: «Если удастся мне еще

на несколько лет спастись от когтей смертного часа, я добавлю, если того захочет всевышний Господь, к этому “*Хадике*” [описание] грядущих событий...».

Манускрипт Тегеран-Милли-Мулк, как и рукопись В. Ф. Минорского, содержал дополнительную главу, называвшуюся «Приложения». Начиналась глава 9 «Приложения» такими словами: «В конце этой книги ради умножения осведомленности читателей приводится перечень уважаемых семейств и родов, которые проживали и проживают в городе Сенендедже, и кратко поясняется положение некоторых их представителей, дабы это послужило для потомков напоминанием».

Обе рукописи-автографы были написаны автором в 1309 г.х./1891–1892 гг. В качестве основы для издания Мухаммад Ра’уф Тавакколи выбрал манускрипт Тегеран-Милли, и решающим аргументом в пользу этого манускрипта послужило наличие в этой рукописи главы 9 с приложениями. Других существенных различий в двух списках обнаружено не было [Там же. С. 11].

Книга была подарена Насир ад-дин-шаху. Она шаху и посвящалась, в его честь была названа и содержала в авторском введении пышную посвятительную преамбулу. Однако издание Мухаммада Ра’уфа Тавакколи кроме *Хадике-йи Насирийе* содержит в своем составе текст еще одного исторического сочинения Мирзы ‘Али-Акбара, написанного им после окончания работы над *Хадике-йи Насирийе*. Заканчивая хронику, автор выражал надежду и пожелание, в случае если на несколько лет обретет «спасение от когтей смертного часа», описать последующие события в Курдистане. Так и произошло. В месяце мухарраме 1315 / июне 1897 г., через пять лет после завершения работы над *Хадике-йи Насирийе*, он закончил описание последующих событий — до 1897 г. включительно и назвал его *Ми’рат аз-Заффар (Зерцало победы)*. Новая книга посвящалась Мухаммаду ад-дин-шаху, преемнику Насир ад-дин-шаха. Рукопись сочинения хранится в Тегеране, в библиотеке Сената за № 3427. Заметим, что в конце книги, как и в *Хадике-йи Насирийе*, автор обещает, если будет жив, описать дальнейшие события в Курдистане [Там же. С. 348]. На этот раз он свое обещание не сдержал, оказавшись в янва-

ре 1899 г. пойманным теми самыми когтями, о которых он писал в 1309 г.х.

Зерцало победы построено иначе, чем *Хадике-йи Насирийе*. В нем нет глав и плана сочинения, текст построен пособытийно. Названия в тексте возникают спонтанно, как-то: «Очень холодная зима», «Приезд губернатора в Сенендедж», «Поездка в Курдистан», «В Гяррус» и т.п.

При подготовке издания книги Мухаммад Ра'уф Тавакколи включил в издаваемый текст *Ми'рат аз-Зафар* в качестве продолжения *Хадике-йи Насирийе*. В результате изданная книга состоит из двух частей (*бахшей*). *Бахи* первый содержит текст *Хадике-йи Насирийе*, *бахи* второй — *Ми'рат аз-Зафар*, почти равные по объему, с единой пагинацией и едиными указателями имен собственных и географических названий.

Издание Мухаммада Ра'уфа Тавакколи выполнено тщательно и скрупулезно, с полезными примечаниями и введением. Считаю своим приятным долгом выразить сердечную признательность нашему парижскому другу Абдаллаху Мардуху за любезно высланный им текст тегеранского издания *Хадике-йи Насирийе*.

О других рукописях *Хадике-йи Насирийе* см.: [Стори, 1972. С. 1105–1106].

АВТОР ХРОНИКИ. Об авторе написано немного, однако и в то небольшое написанное закралась весьма существенная оплошность. Он назван ханом — 'Али-Акбар-ханом Садик ал-Мулком [Там же. С. 1102 и сл.].

На территории Арделанского Курдистана до конца правления княжеского дома Бани Арделан, или до 1867/1868 г., ханский титул составлял монополию этого семейства. С утратой домом княжеского статуса ханское звание перестало быть его монопольным достоянием. На страницах хроники появляются именуемые ханами представители семьи *вакилей*.

Объяснить появление этой оплошности можно по-разному. Автора могли перепутать с его тезкой, 'Али-Акбар-ханом Шараф ал-Мулком, который упоминается в хронике многократно. При всей

разнице в социальном положении они с автором были друзьями и, возможно, ровесниками.

Быть может, поименование автора ханом связано с его информацией о собственных предках, которые принадлежали к ханам Хамаданского Дарагузина. В 1708/1709 г. они прибыли в Сенендедж и там поселились. Сам автор хроники неизменно называет себя ‘Али-Акбаром Хронистом и, естественно, ни разу — ‘Али-Акбар-ханом.

СЕМЬЯ. Мирза ‘Али-Акбар родился в столице Арделанского княжества городе Сенендедже и принадлежал к одному из семнадцати известных семейств Арделанского Курдистана, которым посвящено приложение к *Хадике-йи Насирийе*. Семья называлась Кадири — по имени ее основателя. К семейству Кадири принадлежала прославленная курдская поэтесса и историограф Мах Шараф-ханум Курдистани (1805–1847), которая приходилась Мирзе ‘Али-Акбару Хронисту двоюродной сестрой.

Мухаммад-ака, дед Мах Шараф-ханум и Мирзы ‘Али-Акбара, был весьма незаурядной личностью. Он прожил долгую, насыщенную кипучей деятельностью и бурными событиями жизнь и около полувека занимал видное положение при четырех арделанских правителях, начиная с Хусрав-хана Великого и до его внука Хусрав-хана Накама.

Мухаммад-ака был *назиром* Курдистана. Издатель текста хроники Мах Шараф-ханум Курдистани, Йахья Ма‘рифат уточняет, что должность Мухаммад-аки называлась *назир-и сандукхане-йи* Курдистан, или смотритель кладовых Курдистана. Полномочия Мухаммад-аки простирались далеко за пределы княжеских кладовых. Он принимал самое активное участие в политической борьбе и обогащался при этом столь интенсивно, что не единожды вызывал у глав эмирата желание несколько приуменьшить его состояние.

В качестве примера того, каким образом происходило обогащение семейства Кадири, сошлемся на рассказ Мирзы ‘Али-Акбара, записанный со слов самого Мухаммад-аки. Речь идет о сражении Хусрав-хана Великого с Аллах-Кули-ханом Зенгене, курдским правителем Керманшаха и претендентом на иранский престол. Битва закончилась победой арделанского хана, и вместе с Мухаммад-акой

он отправился в шатер поверженного противника. Мухаммад-ака, как рачительный хозяйственник, сразу стал осматривать трофеи и остановился в потрясении перед драгоценностями. Хусрав-хан кинжалом перемешал их, выбрал себе бирюзовый перстенок, а остальное подарил *назиру*. Драгоценности, как пишет автор хроники, оценили в 50 тысяч туманов.

Мухаммад-ака сохранил свое положение и должность при пре-емниках Хусрав-хана Великого. До глубокой старости он оставался в гуще событий, потрясавших Арделанский Курдистан. При этом семейство Кадири продолжало богатеть. К началу XIX в. Мухаммад-ака усилился настолько, что примкнул к четырем сыновьям Мухаммад-Рашид-бека Вакиля, которые стремились ограничить власть Аманаллах-хана, сына Хусрав-хана. Сыновья *вакиля* попали в заточение и были казнены. Мухаммад-аку хан сместил, «на несколько дней отвратил от него [свой] милостивый взор», но затем снова поставил на пост *назира* [Мах Шараф-ханум Курдистани, 1990. С. 153].

Прощая Мухаммад-аку, Аманаллах-хан оштрафовал его на пять тысяч туманов и взял в жены его дочь. Мухаммад-ака стал отныне княжеским тестем и исполнителем его особо ответственных поручений.

В 1806 г. Мухаммад-ака привез в Тегеран к шаху захваченного в плен «войсками Ирана и Аманаллах-хана» Сулайман-пашу Бабана и двести пленных румийцев (турок). Затем он ездил в столицу по делу нескольких представителей арделанской знати, поднявших смуту. Заговорщиков наказали, их имущество конфисковали. В 1818/1819 г. Мухаммад-ака подавлял в Бане восстание местного правителя Фатх-‘Али-султана Банейи. Разгромленный правитель бежал, и его область была предана ограблению. Мухаммад-ака был ханом награжден, «вознесен и отмечен среди равных» и некоторое время занимался наведением порядка в Бане, а по возвращении его направили в Тегеран доложить шаху о восстании старшего ханского сына, которое закончилось гибелью его и многих представителей дома Бани Арделан [Там же. С. 157, 160, 162, 164–166].

До конца правления Аманаллах-хана и в первый год власти его сына Хусрав-хана Накама Мухаммад-ака оставался при дворе и был весьма влиятелен. Несмотря на свой уже преклонный возраст он продолжал принимать участие в военных походах.

Молодому князю, будущему мужу Мах Шараф-ханум, богатство Мухаммад-аки, по всей видимости, не давало покоя, и неожиданно он и все семейство Кадири подверглись опале. Их арестовали и оштрафовали на тридцать тысяч туманов [Там же. С. 176]. Двумя страницами ниже Мах Шараф-ханум назовет среди пострадавших своего отца Абу-л-Хасан-бека, его братьев и племянников [Там же. С. 178]. К братьям принадлежал отец Мирзы 'Али-Акбара — Мирза 'Абдаллах, а среди племянников мог бы находиться и сам автор *Хадике-йи Насирийе*, однако такое предположение нереально. Если к этому времени он успел появиться на свет, то был еще очень мал.

Члены семьи Кадири вскоре были освобождены и снова удостоились княжеской милости, а внучку Мухаммад-аки — Мах Шараф-ханум, которой суждено было стать гордостью страны курдов, в 1825/1826 г. молодой князь взял в жены.

ОТЕЦ. Сыновья Мухаммад-аки не обладали военными и хозяйственными талантами отца. Постепенно семейство Кадири превратилось в семью интеллектуалов. Семье, по-видимому, был присущ особый микроклимат, которому мы обязаны появлением двух блистательных историографов и поэтов — Мах Шараф-ханум Курдистани и Мирзы 'Али-Акбара Хрониста.

Мирза 'Абдаллах (1803/1804 – 1864/1865), отец Мирзы 'Али-Акбара, писал стихи под поэтическим псевдонимом Раунак. В Библиографическом обзоре персидской литературы Ч.А. Стори [Стори, 1972. С. 1104, примеч. 5] упоминаются его поэмы, посвященные шиитским имамам, из чего было сделано заключение, что отец 'Али-Акбара был ревностным шиитом.

Перу Мирзы 'Абдаллаха принадлежит антология произведений курдских поэтов, составленная в 1265 г.х./1848–1849 г. и посвященная Аманаллах-хану Второму. Называется она *Тазкире-йи хадике-йи Аманаллахи, та'лиф-и Мирза 'Абдаллах Сенендеджи муталлис бе Раунак дар сал-и 1265*. Книга издана в Тебризе в 1887 г. Как писал

Мирза ‘Али-Акбар, сын Мирзы ‘Абдаллаха, «в науке сочинительства и в письменах он превзошел ученых своей эпохи», и, «если бы он не был отцом этого бедняка, я бы подробно описал его ученость и совершенство».

Семейство Кадири блистало поэтическими талантами. Мах Шараф-ханум была известной поэтессой, «был силен в стихах и в прозе и красноречив» ее двоюродный брат Хусайн-Кули-хан, получивший известность под поэтическим псевдонимом Хави Сенендежи [Мах Шараф-ханум Курдистани, 1990. С. 16, 26].

Абу-л-Хасан-бек, отец Мах Шараф-ханум и брат Мирзы ‘Абдаллаха, стихов не писал. Его интересовало воспитание детей, и он был назначен воспитателем княжеского сына, который по сестре приходился ему племянником. С великим вниманием и любовью занимался Абу-л-Хасан-бек воспитанием первенца Мах Шараф-ханум, которой суждено было стать первой и единственной до конца XIX в. женщиной-историком на весь Средний и Ближний Восток.

К середине XIX в. Арделанский эмират переживал тяжелые времена, его раздирали на части междоусобицы. Положение усугубило назначение правителем грузина Хусрав-хана, известного своей жестокостью — по-видимому, для устрашения населения. Социальное напряжение возросло до предела. Тысяча человек «из знатных семей Курдистана» и Мах Шараф-ханум в том числе отправились беженцами в Сулейманию, к Бабанам. Обозы с беженцами сопровождал отец автора *Хадике-йи Насирийе* и дядя Мах Шараф-ханум Курдистани — Мирза ‘Абдаллах.

В своей хронике Мах Шараф-ханум описывает, сколь трудным и опасным был путь через горы и ущелья Авромана, и все заботы по защите обозов с беженцами взял на себя Мирза ‘Абдаллах. Находились охотники их обидеть и ограбить, но в самом опасном месте, Хушбарани, их ждал правитель Авроман-лухуна Мухаммад-Са‘ид-султан. Он принял беженцев как гостей по-курдски, и Мах Шараф-ханум на страницах своей книги с благодарностью вспоминает его гостеприимство и помощь. Через двадцать два года гостеприимного авроманского султана вместе с братом и племянниками казнят как

отъявленных злодеев и смутьянов по приказу первого кадjarского губернатора Арделана.

После трудного пути в Сулеймании беженцев ждал двоюродный брат Мах Шараф-ханум и племянник Мирзы ‘Абдаллаха — сын Аманаллах-хана Великого Хусайн-Кули-хан, матерью которого была дочь Мухаммад-аки.

Недолгим был обретенный покой. Вскоре от болезни умер племянник, воспитанник Абу-л-Хасан-бека, затем племянница. «Меня, [пребывающего] в разлуке с теми двумя единственными на [весь] мир, с рыдающими очами и испепеленным сердцем охватило неодолимое желание описать и изъяснить дальнейшую историю высокодостойных *вали* [из рода Бани Арделан] вплоть до настоящего времени», — писал Мирза ‘Абдаллах в своем дополнении к хронике Мах Шараф-ханум Курдистани [Там же. С. 183].

Мах Шараф-ханум писала хронике дома Бани Арделан до последнего дня своей жизни, и она осталась незавершенной. Мирза ‘Абдаллах с рукописью книги возвратился в Сенендедж и в 1851 г. закончил ее, доведя повествование до джумади-л-аввала 1267 г.х./ марта 1851 г. Материалы, содержащиеся в дополнении, освещают политическую ситуацию в 1847–1851 гг.

АВТОР. Год рождения Мирзы ‘Али-Акбара (стихи он писал под именем Афсара Курдистани) неизвестен. В *Тарих-и Мардух* приводится только время его кончины — январь 1899 г. Скорее всего, родился он в правление Хусрав-хана Накама (1824/1825–1834) в конце 20-х гг. XIX века.

Князь умер молодым, за что и получил прозвище Накам (букв. «не насладившийся жизнью», «умерший молодым»). Наследнику княжеского престола было десять лет [Хусрав ибн Мухаммад, 1984, л. 99б], и править от его имени стала мать, старшая жена Хусрав-хана Накама — кадjarская принцесса Хусн-Джихан-ханум (Валийе-ханум). Дочь Фатх-‘Али-шаха была не робкого десятка. Во главе отряда из арделанских бойцов она сразилась со своим соплеменником, кадjarским принцем Ардашир-мирзой, пожелавшим захватить Курдистан, и одержала победу [Мах Шараф-ханум Курдистани, 1990. С. 162].

Семь лет правила Валийе-ханум, женила старшего сына на дочери наследника иранского престола ‘Аббас-мирзы Найиб ас-Салтане, и к существующим проблемам вскоре прибавилось соперничество двух каджарских принцесс. Валийе-ханум всячески старалась очернить старшего сына в глазах «столпов державы» [Там же. С. 22)¹. В 1848/1849 г., по свидетельству Е.И. Чирикова, Риза-Кули-хан был упрятан в тегеранскую тюрьму, откуда он бежал после смерти Мухаммад-шаха. Так продолжалось, пока в 1851 г. Валийе-ханум не была выслана в Тегеран. Через шестнадцать лет дом Бани Арделан был вообще отстранен от власти, его сменили каджарские губернаторы-назначенцы.

Такова канва событий, на фоне которых прошла первая треть жизни Мирзы ‘Али-Акбара, автора *Хадике-йи Насирийе*. О себе он пишет крайне мало, лишь случайно оброненные фразы. В основном это жалобы на отсутствие денег, на бедность. Себя автор называет бедняком без имени и звания: «Я пишу по совести, нет у меня имени, заслуживающего упоминания. Уже за то благодарю Господа, что наделил меня рвением и не позволил времени стереть из памяти деяния сынов Отчизны». Автор, как представляется, явно скромничает, и самоуничижительный тон есть не более чем соблюдение традиционного стиля иранских историографов. Мирза ‘Али-Акбар знал себе цену. Так, вспоминая разлад в отношениях со своим тезкой ‘Али-Акбар-ханом Шараф ал-Мулком, внуком Аманаллах-хана Великого, автор *Хадике-йи Насирийе* напишет: «Кроме меня у него не было ни одного умного и преданного друга». Короткое спонтанное замечание четко характеризует его внутреннюю самооценку. Можно привести и другое, тоже весьма показательное высказывание: «Мирза Риза Мунши-баши, который был

¹ ‘Абдаллах Мардух указывает еще одно важное обстоятельство. В 40-х гг. XIX в. восстал эмир Бохтана Бадр-хан и призвал всех курдов к объединению. Свою готовность к объединению выразили многие курдские лидеры, и в их числе назван Риза-Кули-хан Арделан. Мирза ‘Али-Акбар не мог не знать этого весьма важного обстоятельства, но в силу своей политкорректности его упустил, как и многое другое.

везиром и помощником правителя, избрал этого ничтожного, каковым являюсь я, ‘Али-Акбар Летописец, и передал в мое ведение все дела в вилайете». «В течение двух лет, — скромно добавляет автор, — в вилайете был полный порядок». Встречаются такие интересные, короткие замечания, которые характеризуют автора *Хадике-йи Насирийе* очень живо и непосредственно.

Мирза ‘Али-Акбар, как и его отец, занимал при князе должность его советника¹ [Тавакколи, 2003. С. 11] и главы канцелярии (*муниши-баши*) и исполнял обязанности хрониста (*вака’и’-нигара*). *Вака’и’-нигар* (он же *маджлис-навис*) вел протоколы важных собраний, заменял везира, когда тот отсутствовал, находился при правителе во время походов и баталий. Так, во время похода Аманаллах-хана Второго в Авроман в 1864/1865 г. автор, как всегда, вел записи, фиксируя каждое ханское слово и деяние.

Как можно судить по тексту книги, характер у Мирзы ‘Али-Акбара был живым и неугомонным. Он вырос в интеллектуальной среде, в семье Кадири царили поэзия, изысканная речь, меткое, живое слово и благоговейное отношение к знаниям, к наукам. Его страстью было обретение знаний по истории и об окружающем мире.

В предисловии автор признается в своем давнем желании оставить по себе память и написать книгу. Перед ним был блистательный пример его двоюродной сестры Мах Шараф-ханум, чью книгу он внимательно читал и наблюдал за работой отца над ее продолжением. Две эти дорогие личности стали для него примером, путеводной звездой. Как отец не смог оставить незаконченной хронику Мах Шараф-ханум, так и Мирза ‘Али-Акбар возложил на себя задачу продолжить их дело. При этом он многократно усложнил ее, предварив историческое описание описанием географическим. Для курдской историографии такая новация до конца XIX века оставалась уникальной².

¹ Об этой своей должности автор не упоминает, как и то, что он ведал учетом собираемых налогов.

² Элементы географических сюжетов удалось обнаружить в хронике ‘Абд

Чтобы описать Арделанский Курдистан, его семнадцать округов-болуков, реки и горы, Мирза ‘Али-Акбар всюду побывал самостоятельно. Географическая часть книги построена не на воспроизведении сведений, взятых из вторых рук, автор приводит оригинальный и современный ему материал, основанный на личных наблюдениях и расспросах.

Мирза ‘Али-Акбар побывал у истоков больших рек, у подножия каждой великой горной вершины, а на высочайшую из них (и не только на нее) — (Царь-гору) Шахо-кух совершил восхождение и даже провел там изыскания. Гора Шахо когда-то была огнедышащим вулканом, потом потухла, но не раз просыпалась. Увиденное на горе вызвало у Мирзы ‘Али-Акбара массу вопросов и догадок, и впоследствии он не расставался с мыслью повторить восхождение. Он всерьез собирался еще раз подняться на ее вершину, а очерк об увиденном опубликовать в газетах.

По висящему мостику, сплетенному из виноградной лозы, на захватывающей дух высоте перебирался автор в горах Авромана с одного берега бурной реки на другой. Правда, рассказывая об этом, он откровенно признался, что дал себе обет не совершать больше таких прогулок. Побывал Мирза ‘Али-Акбар в деревнях зажиточных и бедных, посетил мечети, поклонился священным Коранам, совершил зийарат к святым захоронениям. Лишь об одном не написал Мирза ‘Али-Акбар — о приверженцах религии ахл-и хакк. Даже побывав в авроманском Пердиваре у могилы Солтан Исхака, одного из главных их святых, он не обронил информации. Тайна осталась сокрытой, как и в книгах остальных арделанских историографов. У каждого народа должны быть заповеданные тайники души, не предназначенные для всеобщего обозрения.

Как и Мах Шараф-ханум, Мирза ‘Али-Акбар осмотрел остатки разрушенных, некогда могучих крепостей, за высеченными из гранита¹ стенами которых на вершинах высоких гор арделанские кня-

ал-Кадира б. Рустама Бабани [*Сийар ал-акрад* 1366 г.х. / 1987/1988. С. 189–200].

¹ Такие крепости вырубались в скале целиком: стены, жилища, колодцы.

зья были могущественны и независимы. Некоторые из своих поездок автор совершил, выполняя задания финансового ведомства. В 1878/1879 г. он проводил перепись («пересчет») населения города Сенендеджа, в Бане, Саккызе и других округах. В Авроман-тахте и Авроман-лухуне Мирза ‘Али-Акбар находился при князе как секретарь во время разгоревшихся военных действий при усмирении непокорного и независимого племени авроми (курд. *hewramî*). Все это давало исключительные возможности для сбора информации. В результате этих усилий и подвижничества был собран уникальный, не имеющий аналогов в других областях Курдистана, материал для написания книги.

Написать свою книгу автору было непросто. Мирза ‘Али-Акбар жил и творил в самый трудный и сложный для Арделанского Курдистана период — период ликвидации эмирата Арделан. Все страхи, опасения, предчувствия относительно такого исхода, которыми делился с читателями его предшественник Хусрав ибн Мухаммад, чья хроника написана за 57 лет до *Хадике-йи Насирийе*, воплотились в реальность. Сочинение Хусрава ибн Мухаммада было написано в период, близкий к крушению дома Бани Арделан, нацелено на пробуждение патриотических чувств у населения Арделана, гордости за свое историческое прошлое и желания оказать отпор «чужакам» [См.: Хусрав ибн Мухаммад, 1984. С. 22]. Это составляло стержневую идею хроники. Подобные сюжеты на страницах *Хадике-йи Насирийе* отсутствуют. Внешне Мирза ‘Али-Акбар не страдает ностальгией по ушедшим с политической сцены Арделанам, но это было только внешне. Автор *Хадике-йи Насирийе* понимал ситуацию в регионе глубинно, видел силы, готовые взорваться и в одночасье изменить положение. Он видел даже лидеров, которые могли возглавить эти рвущиеся наружу силы. Поэтому его задача со-

«Крепость, — писал в 1866 г. Д. Тэйлор о высеченном в скале Руббутском замке в верхней Месопотамии, — могла бы считаться неприступной и в настоящее время. Ядрами пробить самородный камень невозможно» [Тэйлор, 1873. С. 78].

стояла в том, чтобы скрыть эти свои знания и идеи и никоим образом их не показывать.

Достаточно заглянуть в будущее на два десятилетия вперед, и мы найдем тому неопровержимые доказательства. Представитель дома Бани Арделан 'Аббас-хан, более известный как Сардар-и Рашид, предпринял вооруженную попытку вернуть власть и вернул ее реально более чем на десятилетие [Мах Шараф-ханум Курдистани, 1990. С. 224, 225].

Мирза 'Али-Акбар после 1867/1868 г. оставался при дворе губернатора в Сенендедже и исполнял обязанности секретаря. В зависимости от ситуации он мог выполнять и функции советника, и весьма успешно. При этом он писал стихи под именем Афсара Курдистани [Стори, 1972. С. 1102]. Так, во время пышного приема, устроенного губернатором Керманшаха и Курдистана, Мирза 'Али-Акбар произнес касыду своего сочинения. «Красота и плавность речи этого бедняка без имени и звания, — пишет автор *Хадике-йи Насурийе*, — снискали одобрение и похвалу его высочества принца..., и в дар ему пожаловали кашмирскую шаль».

В 1883 г. Мирза 'Али-Акбар выехал в Мукринский Курдистан и занял пост секретаря при губернаторе Соуджбулага Мукринского Сайф ад-дине Мукри, сыне Азиз-хана Сардара. В хронике автор не упоминает, при каких обстоятельствах и когда он принял решение об отъезде, но уже в августе 1884 г. по заданию Сайф ад-дина Мукри Мирза 'Али-Акбар выехал в качестве его представителя в Сенендедж улаживать вспыхнувший конфликт между двумя племенами — галбаги и тилаку. Бытовой конфликт вылился в большое кровопролитие, пострадало много людей, и племя тилаку обратилось к Сайф ад-дину за заступничеством. Самое примечательное в этой истории — факт, что улаживал конфликт Мирза 'Али-Акбар в строгом соответствии с «обычаем племен и аширатов».

Автор хроники выразил столько неприязни в отношении могучих и авторитетных племен джаф и авроми¹, что возможно было

¹ Это заметил и отметил издатель текста *Хадике-йи Насурийе*, назвав отношение автора «нелюбезным» [Тавакколи, 2003. С. 12].

предположить его негативное отношение к племени как таковому. Ведь все «злодеяния» и «злокозненность» джафского племени заключались лишь в том, что оно отстаивало право на жизнь, на свой «иль-рах», маршрут кочевания и пересечения ирано-турецкой границы. Это право даже у членов демаркационной комиссии 1911 г., по свидетельству А.А. Орлова, не вызвало никаких вопросов. Они признали его молча, понимая, что речь идет о структуре хозяйства и жизни племенного сообщества, сложившейся веками. Для областей Курдистана характерна тесная взаимосвязанность и взаимозависимость кочевника и оседлого. Это — норма их жизни, а ее по приказу губернаторов ломали с помощью гарнизонов солдат.

Заключение о негативном отношении автора *Хадике-йи Насурийе* к племени, тем не менее, представляется неоправданным. Верность традиционным, вековым устоям, заключенную в «законе племен», он воспринимает с явным одобрением. Рассказывая о событиях различной давности, Мирза ‘Али-Акбар многократно упрекает тех правителей, которые обходились с народом Курдистана вопреки «обычаю *илей* и *аширатов*». Верность «закону племен» обязательно приводится автором в перечне заслуг и достоинств правителя¹. Древний обычай оставался для Мирзы ‘Али-Акбара Хрониста неприкосновенной святыней. Авторские негативные высказывания о племенах джаф и авроми едва ли можно назвать искренними. В реальности все, что сказано Мирзой ‘Али-Акбаром об этих двух известных племенных сообществах, представляется не более чем проявлением политкорректности в отношении властных структур.

После эпопеи с племенами галбаги и тилаку Мирза ‘Али-Акбар жил, по всей видимости, в Сенендедже и впоследствии весьма приблизился к влиятельному Хасан-‘Али-хану Амир-Низаму Гяруси [Стори, 1972. С. 1103], который, сделав блистательную карьеру на дипломатическом поприще, по замыслу шаха был призван для наведения порядка в Курдистане. 5-го джумади-л-аввала 1309 г.х./7-го

¹ Даже Гулам-Риза из племени шахсевен, не курдистанец, назначенный губернатором Курдистана в 1876 г., заслужил за это у автора одобрение и похвалу.

декабря 1891 г. Хасан-‘Али-хан Амир-Низам был назначен губернатором Курдистана, и Мирза ‘Али-Акбар стал одним из его преданных помощников. Автор *Хадике-йи Насирийе* ценит нового губернатора очень высоко, посвятил правлению «этого первого человека в государстве» и подвигам его предков почти треть главы 8-й о правителях Курдистана, которые не были курдистанцами.

С помощью Амир-Низама Мирза ‘Али-Акбар был представлен Насир ад-дин-шаху и преподнес ему *Хадике-йи Насирийе*. Впоследствии, уже после написания *Ми’рат аз-Зафар*, его принял Музаффар ад-дин-шах. Оба каджарских шаха оценили книги весьма высоко. Сбылась, таким образом, надежда историографа на шахское внимание, а возможно, и на вознаграждение.

В тексте хроники автор неоднократно упоминает свое сочинение под названием *Тарих ал-акрад* («История курдов»). При этом ближе к середине текста говорится, что книга уже написана, а в самом конце, что будет написана. Подтверждение того, что книга под названием *Тарих ал-акрад* была Мирзой ‘Али-Акбаром Курдистани написана, мы находим в вводном слове Абдаллаха Мирдуха к *Aqayed*, книге Мах Шараф-ханум Курдистани. При этом упоминается, что, кроме *Хадике-йи Насирийе*, *Ми’рат аз-зафар* и *Тарих ал-акрад*, нашим автором написано «несколько других сочинений». Названия их не приводятся.

В заключение отметим, каким образом Мирза ‘Али-Акбар понимал свою жизненную установку и позицию как историограф: «Хотя у прежних и новых историков искони принято о правителе, во времена которого пишется сочинение, сообщать только хорошее, я, ничтожный раб ‘Али-Акбар, секретарь и летописец, со всей смелостью по этому поводу заявляю, что не возьмусь за перо иначе, чем ради истины, и правдой не поступлюсь!

Свидетель тому Бог и народ мне свидетель,

Что дни мои омрачены из-за [моей] правдивости!

...Цель автора — описание истории, а не славословие и восхваление!»

Столь далеко уйти от своей эпохи и среды обитания автор, разумеется, не смог, как бы он этого ни жаждал. Целую бурю эмоций

вызывало у него одно шахское имя. Это имя буквально тонуло в потоке эпитетов, восхвалений и благопожеланий в авторском предисловии. Заканчивается это славословие посвящением книги шаху и надеждой на шахскую милость и внимание.

Тем не менее, заключительное авторское слово впечатляет своей проникновенной любовью к исторической науке. Мирза ‘Али-Акбар обращается к соотечественникам с призывом «хранить в памяти события, которые произойдут в обширных областях Курдистана» и их записывать, «не отдавать на уничтожение времени и коловратным небесам».

Невозможно не заметить, что автор говорит здесь обо всем Курдистане, об его о б ш и р н ы х областях, а не только о Курдистане Арделанском. Память и думы о том Великом Курдистане, о котором, как заметил и отметил В. Ф. Минорский, писал Шараф-хан Бидлиси, не могли не жить в сердце автора *Хадике-йи Насрийе*.

Не прав был Мирза ‘Али-Акбар, называя себя «ничтожным бедняком, собирателем колосков на ниве просвещенных, которого жители [этой] области по своей доброте причисляют к эрудитам эпохи». Правы были те, кто «причислял». Он такое признание заслужил.

Список сокращений

ИКОИРГО — Известия Кавказского отдела Имп. Русского географического общества. Тифлис.

ИШКВО — Известия штаба Кавказского военного округа. Тифлис.

Литература

- Мах Шараф-ханум Курдистани, 1990* — Мах Шараф-ханум Курдистани. Хроника дома Ардалан (Та'рих-и Ардалан) / Пер. с перс., введ. и примеч. Е.И. Васильевой. М., 1990.
- Стори, 1972* — Стори Ч.А. Персидская литература. Библиографический обзор / Пер. с англ. Ч. 1–3. М., 1972.
- Тавакколи, 2003* — 'Али-Ақбар Вақаи'-нигār Курдистани. Хадике-йи Нақирийе... ба кушаш-и Муҳаммад Ра'уф Тавакколи. Тихрāн, 2003.
- Тэйлор, 1873* — Дневник путешествия по Армении, Курдистану и Верхней Месопотамии в 1866 году Д. Тэйлора, консула в Курдистане. ИКО-ИРГО. Т. 2, прил. 2. Тифлис, 1873.
- Хусрав ибн Мухаммад, 1984* — Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан. Хроника (История княжеского дома Бани Ардалан) / Факс. рук., пер. с перс., введ. и примеч. Е. И. Васильевой. М., 1984.
- Чернозубов, 1911* — Чернозубов Ф. Страна Льва и Солнца. Арделян или Персидский Курдистан. (Краткий географический очерк по персидским и армянским источникам) // ИШКВО, 3-я треть, № 33. Тифлис, 1911.
- Heinz, 1968* — Verzeichnis der orientalischen Handschriften in Deutschland. Bd. IV. Persische Handschriften. Teil 1, beschrieben von W. Heinz. Wiesbaden, 1968.
- Nikitine, 1922* — Nikitine B. Les Vâlis d'Ardelan // Revue du Monde Musulman. Vol. 49, 1922.

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ КУРДОВ ХАРКИ

Харки (херки, херги) — крупное курдское племя, жившее в XIX — первой половине XX в. между Ираком, Ираном и Турцией — в пограничных частях Курдистанского хребта, где частично жили постоянно, а частично делали сезонные переходы, кочевали между оз. Урмия и Равандузом. Половину года жили в Ираке (осенью и зимой): спускались на равнину Мосула (в конце XIX в. насчитывалось 2000 шатров, или семей), обитали в Шейхане — северной части лива Мосул с городами Амадия, Дахук и Акра, между Тигром и Б. Забом (по обоим берегам), в Зибаре, на равнине к югу от Маглуб-Дага в 40 км к северо-востоку от Мосула, к северо-западу от Мосула в горах Синджара, на равнине в районе Эрбиля, где жили в деревнях, а зимовали в палатках к северу от Равандуза и к юго-западу в санджаке Харир между Равандузом и Салах-эд-Дином, к северу от дороги Багдад–Керманшах до р. Дияла: в конце XIX в. южнее Равандуза вместе с племенем хошнав насчитывалось приблизительно 3 тыс. семей. В районе Киркук–Сулеймания харки как подразделение входило в объединение джафов.

С наступлением весны харки поднимались со своими стадами на горные пастбища к месту стыковки границ Ирана, Ирака и Турции, а поздней весной, когда таяли снега, отправлялись высоко на горные пастбища в Иран, переходя через территорию Турции, где были их земли (государственная граница не являлась препятствием). Одна часть харки располагалась в Иране — в пограничных с Ираком частях Курдистанского хребта, на горных пастбищах в горах Сендерака, в районах Иранского Азербайджана: между округами Орамар, Гарди, Мызурли, Шемдинан, к юго-западу и западу от оз. Урмия в районе Ушну (Ошнебие) и прилегающих к нему местностях Ирака — западнее племени зерза. В середине XIX в. летом здесь насчитывалось 2 тыс. шатров (15–25 тыс. человек). Обитали

также в окрестностях Маку, в районе Сейгменовых гор, в районах Котурского ущелья, Салмаса. Другая незначительная часть харки располагалась в районах Мергавера (между Соуджбулаком и Сердештом), Тергавера, Сомайя, Берадоста, Дешта, Дештебиля.

Известный курдский историограф XVI в. Шараф-хан Бидлиси отмечал племя арки, говорившее на лурском диалекте, но не принадлежавшее к коренным лурам¹. Арки (по-видимому, харки) встречается у С. Корганова, как название большого племени, кочевавшего во второй половине XIX в. в Сурмалинском уезде Эриванской губернии по склонам гор².

Места для стоянок определялись одни и те же. Если в каком-то районе недоставало корма, то часть племени со стадами овец отправлялась на более отдаленные пастбища. Но основная стоянка оставалась на том же месте. Харки находились в тесной связи друг с другом, несмотря на государственную границу, но не имели общего руководства. Живя в труднодоступных районах, они были изолированы от соседних курдов. Поскольку большая часть харки обитала на территории современного Ирака, их интересы всегда тяготели в сторону Турции, а впоследствии — Ирака. Во время перекочевок харки, направляясь к Джуламерку, проходили по турецкой территории, где в районе Гавара обитали подвластные им зерза. В Турции харки жили довольно разбросанно: вблизи Эрзурума, к югу и юго-западу от Диярбакыра и Вана, в Моксе, Шатахе, Нордузе и других округах Ванского вилайета (в сел. Гунде-Хасо по дороге из Урмии в Нерги по скатам Сира, на р. Берандуз — санджак Хаккари). В конце XIX в. в Ванском вилайете насчитывалось 500 палаток (3000 человек). Жили также в районе Башкале до долины р. Б. Заб, между Орамаром и Нери, в Джебель-Туре, в Бахдинане, от Джезире до Бейтюшшебапа.

Б. Диксон так описывал передвижение на летние пастбища племени харки, зимовавшего на севере Месопотамии: «Они переходят Б. Заб около Зибара, где каждый год заново наводят мост. На

¹ Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Т. I. М., 1967. С. 102.

² Корганов С. Несколько слов о курдах // Кавказ. 1884, № 239. С. 2.

это уходит определенное время; при этом они стараются поддерживать хорошие отношения с местными курдами, с людьми шейха Барзани, которые в противном случае могут помешать их переходу. Далее курды двигаются по высокогорной дороге через Тенги-Былинда на восток, по тропам долины р. Шемдинан-су, впадающей в Б. Заб. Тянется длинная вереница людей, навьюченных мулов, лошадей и скота. Стада баранов в 300–400 голов пасутся вокруг на склонах под охраной вооруженных пастухов. В устье р. Орамар-су курды разделяются. Одни идут через долину Сат, другие движутся по долине Харки и Беиткар; идут они медленно, делая небольшие переходы, совершая зигзагообразный путь, чтобы достичь высокогорных перевалов на севере Сат-Дага. Курды передвигаются свободно, каждый направляется туда, куда ему хочется. Женщины, одетые в лохмотья, несут на спине какие-то невообразимые сооружения: люльку, кувшин, курительные трубки, подносы, бурдюки для сбивания масла, тыквы, самовары, приспособления для тканья и прядения и как обязательное приложение — ребенок. Тут и разноцветные сундуки с одеждой и чайным прибором. Все идут пешком. Охрану племени несут вооруженные с ног до головы люди. Один или двое таких людей сопровождают подростков, которые выше на склонах пасут стада. Передвижение кочевников доставляет много беспокойств окружающим. Крестьяне стараются не выходить из домов, закрытых на засов. Вооруженные люди занимают все стратегические пункты вокруг деревни. Животные устают и болеют в пути. Многие из них погибают (их преследуют стаи орлов и ястребов). Кочевники не снимают груз на ночь, свои привалы они устраивают подле навьюченных животных, закутываясь на ночь в войлок»¹.

Племя получило название по району Харки, пограничному каза Шемдинан.

Харки платили налоги двум государствам: десятину — турецким властям, налог за пользование пастбищами — иранским. В некоторых районах племя имело право бесплатно держать свой скот

¹ Dickson B. Journeys in Kurdistan // The Geographical Journal. L., 1910. Vol. XXXV, № 4. P. 372.

на подножном корму (даже в районах, номинально находившихся под контролем оседлых групп).

Представители турецкого правительства вели переговоры с племенем харки через верховного агу или его поверенных. Несмотря на то, что само племя было разбито на небольшие семейные группы на очень обширной территории, их интересы выражал один общий предводитель, под контролем которого они находились. Этот факт говорит о высокой степени племенной интеграции. Как писал Е. Лич, когда летом 1938 г. началось судебное дело между верховным агой племени харки и предводителем племени джерди Джемил-агой из Вахрика относительно того, нужно ли племени харки платить ренту племени джерди за право держать скот на подножном корме на земле, принадлежавшей последнему, то в беседе с Е. Личем Джемил-ага жаловался, что племя харки, вероятно, выиграет дело, поскольку оно богаче и больше может дать для подкупа. Однако дело закончилось тем, что харки получили право использовать пастбища, находившиеся в пределах сферы влияния оседлых курдов¹. Скотоводство занимало важное место в жизни харки. Они владели большими стадами овец, коз, крупного рогатого скота: по данным Е. Лича — свыше 1 млн. голов овец и около 20 тыс. голов крупного рогатого скота. Но курды считали, что эти цифры занижены.

В независимом от иранской администрации курдском районе, охватывавшем ряд долин и горных склонов Персидского пограничного хребта вдоль всей ирано-турецкой границы, курды племени харки и к началу 40-х гг. XX в. вели кочевой образ жизни и занимались скотоводством. Они торговали вьючными лошадьми и продуктами скотоводства.

Миграция племени харки связана с важнейшей торговой деятельностью. Они перевозили соль из Ирана в Ирак, а обратно везли пшеницу и ячмень. На рынке Эрбиля харки продавали шерсть и многие другие продукты животноводства. Беспешлинный импорт

¹ Leach E. R. Social and economic organization of the Rowanduz Kurds. L., 1940. P. 7.

соли был строго запрещен. Однако иракские власти смотрели на это сквозь пальцы. Шерсть сбывали и в Мергавере и обязательно с ведома вождей, которые и назначали цену. Аги имели огромную власть. Им причиталось по 50 сантимов с каждой овчины. В дальнейшем этот обычай перестал соблюдаться, когда стали переходить на оседлость, а также в связи с ослаблением власти аги над крестьянами. Ага сам вступал в сделку с мергаверскими купцами, получая от них богатые подарки — сахар, чай, одежду. Производством шерсти славились Маку и Салмас. В Урмии в 1930 г. было произведено 14 тыс. пудов шерсти, в том числе 2 тыс. пудов овечьей. Занимались и производством ковров.

После установления границ большая часть племени харки потеряла связь с горными пастбищами. После окончания Первой мировой войны, когда часть племени была вовлечена в движение под предводительством Симко, это определенным образом сказалось на хозяйственной деятельности харки. Они постепенно стали спускаться с гор в долины и приобщаться к земледелию, преимущественно к табаководству. Иранские власти летом 1938 г. намеревались принудить племя к оседлому образу жизни, но это окончилось безрезультатно.

В районах Джебель-Тура, Харира и Равандуза, где харки жили оседло, селения располагались среди живописных диких гор с дубовыми рощами и виноградниками. Жители занимались хлебопашеством и садоводством (выращивали пшеницу, ячмень, табак, виноград). Из каза Гавар и Шемдинан в вилайете Ван экспортировали большое количество табака в Персию. В Ираке и Турции женщины занимались ковроткачеством, ковры привозили на базары в Эрбиль и Багдад.

По описанию путешественников, харки — мужественное, сильное, богатое племя. Они рассказывали множество невероятных историй об их суровой жизни, о лишениях, с которыми они сталкивались (всю зиму они жили в черных шатрах), а М. Сайкс пишет, что

харки до осени спали без шатров¹. Оседлые курды, через земли которых они проходили, также рассказывали о харки множество легенд. Так, их женщины отличались смелостью и отвагой.

Турецкие власти умело использовали то обстоятельство, что харки жили частью в Иране, частью в Турции и делали сезонные перекочевки. Во время передвижения обычным явлением были ссоры и конфликты из-за пастбищ и кочевий между племенами. Так, многие турецкие помещики и курдские феодалы имели земли и в Иране. Турки провоцировали нападения курдских племен на иранскую территорию и разжигали междоусобную борьбу одних курдских племен против других. (В Хаккари харки часто нападали на ассирийцев, убивали мирных жителей и угоняли скот: овец и мулов.)

Как отмечал видный исследователь курдской проблемы М. С. Лазарев, в своей захватнической политике в пограничных районах Иранского Курдистана Турция опиралась на некоторых курдских феодалов. Одним из них был Керим-хан — влиятельный и богатый вождь племени харки. Он был назначен турками правителем Мергаверского, Берадостского и Дештебильского округов. Отряды Керим-хана терроризировали население, вынуждая его к покорности турецким властям².

Летом 1905 г. вследствие вероломного убийства в Тебризе вождя племени харки из Салмаса Джафар-аги, который был лидером курдской оппозиции в Иране, взаимоотношения курдских племен Ирана с правительством резко обострились. Врагами шахского правительства были объявлены отец Джафар-аги Мухаммед-ага и его брат Исмаил-ага Симко. Оба они бежали в Османскую империю. Мухаммед-ага переехал в Стамбул и начал организовывать набеги на район Хой-Салмас. Позиция Симко впоследствии сыграла важную роль в событиях, развернувшихся в турецко-иранской полосе и в Иранском Курдистане.

¹ Sykes M. The caliphs' last heritage: A short history of the Turkish Empire. L., 1915. P. 560.

² Лазарев М. С. Курдистан и курдская проблема. М., 1964. С. 171.

Антитурецкую оппозицию курдов пограничной полосы возглавил Пиро-бек из племени харки. В 1910 г. он высказался против установления турецкого господства над Иранским Курдистаном. В 1912 г. турецкие власти особое внимание обращали на привлечение на сторону Турции в районе турецко-персидской границы вождя племени харки. Во время восстания Симко в августе 1912 г. в Дизе турками было арестовано несколько влиятельных курдов из племени харки. Это же племя принимало активное участие в волнениях в Арарате.

В 1922 г. харки выступили за создание на федеративных началах курдского государства при помощи и под покровительством Англии. В 1926 г. Симко удалось заручиться поддержкой бекзаде Мергавера и Тергавера и главы племени харки Хаджи-аги. Совместными силами они напали на Салмас и попытались взять город Шахпур. В июле 1930 г. Симко с отрядом племени харки прибыл в Ушну, где остановился у Хуршида, одного их вождей племени харки. Туда с трех сторон — из Резайе, Соуджбулака и Тебриза — двинулись персидские войска. Симко был дан приказ немедленно отправиться в Тебриз, иначе его разоружат. Симко отказался и в перестрелке был убит.

В двадцатых числах апреля 1942 г. в Резайе произошло вооруженное столкновение, во время которого было убито несколько курдов и правительственных жандармов. Местные курдские племена — зерза, шеккак, харки — сформировали вооруженные отряды под командованием своих вождей. Под предводительством харкинцев Зеро-бека и Рашид-бека, а также одного из вождей шеккаков Омер-хана они окружили г. Резайе и приступили к его осаде. Рашид-бек был главой харки многие годы. Его резиденцией был город Урмия (Резайе под Пахлави). Рашид-бек выставил около 1000 всадников в Мехабадской республике в 1946 г., другой вождь Зеро-бек — 700 всадников.

В конце XIX в. племя харки (херики), обитавшее в санджаке Хаккари Ванского вилайета (800 дворов), входило в группу племен шеккак; в районе Сивирек входило в союз племен милли, а небольшая часть под названием херикян, обитавшая в каза Дджезире санд-

жака Мардин Диярбакырского вилайета (почти до самого Мосула), подчинялась большому племени миран, главой которого был курдский ага Мустафа-паша. Они занимали 300 селений (приблизительно 3 тыс. шатров) вместе с племенами дудери, тайян, кочан, омерделян, мусаряшан др.

Часть племени харки, в начале XX в. обитавшая к востоку и северо-востоку от Мосула, Амадии, Равандуза, к югу от оз. Ван до долины Б. Заба, в Бидлисе, Тийаре, Джебзире, входила в хаккарийскую группу племен. Вождями харки, живших вдоль р. Б. Заб, главами были Фаттах-бек и Саид-бек. Другая часть харки (херики), как подразделение артоши, перекочевывала из области Джебзире на яйлаги западного Бейтюшшебапа, в селения долины Б. Заба. Еще часть племени харки (херкан), обитавшая на горных склонах Эрзурума и в Бохтане (Баязидская область), входила в племя зилан; в районе Киркук—Сулеймания — в объединение джаффов.

В начале XX в. харки выставляли 3 тыс. всадников под предводительством Керим-хана и Пиро-бека в Мергавере. Керим-хан жил в деревне Нерги. В 1913 г. в Джебель-Туре главой харки был Сархан, а вождь Пиро-бек назначен каймакамом г. Акры.

Численность харки оценивалась исследователями по-разному: по М. Сайксу — в Турции насчитывалось 3 тыс. семей; советские источники 30-х гг. полагают, что харки насчитывали около 2 тыс. человек; американская исследовательница М. Кан — 30 тыс. человек; У. Иглтон — 20 тыс. человек.

Численность племени харки в Ираке, по данным 1965 г., составляла: в нахия Сурчи каза Акра лива Мосул — 754 человека оседлых, 1514 кочевников; в нахия Куштапа каза Эрбиль лива Эрбиль жили 538 человек; в нахия Салах-эд-Дин каза Шаклава лива Эрбиль — 2526 человек; кочевников — 1 тыс. человек; в нахия Харир каза Шаклава лива Эрбиль кочевали 1 тыс. человек; в нахия Мзури-Бала каза Зебар лива Эрбиль — 288 человек; в нахия Ал-Кош каза Шейхан лива Мосул — 209 человек.

По свидетельствам путешественников, харки (мужчины и женщины), жившие в районах Вана и Эрзурума, в Джебель-Туре отличались смуглостью кожи, красотой. В Джебель-Туре они жили в

мире с христианами. По религиозной принадлежности харки, обитавшие в лива Мосул и Синджаре, — езиды, а харки, жившие в районах Шахризура, Харира, Мергавера, Тергавера — мусульмане-сунниты шафиитского толка.

Харки, жившие в Иране, обычно шили костюмы из сукна светло-коричневого цвета в серую полосу, носили войлочный или фетровый колпак на голове, напоминавший тибетейку. По цвету колпак черный или белый. Платок, которым обматывали голову поверх колпака или непосредственно при его отсутствии, обязательно должен был иметь бахрому. Платок у племени харки был серого цвета.

Подразделения харки (по данным начала XX в.) — майдан, сейдан (сидан), зейдан, зерхати, серати (серхати, сихатти). У. Иглтон отмечает два подразделения: на севере — мандан (миндан), или Мосульское подразделение, обитавшее близ Акры и возглавляемое Асад-агой, и на юге — серхати (сихатти), или Эрбильское подразделение, возглавляемое Камалем — сыном Фаттах-аги. Летом оба подразделения традиционно отправлялись к пастбищам через персидскую границу¹.

¹ Eagleton W. An introduction to Kurdish rugs and other weavings. N.-Y., 1988. P. 29.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ОБЛАСТЬ ДИЯРБАКЫР

Диярбакыр (Дйар Бакыр), или «колыбель [племени] Бакра» — название северной части области ал-Джазира¹. Диярбакыром первоначально назывался район обитания племени бакри, предводителем которого был Бакр ибн Ва'ил. Во время межплеменных войн доисламского периода он направился в Месопотамию. После остановки в Куфе племя Бакра затем продвинулось далее на север. Во время правления омейядского халифа Муавии в Сирии и Джазире по его распоряжению племени бакри, мудари и раби'а обосновались на незанятых землях региона. По его же указанию территория проживания племени бакри стала называться Дйар Бакр, территория обитания племени мудари и рабия — Дйар Мудар и Дйар Рабия соответственно. Бакринскими стали называться и пограничные гарнизоны (al-thugur al-bakriyya), которые упоминаются в книге М. Канарда «История династии Харманидов; 254–261». Они находились на севере и северо-западе Диярбакыра.

Область Диярбакыр охватывает центр курдского полумесяца². Ее условно, с неизбежными изменениями, внесенными событиями последующих столетий, можно идентифицировать с вилайетом Диярбакыр, описанным в книге В. Кинэ «Турецкая Азия» (1891–1894). Округа и районы Диярбакырского вилайета, описанные В. Кинэ, входили в состав и являлись частью исторической области Диярбакыр.

В Диярбакырской области находится город Джезире (Джазират ибн Умар), который В. П. Никитин называет колыбелью курдского этноса. Такого мнения придерживались и курдские историографы

¹ Ал-Джазира (букв. «остров») — название, используемое арабскими географами для обозначения всей северной части территории, расположенной между Тигром и Евфратом.

² С полумесяцем, раскинувшимся с северо-запада на юго-восток, принято сравнивать территорию Курдистана.

Шараф-хан Бидлиси и Мела Махмуд Баязиди. Согласно автору «Шараф-наме», «все племена курдов происходят от Баджна и Бохта»¹, двух братьев из рода правителей Джебзире. Братья не поладили друг с другом, и в конце концов Бохт утвердился в Джебзире, а Баджн — в Хисн Кайфе. Первый стал прародителем племени Бохти, а от второго «произошло племя баджнави».

По словам Мела Махмуда Баязиди, первым местом, где появились курды, была область от Майафарикина² до Диярбакыра (Амида), откуда они рассеялись повсюду.

Еще более уверенной является позиция двух отечественных современников-курдоведов: М. С. Лазарева и К. Амоева. По их мнению, этногенез курдов берет свое начало в древнем центре мировой цивилизации — в бассейне верхнего и среднего течения рек Тигра и Евфрата и их восточных притоков³. М. С. Лазарев считает общепризнанным и научно обоснованным фактом автохтонное происхождение курдского народа, а изначальным очагом этногенеза курдов — Северную Месопотамию, центр современного Курдистана⁴. Эту область, составлявшую один из важнейших культурных очагов Древнего Востока, образуют две великие реки: Тигр и Евфрат. Она и называется Междуречьем (Двуречьем) или Месопотамией.

Диярбакырская область на протяжении длительного исторического периода была зоной взаимодействия и столкновения различных культур, религий и народов. Область являлась постоянным предметом территориальных споров между Халифатом и Византией. Земли, города и крепости захватывались и перезахватывались христианами и мусульманами, поэтому население не могло не быть полиэтничным. В Диярбакыре звучала арабская, персидская, армянская, турецкая и курдская речь. К концу XV столетия большинство мусульманского населения составляли курды.

¹ Шарар-хан Бидлиси. Шараф-наме. М., 1967. Т. I. С. 215.

² Майафарикин — один из главных городов в Диярбакыре.

³ См.: Амоев К. Курды. История. Экономика. Тбилиси, 2008. С. 19.

⁴ История Курдистана. С., 1999. С. 20.

Через Диярбакыр до конца XV в. проходил путь транзитной торговли шелком из прикаспийских шелкопроизводящих провинций на международные рынки Халеба. Область Диярбакыр имела столь важное стратегическое расположение, что становятся понятными причины, почему из века в век здесь стремились укрепиться династии курдского и некурдского происхождения. Первыми правителями Курдистана — в Диярбакыре и Джебзире (Джебзире Ботан), воспетой Ахмадом Хани, были Марваниды — курдские эмиры, которых, по словам Шараф-Хана Бидлиси, «историки относят к государям».

Самыми значительными городами историко-культурной области Диярбакыр были Амид, Майфаракин, Мардин, Хисн Каифа и Арзан. Во время господства Хамданидов Диярбакыр и Армения, так же как и Северная Сирия, находились в руках эмира Алеппо, Сайф ад-Дауле. После смерти последнего в 356 г.х./967 г. Диярбакыр был завоеван Абу Таглибом Хамданидом. В 367 г.х./983 г. вместе с остальной частью Джазиры Диярбакыр попал под господство Адуд ал-дауле Бувайхида и после его кончины в 372 г.х./983 г. перешел в руки вождя курдского племени хумайди Бада ал-Курди, затем его племянника Абу Али б. Марвана — основателя династии Марванидов, во время правления которого к Диярбакыру были присоединены близлежащие территории.

Во времена Марванидов (983–1096) историко-культурная область Диярбакыр обрела автономный государственный статус и независимость. Во главе княжества стоял курдский эмир, бывший одновременно верховным главнокомандующим, судьей и администратором. Династия Марванидов достигла пика могущества в первой половине XI в. Диярбакырский эмират просуществовал всего одно столетие, но он остался в исторической памяти курдов как время процветания и благоденствия.

Что касается экономического аспекта, то область Диярбакыр славилась плодородием своих земель и обеспечивала население эмирата сельскохозяйственными продуктами. Особенно нужно отметить долину к востоку от Майафарикина, которую до сих пор называют житницей Турции.

Плодородием славилась не вся область. Горные районы в гораздо меньшей степени подходили для земледелия. На горных лугах кочевые и полукочевые племена пасли огромные стада овец, лошадей и верблюдов и получали большой доход за продукты овцеводства. Прекрасные пастбища в области находились повсюду, особенно ими славился округ Нисибин. Скотоводы-кочевники в изобилии доставляли на рынок продукты животноводства: мясо, сыр, масло, которыми страна курдов славилась повсеместно¹.

Продукты земледелия месопотамских долин отличались исключительным изобилием и разнообразием. Земля, орошаемая живительными протоками, использовалась для выращивания злаковых культур. Хорошо обработанные холмы чередовались с полями, засеянными пшеницей, ячменем, табаком и засаженными фруктовыми деревьями. Однако зерна выращивалось ровно столько, сколько требовалось населению. Для экспорта были предназначены хлопок, чернильный орешек, шелковые коконы.

Славились диарбекирские и мардинские вина, а вдоль Тигра на песчаных участках выращивались арбузы и дыни. Здесь эти продукты были особого изысканного вкуса и достигали невиданной величины. Обычный вес выращиваемых арбузов составлял 25–30 кг, но бывали также и по 40 и даже 50 кг. Самые лучшие шелковницы выводили в Мардине, Амиде и их окрестностях. В Дездеире вырабатывали великолепного качества мед и воск.

Население историко-культурной области Диярбакыр состояло из различных этнических групп и конфессий, среди которых курды составляли большинство. Иноэтнические группы были вкраплены главным образом в среду сельского населения: армяне и айсоры (ассирийцы), которых В. П. Никитин назвал «пережитком» великой Ассирийской империи времен древности. По его предположению,

¹ В Юго-Восточном Курдистане эмиры Арделана посылали государям Ирана в подарок лучшее из того, что производилось в их владениях. Из Курдистана отправляли масло и продукты скотоводства. См.: Васильева Е. И. Юго-Восточный Курдистан в XVII — начале XIX вв.: очерки истории эмиратов Арделаи и Бабан. М., 1991. С. 116.

их предки скрылись среди этих неприступных гор от набегов и разрушений, которые имели место во время мусульманских завоеваний¹. Значительная часть ассирийского, армянского и еврейского населения занималась ремеслом и торговлей. Армяне и ассирийцы составляли большую часть христианской общины. Многочисленную группу в пестрой этнической карте региона представляло арабское или арабоязычное население. Арабские деревни находились в западной части округов Амид и Мардин.

Численность населения не поддается точному определению ни в XI в., ни в более поздние времена. Перепись населения обычно преследовала фискальные цели или проводилась в связи с набором в армию.

С экономической точки зрения большую важность для области Диярбакыр представляла транзитная караванная торговля. Именно караванные пути приносили самые богатые доходы. Стоит отметить тот факт, что марванидские эмиры проявляли особую заботу о торговцах-караванщиках, всячески поощряли их и опекали.

В наши дни Диярбакыр (Дйярбакыр) представляет огромный интерес для туристов и археологов. Это город и район на юго-востоке Турции, административный центр и неофициальная столица Турецкого Курдистана. Главной достопримечательностью города являются крепостные стены, известные тем, что по своей протяженности они занимают второе место после Великой Китайской стены. Крепостные стены, длиной 5,5 км и высотой 7–8 м, построены из черного базальта и имеют 16 башен и 5 входных ворот. Это самое величественное место в городе и яркий пример военного строительства периода средневековья. Стены украшены надписями и барельефами. Дата постройки стен, обновленных в 349 г. византийским императором Константином, точно не известна.

В 65 км северо-западнее Диярбакыра по дороге в Элазыг в провинции Эргани находится античный город Чайеню, насчитывающий девять тысяч лет своей истории. Город вырос из поселения, которое относилось к первым населенным пунктам на земле. Най-

¹ Архив ИВР, Фонд В.П. Никитина (ф. 127, оп. 1, ед. хр. 23, 60).

денные на территории Чайеню жернова, различные орудия труда из кремня, кости и меди выставлены в Археологическом музее Диярбакыра.

Еще одной местной достопримечательностью является мост Малабади, на реке Батман, который имеет самый широкий пролет среди всех каменных мостов мира.

Самыми известными мечетями Диярбакыра являются Улу Джамии (с примечательной историей и архитектурными особенностями), мечеть Неби и мечеть Сафа. Улу Джамии является одной из самых древних мечетей Турции. Она построена в византийском архитектурном стиле с использованием более древней стилистики и тонкой резьбы по камню.

Как было сказано выше, Диярбакыр являлся одним из центров на Великом Шелковом пути и от времен средневековья в нем сохранились караван-сарай. В караван-сараях Делиллер, Хасан-паша, Чифтехан и Ени Хан имеются лавки, где продаются ковры, килимы¹ и серебряные изделия. Некоторые караван-сарай, наиболее примечательные по своей архитектуре и убранству, в настоящее время отреставрированы и используются в качестве отелей.

¹ Тканый гладкий двусторонний ковер ручной работы. Основа любого ковра также называется килимом.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
ШЕЙХА САИДА КУРДИ (НУРСИ)
(1876–1960) И КУРДСКИЙ ВОПРОС**

Одним из важных показателей того, что в Турции идет активное формирование гражданского общества, является существование и заметное влияние на социальную и политическую жизнь страны системной политической оппозиции. Своеобразная биполярная модель представлена в настоящее время сторонниками кемалистского, секулярного пути развития Турции, активно поддерживаемыми всё еще влиятельным генералитетом страны, с одной стороны, и представителями исламистов, так называемых «клерикальных демократов» — в лице находящейся у власти Партии справедливости и развития (ПСР) — с другой. Вопросы, по которым происходит водораздел мнений двух этих элит, достаточно широк: от ношения хиджабов в государственных и учебных заведениях до перспектив вступления Турции в Евросоюз.

Ренессанс политического ислама, переживаемый Турцией с конца XX в., во многом был предопределен режимом самого кемалистского государства. Формирование системной оппозиции в рамках данной политической парадигмы — достаточно неоднозначный процесс и его истоки следует искать еще в середине XIX в.

Системная оппозиция начала формироваться в период Танзимата. Такое нововведение натолкнулось на противодействие сторонников традиционалистского политического пути развития. Несогласные со сменой политической парадигмы выступали против «европеизации» страны и смены ценностных ориентиров, в результате чего и произошел принципиальный разрыв во мнениях о путях развития Османской империи, особо усилившийся в свете постоянных военных неудач и политической нестабильности внутри страны, связанных с подъемом национально-освободительной борьбы на окраинах империи. Реформаторское течение сторонников Танзима-

та — уже позднее, в начале XX в., во многом предопределило появление младотурецкой партии «Иттихад ве Тераки» («Единение и прогресс»), выступавшей за восстановление в Турции конституционного режима, отмененного султаном Абдулхамидом II в 1876 г. После младотурецкого переворота в 1908 году, когда султан вынужден был пойти на уступки и восстановить конституционный режим в стране, а также после контрреволюционного мятежа оппозиции в марте 1909 г., опиравшейся на поддержку улемов, шейхов и других традиционных для Турции клерикально-консервативных элементов, не согласных с политикой младотурок, был дан старт формированию «исламистской» политической парадигмы, представленной в то время консервативной партией «Хюрриет ве иттиляф» («Свобода и согласие»), оппозиционно настроенной как к внешней, так и к внутренней политике младотурок.

В контексте этих политических коллизий фигура религиозного философа и политического деятеля Саида Курди (Нурси) для современной истории Турции достаточно феноменальна. В первую очередь Саид Курди (Нурси) — это религиозный философ (1876/78–1960), толкователь Корана и Сунны, основоположник сложного синкретического учения Нурджу (несмотря на то, что его основной религиозный труд «Рисале Нур» — достаточно путаное, противоречивое и не всегда структурированное произведение, записанное учениками Курди с его же слов), которое легло в основу всего реформаторского течения в турецком исламе, и которое ввиду его синкретического характера некоторые исследователи уже нарекли «протестантским исламом»¹. В Турции считается, что именно Саид Курди является идейным основоположником современного политического ислама Турции. Его политический статус предопределялся тем, что как любой уважаемый шейх он являлся традиционным посредником во всевозможных социальных диспутах, спорах и конфликтах.

¹ Сравнение турецкой оппозиции с «исламом протестантского толка» присутствует, к примеру, в стихотворении Назыма Хикмета «Вид на мою отчизну», написанном в 30-е гг. во время тюремного заключения.

Для целей «религиозного посредничества», характерного для шейхства, в 20-е гг. XX в. Саид сменил свою фамилию с Курди на Нурси — по названию места своего рождения, которое было созвучно слову «нур» (т.е. свет), ставшего важной понятийной категорией его религиозного мировоззрения. Курди писал: «Целью моего сподвижничества является донесение света знаний в восточные вилайеты империи, где местные алимы, не знающие ни арабского, ни турецкого языка увидят в нем свет, донесенный им книгами “Рисале Нур”»¹. Краеугольным камнем философии Курди является идея «просветительского джихада» с целью создания в рамках исламской уммы бесконфликтного сообщества, эффективно противостоящего «миру зла», олицетворением которого являются, с его точки зрения, «безбожники, большевики и коммунисты».

Что же касается всех аспектов видения и трансформации его взглядов в отношении курдского вопроса, наибольший интерес представляет не столько религиозные писания в «Рисале Нур», сколько его письма, собранные в нескольких томах сочинения, называемого «Мектубат» («Переписка»), а также книга «История жизни», входящая в каноническое собрание сочинений автора «Рисале Нур». Нужно сказать, что взгляды Курди достаточно разительно менялись несколько раз, и если в ранние годы — в период младотурецкого переворота 1908 г. вплоть до восстания шейха Саида в 1925 г. против республиканской власти — Нурси был хоть и недостаточно последовательным, но все же сторонником нарождавшегося в то время в Турции курдского национализма, то позднее, вплоть до конца своих дней, он выступал за отказ от какой-либо национально-этнической идентичности в пользу лишь одной, конфессиональной, ратуя за национальное единение турок и курдов исключительно лишь по исламскому признаку. Периодизация деятельности и трансформации политических взглядов Нурси несет отчетливый отпечаток того, что после отмены в 1924 г. халифата и, особенно, после подавления курдского восстания шейха Саида и его казни в 1925 г. Нурси полностью дистанцировался от политической жизни

¹ Malmisanij. Saidi Nursi ve Kürt sorunu. Uppsala, 1991. S. 21.

кемалистской Турции. Но при этом не случайно в период нарастания национально-освободительного движения Мустафы Кемаля Курди, как шейх и религиозный авторитет, волей неволей взял на себя функции посредника по урегулированию межэтнических противоречий в стране, сам при этом не признавая легитимность установленного в 1923 г. нового республиканского режима.

Этот фактор нашел свое отражение и в исследованиях о Саиде, которые носили и продолжают носить в Турции апологетический характер в пользу исключительно происламских воззрений философа. Наиболее подробным исследованием биографии и религиозных взглядов Саида Нурси являются работы турецкого профессора Шерифа Мардина, в которых, тем не менее, тщательно игнорируются все вопросы, связанные как с курдским происхождением Саида, а также его участие в курдском национальном движении. Достаточно сказать, что в работах Мардина — ученого, весьма близкого к религиозно-просветительскому движению Нурджуллар, все упоминания слова «Курдистан» в работах и в переписке Саида были заменены на термин «Восточная Анатолия», лишая таким образом оценок и суждений Курди какого-либо курдского националистического подтекста.

С начала 60-х гг. прошлого столетия движение Нурджуллар, основанное сколь преданными, столь же и влиятельными последователями автора «Рисале Нур», оказало значительное влияние на формирование клерикальной политической оппозиции кемалистскому режиму. С завидным постоянством побеждающие на выборах в Турции исламисты в данный момент занимают практически все значительные политические посты в стране, включая пост президента и премьер-министра. Достаточно сказать, что один из «отцов-основателей» движения Нурджуллар Фейтуллах Гюлен, проживающий в настоящий момент в США, сделал немало для популяризации взглядов Курди как в Турции, так и за ее пределами. Начиная с середины 60-х гг. прошлого века им и его сторонниками тратились силы и значительные суммы денег, в основном за счет пожертвований, собранные в Турции, США и Западной Европе, на издание трудов, книг о Саиде Курди, а также на открытие частных религи-

озных школ движения Нурджуллар не только в Турции, но и в Америке, а в перспективе — также в тюркоязычных республиках как в СНГ, так и в России. Небезызвестный запрет ФСБ России в 2002 г. деятельности частных религиозных школ, существующих на деньги сторонников Нурджуллар, а также последовавшие в мусульманских субъектах РФ многочисленные судебные разбирательства в отношении как самого движения, так и собственно трудов Саида Курди явились следствием слишком явного, с точки зрения спецслужб и правоохранительных органов, политического характера этого объединения с целью насаждения философии Нурджу как среди мусульманского населения Российской Федерации, так и СНГ, а также идеологии пантюркизма. Пантюркистские лозунги, под которыми в некоторых просветительских учреждениях, действовавших на территории России и СНГ, подносились исламскому населению, выглядели довольно странно и неуместно: Курди никогда не считал себя собственно турком и, что особенно стоит здесь подчеркнуть, вообще не признавал легитимность Турецкой Республики, провозглашенной в 1923 г. Мустафой Кемалем, о чем будет сказано ниже. Он писал: «Я накрепко привязан к двум сообществам: одно — мусульманское, другое — курдское». Поэтому попытка турецких учебных учреждений, продвигающих в массы идеи нурджу, связать взгляды философа с какими-либо пантюркистскими воззрениями является противоречащей исторической правде. Впрочем, особое значение в системе преподавания философии придается именно ее трактовкам, в рамках которых прозрения Курди могут наделяться тем или иным смыслом или переосмысливаться в том или ином контексте, в том числе и политическом.

О принадлежности Курди к религиозному ордену идут споры. Безусловно, он находился под сильным влиянием суфийского ордена Накшбандийя, который имел широкое влияние в Курдистане, благосклонно относился к деятельности еще нескольких тарикатов и с большим пиететом — к их основателям; однако пока нет никаких свидетельств тому, что сам Курди принадлежал к какому-либо нишану (братству). Определенным считается то, что он относил се-

бя к шафиитскому правовому мезхебу в исламе¹, который в наши дни получил широкое распространение в Сирии, Палестине, Иордании, Индонезии, Малайзии, Йемене, а также мусульманских странах Африки. Являясь, с одной стороны, наиболее ортодоксальной правовой школой, шафиитский мезхеб во времена Саида получил наибольшее распространение в тех районах Османской империи, где все активнее поднимал голову нарождающийся национализм местных народов — арабов, курдов. Национализм этих народов, традиционно исповедовавших ислам, означал, по сути, десакрализацию власти халифа в Стамбуле, что с точки зрения шафиитского права считалось возможным и приемлемым: трактовка природы и происхождения власти в исламском теократическом государстве в правовом поле шафиитского учения происходит на главенстве Корана и Сунны над приоритетностью власти халифа — заместника Аллаха на земле. Она восходит к утверждению основателя этой правовой школы Аш-Шафии, которое звучит так: «Если же кто силой захватит власть халифа, но затем станет править справедливо и добьется поддержки народа, тот и станет законным халифом»². В конце XIX в. шафиитский мезхеб вольно или невольно вовлекал в свои ряды сторонников предоставления большей самостоятельности национальным окраинам Османской империи, поскольку апологеты этого мезхеба не наделяли наследного халифа божественной властью по определению. Тем более что официальную правовую доктрину Османской империи представлял в то время ханафитский мезхеб, настроенный крайне оппозиционно к последователям аш-Шафии, которые могли и не признавать легитимности власти халифа, в случае если вдруг его власть захватит более, по их мнению, справедливый халиф. Характерное для многих восточных деспотий отношение к власти как к собственности приводило к тому, что в середине XIX в. значительные успехи походов египетского вали Мухаммеда Али (который не скрывал, что собирался перенести престол заместника Аллаха из Стамбула в Каир) были, помимо

¹ Nursi. Büyük Tarihçe-i Hayat. İstanbul, 2005. S. 202–206.

² <http://slovar-islam.ru/books/sh.html#Shafiitskiimazhab10>

прочего, опосредованы поддержкой в среде шафиитского духовенства и других сторонников этой правовой школы. И если сейчас различия между правовыми школами исламского мира не носят принципиального характера, то в середине XIX в. в условиях зримого распада Османской империи — трактовка роли, природы и источника власти в стране носила принципиальный характер. Приверженцы школы аш-Шафи объединились вокруг фигуры Мухаммеда Али, наместника халифа в Каире, где мезхеб получил широкое распространение, и, таким образом, согласно данной правовой доктрине египетскому наместнику фактически даровалось право поставить под сомнение правомочность власти халифа в Стамбуле; Мухаммед Али серьезно подумывал даже о перенесении столицы империи из Стамбула в Каир. Здесь нелишним будет вспомнить, что во времена походов Мухаммеда Али на Стамбул (т.е. в 30-е гг. XIX столетия) османская армия потерпела ряд унижительных поражений от войск египетского наместника именно на территории компактного проживания курдов, которые к тому же столкнулись с невиданным доселе наплывом в свою страну христианских миссионеров из Великобритании, Франции и даже из США для поддержки и контактов с проживавшими здесь христианскими народами — ассирийцами и армянами. Как бы то ни было, но с точки зрения шафиитских правовых трактовок поражения османской армии являлись, в первую очередь для суннитов, наглядным примером того, как неправедный халиф может быть побежден халифом праведным, который к тому же является приверженцем одной и той же правовой доктрины, объясняющей природу, происхождение и источник власти в стране.

После так называемого «повторного завоевания» Курдистана османской армией в 40-е гг. XIX в. и ликвидации полунезависимой власти местных эмиров проводниками собственно националистической идеологии в среде курдов стали выступать местные шейхи, которые в большинстве своем традиционно принадлежали к шафиитскому мезхебу.

Функциональной мусульманской правовой доктриной в Османской империи был ханафитский мезхеб, в рамках которого главен-

ствовал постулат, что власть на земле исходит от Аллаха и халиф является наместником Всевышнего на земле. Он фактически не интерпретировался официальными ханафитскими богословами, рассматривался как данность, поскольку служил функциональным политическим целям — удержанию власти в империи в рамках единой исламской уммы в руках правящего двора. В рамках же шафритской правовой школы подразумевалось еще и действие некой «общественной воли», которая выступала бы посредником при распределении власти между Всевышним и его наместником.

В этой связи исторический опыт шейха Саида Курди показывает, что это была не только религиозно-философская фигура, но и фигура все-таки политическая, хотя и не столь однозначная. Сам Нурси в республиканский период Турции (во всяком случае, до 1945 г.) старательно дистанцировался от любых форм проявления политической активности. Поскольку в рамках традиции шейхства в Османской империи шейхи и муллы традиционно выступали в роли медиаторов, посредников в различных социальных диспутах и конфликтах, в том числе и между представителями различных мезхебов (течений) в исламе, поэтому их политические взгляды (если таковые вообще имелись) нуждаются в более детальном изучении.

Политические взгляды Саида Курди сформировались в начале XX в. на волне подъема иттихадистского движения и веры в позитивистские науки, т.е. веры, основанной на том, что современная наука и логика ведут в будущее. Будущее является важной философской категорией в его трудах. Не случайно в новой политике «неоосманизма» современной Турции взгляды Курди оказались весьма востребованными. Он был одним из наиболее влиятельных приверженцев «религиозно-просветительского» движения, основанного на вере в то, что именно «умма аль-исламийя» является первой и наиважнейшей категорией национальной самоидентификации мусульман Османской империи.

«Вся жизнь Нурси сопровождалась необычными и опасными событиями. Он воевал на фронте, побывал в русском плену, был депутатом, много путешествовал. Постоянно находился в центре внимания крупных политических деятелей Османской империи,

Турции и других государств. Он обладал феноменальной памятью, знал несколько восточных языков и еще в молодом возрасте получил титул Бедиуззаман, что означает “чудо своего времени”¹. При этом не лишним будет отметить, что и в других источниках, в первую очередь в турецких, все излишне подробные упоминания о феноменальных способностях Саида Курди являются, на наш взгляд, не совсем уместной попыткой современников придать его образу все более и более мессианские черты. При этом можно согласиться и с тем, что адепты Нурджу Саида Курди фактически считают пророком. Вообще, в Турции существуют три принципиальных подхода к писаниям, вышедшим из-под пера Курди. Первый заключается в полном отрицании того, что в этих писаниях есть какое-то рациональное или конструктивное зерно. Эта позиция варьируется от настоячивых поисков признаков сумасшествия в самом авторе до приписывания ему преднамеренного обмана и шарлатанства. Второй — признает в писаниях Нурси большую глубину мысли и удивительное по силе истолкование как Корана, так и основ религиозного мусульманского мышления в целом. Однако эта позиция видит в «Рисале Нур» творение пусть необыкновенного высокого и просветленного, но всё же человеческого ума, принципиально не отличающегося от ума любого смертного, и посему писания эти ограничены человечностью их создателя. И наконец, третий подход, представленный адептами Курди, заключается в том, что человек здесь был не более и не менее, чем орудием воли Всевышнего, благодаря которому через участие человеческой личности было сотворено новое Божественное Откровение. Утверждению этой же цели, по сути, служит, например, и вышедший в 2011 г. в Турции в широкий прокат художественный фильм «Саид Нурси — достойный человек»².

¹ Wikipedia.org

² Указанный фильм участвовал в программе Казанского международного кинофестиваля мусульманского кино (2012), однако под напором общественности он был исключен из нее как «апологетичный и низкохудожественный» // <http://apologet.in.ua/apologetika/totalitarnye-sekty/>

Рассмотрение всего спектра философских взглядов Курди не является задачей настоящей статьи, поэтому мы сосредоточимся на рассмотрении раннего периода деятельности и философских взглядов Курди, на которых явно или неявно отразился кризис гражданской, правовой и национальной идентичности личности в условиях распада Османской империи в конце XIX — начале XX в.

Отцом Саида, по мнению турецкого историка Шерифа Мардина, был влиятельный мулла, которому принадлежал небольшой надел земли¹. Бабушка Курди была родственницей Алишана-паши, местного битлисского землевладельца, родословная которого, по слухам, восходила к самому Пророку. Автор «Рисале Нур» начинал свою деятельность как религиозный просветитель в Курдистане и в Стамбуле.

Получив религиозное образование, будучи толкователем Корана и талантливым оратором, Саид Курди выступал с устными проповедями, и уже на заре его деятельности эти проповеди носили во многом политический характер. Дело в том, что в них нередко присутствовала идея воображаемого государства, основанного на торжестве и симбиозе идей ислама с универсалистскими идеями и науками, которые ведут общество к прогрессу и процветанию путем просвещения масс, т.е. с европейскими цивилизационными ценностями. Эта идея была тесно связана с его концепцией «просветительского джихада», направленного в первую очередь на ликвидацию тотальной неграмотности в курдском этноареале, откуда сам Саид был родом.

Как бы то ни было, к 1908 г. секуляризм достаточно прочно утвердился в сознании младотурок: под воздействием позитивистских научных воззрений и ценностных ориентиров секуляристские взгляды нельзя было исключать из спектра политических воззрений Османской империи как идеологического оправдания единства будущей нации, являющейся свидетелем стремительной потери сакральной власти султана-халифа. Действительно, после младоту-

¹ Mardin S. Religion and Social Change in Modern Turkey: The case of Bediuz-zaman Said Nursi. Istanbul, 1998. P. 45.

рецкого переворота 1908 г. началась активная десекуляризация общественной жизни западной части империи: женщинам было разрешено ходить по улицам с открытыми лицами, а в Стамбуле начали действовать всевозможные увеселительные и питейные заведения, против чего категорически выступали улемы, а также воспитанники религиозных мектебов. Разрыв между «западниками» и клерикалами резко увеличился. В результате революционных изменений в обществе клерикальные элиты вольно или невольно столкнулись с необходимостью пересмотра традиционной идентичности в рамках исламской идеологии единой уммы.

В данный момент сложно прийти к однозначному выводу о том, насколько Курди в этот период был убежденным сторонником и пропагандистом нарождающегося курдского национализма. Действительно, уже в начале XX в. в понятийном багаже этого философа существовало такое понятие, как «Курдистан», которое сосуществовало с осмысленной идеей праведного исламского государства, существующего в свете идеи иттихада (прогресса). Однако, как представляется, в рамках современной ему политической конъюнктуры Саид Курди экстраполировал эту идею то на Османскую империю, то на Курдистан.

После провозглашения Турецкой Республики в 1923 г. Саид, будучи, с одной стороны, яростным противником кемалистского режима, в качестве шейха взял на себя посреднические функции урегулирования межэтнических противоречий — в первую очередь между турками и курдами, поскольку сам был курдом. При этом сам он вообще не признавал легитимность республиканского политического строя, отмену халифата и провозглашение республики. Более того, он считал Мустафу Кемалю «противником Аллаха, появление которого было предсказано еще в древних хадисах»¹.

Но при этом Курди не был и однозначным сторонником той идеи халифата, которая главенствовала на протяжении веков в Османской империи: его политические взгляды сформировались во времена неслыханного для империи революционного подъема, воз-

¹ Karabulut M. *Protestan Kuran*. Istanbul, 2012. P. 26.

никшего не столько в результате краха абдулхамидовской внутренней и внешней политики, сколько (и во многом) на волне нарождающейся идеологии национализма практически всех народов, населявших обширные земли Османской империи. Так, в начале XX в. идеология сторонников партии «Иттихад ве Тераки», пришедших к власти в результате переворота в 1908 г., совмещала в себе идеи ускоренной европеизации Турции, в том числе и в изменении государственного строя, превращении ее в конституционную монархию, но никоим образом не ее десекуляризацию. К слову сказать, единственным сторонником полной десекуляризации Турции был один из «отцов-основателей партии» Абдулла Джевдет, который после разногласий с другими руководителями этого политического кружка, позднее переросшего в мощное политическое движение, покинул его. Что же касается Саида Курди, который достаточно активно поддерживал идеи младотурок на начальном этапе их политической деятельности и, можно сказать, являлся типичным иттихадистом исламского толка, то его идеология несла на себе, как представляется, достаточно ясный отпечаток нарождающегося курдского национального самосознания. Во-первых, он был одним из тех, кто, как и многие младотурки, разуверился в сакральной власти халифа — и в первую очередь в той политической иерархии, которая была организована по принципу «власть от Аллаха», миновавшей интересы народа, к принципу «власть от нации, т.е. от народа» — т.е. к тезису, лежащему в основе любого конституционного политического режима. Но при этом Курди в целом достаточно негативно относился к националистическим идеям младотурок, которые внедрялись путем усиления политики централизма, чему он, как курд, решительно сопротивлялся: «Я был солидарен с иттихадистами в ценностях, но категорически расходился с ними в политических вопросах (“сийясион”»)», — писал он в одном из своих трудов¹. Из доступных источников следует, что в начале XX в. Курди являлся достаточно убежденным сторонником конституционного режима («Мешрутитета»), который ограничивал власть халифа, но не отменял теократи-

¹ <http://www.sorularlasaidnursi.com>

ческий характер всего государства. В этом, возможно, и заключалось главное заблуждение раннего Курди, который еще до революции 1908 г. находился в тесном контакте с иттихадистским комитетом в Салониках. Всячески поддерживая младотурок, он был уверен, что теократия и конституционный режим могут сосуществовать как единая форма государственного устройства; близость к народу и политические проповеди становились для него той новой платформой, с которой традиционный для курдов шейх — посредник всевозможных диспутов в социальной иерархии Турции того времени — делал шаг на пути формирования нового для Турции движения — политического ислама, закладывая основы симбиоза традиционного ислама с идеологией иттихада, конституционного режима и близости к народу, которая становилась для Курди еще и платформой выработки собственно националистической идеологии. Так, в цикле опубликованных в газете «Курдистан» статей, озаглавленных «Социальные рецепты» («Ичтимай речетелер»), обращаясь к курдским носильщикам Стамбула, он писал: «Я работал полтора года с целью распространения знаний и образования в Курдистане... И кто я? Простой сын носильщика»¹. Возможно, это было и образным преувеличением, чтобы привлечь к себе внимание аудитории, тем не менее, в первые же дни после переворота проповеди Курди были очень популярны в среде курдских носильщиков Стамбула. Называя себя «простым сыном носильщика» и стремясь быть ближе к своей пастве, он поражал воображение малообразованных курдов доскональным знанием Корана и Сунны. В первые дни после переворота 1908 г. Курди был одним из наиболее преданных сторонников младотурок среди курдского шейхства. Например, уже через три дня после переворота он выступал на площади Свободы в Салониках, ратуя за османское единство, а также был представлен влиятельным салоницким масоном². Турецкий исследователь Беми Нусрет Кайгусуз отмечает, что иттихадистами еще в самом начале XX в. Саиду Курди отводилась особая роль. Они доверяли ему,

¹ Ozoglu H. Osmanlı Devlet ve kürt milliyetçiliği. Istanbul, 2005. S. 146.

² Kutay C. Bediuzzaman Said Nursi. Istanbul, 1980. S. 168.

в первую очередь как знатоку курдского вопроса, и только потом — как знатоку ислама. Тем не менее, статус шейха и поддержка его со стороны иттихадистских кружков делали его настоящим мусульманским революционным проповедником в глазах многих¹.

Деятельность Курди того периода основывалась в дальнейшем продвижении и развитии взглядов таких исламских религиозных реформаторов, как Джамалетдин аль-Афгани и Мухаммед Абдо, а также Ибн Араби, которых он считал своими предшественниками и учителями². Он свободно говорил на турецком, курдском, арабском и персидском языках. В его образовании и философских взглядах чувствовалось безусловное влияние ордена Накшбандийя, хотя сам он дистанцировался от него. Также сложно говорить и о его статусе шейха в этот период. Скорее всего, он был простым муллой, однако обращение к нему в качестве шейха со стороны курдов добавляло Саиду авторитета и среди турок. Видя основную беду курдов в колоссальной отсталости, Саид настаивал на создании в Курдистане исламского университета, на берегу озера Ван, в котором исламские дисциплины преподавались бы наряду с позитивистскими науками. Он подал соответствующее прошение на имя султана и даже, по слухам, был удостоен личной аудиенции с ним. Однако итогом этой встречи явилось то, что султан отправил Курди в лечебницу для душевнобольных. Возможно, причина заключалась еще и в его нежелании сотрудничать с султанской властью: в период реакции султан иногда пользовался подкупом оппозиционно настроенных к власти шейхов, предлагая им месячные денежные оклады или важные административные посты в иерархии улемов. Однако на Курди перспективы, предложенные властью, не возымели никакого эффекта. То, что его упрятали в больницу для душевнобольных, он назвал попыткой «смыть пятно курдизма» с его мыслей³.

И в Стамбуле, и в Восточной Анатолии, обращаясь к курдам и говоря об их политическом будущем, Курди в форме проповеди не-

¹ Kucuk Y. Aydin Uzerine tezler. Istanbul, 1997. S. 286.

² Ozoglu H. Osmanlı Devlet... S. 108.

³ Kutay C. Bediuzzaman Said Nursi. S. 242.

редко излагал, по сути, политическую программу. Он писал в первом номере газеты курдского клуба «Взаимопомощь и прогресс»: «Есть три ценности, которые жаждут нашей защиты. Это ислам, человеколюбие и нация. И есть три врага, которые противостоят им. Это бедность, невежество и вражда. И есть три средства, при помощи которых мы можем этих врагов победить — это образование, национальное единство и личная инициатива»¹.

Статьи Саида в курдских газетах, несмотря на свои заголовки (например, «Социальные рецепты»), также носили отчетливую печать политической проповеди. Это позволяло двойко трактовать те или иные его пассажи, в которых агитация подавалась под хорошо завуалированным националистическим подтекстом. Во втором номере газеты курдского клуба «Взаимопомощь и прогресс» была напечатана обширная статья Саида «К чему стремятся курды?»². Она настолько двусмысленна в понимании истинных намерений Курди как национального агитатора, что позволяет в этот период говорить о нем, скорее, как о политическом лидере пусть не с явной, но все же декларируемой политической программой. Он пишет: «Я пришел к выводу о существовании двух отправных точек, исходя из которых мы можем говорить о будущем курдов. Первой точкой является национальное единство (подразумевая, видимо, единство всех исламских элементов нации. — *К. В.*), а вторая точка — это овладение достижениями современности и их анализ с позиций ислама. Служба в аширетных войсках, т.е. армейская служба — это электричество, которое держит нацию в единстве. Те из племенных курдов, кто не служит в армии, также обязаны служить там, потому что только так, службой в армии, созданной из разных племен, создается национальное единство. Таким образом, скоро произойдет химическая реакция, объединяющая нас в единый организм и, под

¹ Ibid. S. 109.

² Текст статьи является переводом с турецкого, выполненным современным курдским исследователем М. Бозарсланом с репринтного издания статей указанной газеты (Источник: Bozarslan M. Kurt Teavun ve Terakki Gazetesi. Stockholm / б.г./ S. 120).

воздействием наших воззрений, приведет нас к истинным ценностям под светом знаний и просвещения, чтобы возродить внутренний источник, который будет питать изнутри жизненную силу курдов... Постылый кочевой образ жизни, нетерпимость, отсутствие власти, а также нужда и несправие — все это является результатом гнёта центральной власти. Это вынуждает нас обращаться к ней с вопросом о причинах таких бедствий. Однако в ответ мы получаем лишь пощечину»¹.

Курди видел основную причину и необходимость такой мобилизации в колоссальной отсталости курдов по сравнению с другими миллетами Османской империи. В частности, он считал, что курды не смогли воспользоваться плодами технического прогресса ввиду недоверия ко всему иностранному. При этом Саид призывал курдов следовать не принципу копирования исламской традиции, а личного ее осмысления, в то время как система образования в медресе закладывает основу именно для такого поверхностного отношения и подхода².

Критикуя позитивистский подход к определению понятия нации по этноконфессиональному признаку, Курди писал: «Сложно сказать точно, кто и откуда происходит. На протяжении столетий черкесы, албанцы, боснийцы, курды, грузины смешивались друг с другом путем принятия ислама или путем межэтнических браков. Поэтому сторонники чистоты той или иной расы никогда не смогут найти здесь точных подтверждений своих теорий»³.

В своих «открытых письмах» («Мектубат») он нередко упоминал, что совесть заставляла его писать и говорить только то, во что он искренне верил. Так, с 1909 г. перейдя в оппозицию младотуркам, он стал печататься в газете «Вулкан», которую на английские деньги издавал влиятельный дервиш Вахдети, став, по сути, одним из духовных руководителей антиреволюционного «клерикального мятежа» 31 марта 1909 г. Идея превосходства ислама над другими

¹ Bozarslan M. Kurt Teavun ve Terakki Gazetesi. S. 120.

² Kutlay N. Ittihat ve Terakki ve Kurtler. Istanbul, 2010. S. 159.

³ Цит по: Ibid. S. 155.

религиями — одна из особенностей политических взглядов Саида, и это проявилось в его проповедях, с которыми он выступал на фрон-тах Первой мировой войны. Ему принадлежит высказывание: «Только ислам в условиях войны может спасти нас. Отвергающий ислам не достоин милости и блага, также он заслуживает наказания и с никакой стороны не заслуживает проявления милости»¹.

При этом видно, что в ранних проповедях Саида важный акцент делался на необходимости армейской службы. Возможно, что наглядный опыт обеспечения национального единства на армейских штыках (т.е. младотурецкий переворот) был для него в этот период вполне очевиден и показателен. Об этом он прямо говорит в одной своей статье: «Смысл моей проповеди сводится к тому, что аширет-ные полки являются цементирующей основой крепости нации, сплотившейся вокруг Дворца (т.е. правящей династии. — *К. В.*), воплощающей источник такого единения и союза». Особенно примечательно в этой связи сравнение Курди, которое очевидным и парадоксальным образом сближает его с позитивистами вроде Абдуллы Джевдета — это сравнение нации с «огромной промышленной фабрикой», которая работает по своим естественным законам. И если способное правительство, основываясь на военной силе, создаст наглядный пример такого порядка, то это и будет являться, по его словам, «тем, чего мы все ищем»².

Смысл этой статьи Саида можно трактовать двояко. Текст написан в сентябре 1908 г., через два месяца после младотурецкого переворота, и, с одной стороны, он дает младотуркам карт-бланш на формирование нации как примера такого единения и союза. С другой стороны, в этой статье, не исключено, что Курди излагает и свое видение основы будущей курдской нации, поскольку настойчиво упоминает аширетные полки в качестве важной армейской опоры (слово «хамидийе» сразу вышло из моды после переворота).

Практически все курдские агитаторы стремились к тому, чтобы сделать Курди своим главным идейным союзником. В 1908 г. изда-

¹ <http://www.risaleinur.com.tr/risaleler/russian/ptvd.htm>

² Kutlay N. Ittihat ve Terakki... S. 103.

тельство Абдуллы Джевдета опубликовало сборник его выступлений. Смысл большинства из них сводился к призывам равенства между турками и курдами в едином османском государстве. В газете Курдского клуба им были опубликованы несколько важных для понимания его политических взглядов статей. Например, статья «К курдскому народу», в которой Саид ратовал за просвещение курдов.

После разрыва большинства курдских националистических элит с младотурками Курди был замечен и в антитурецкой агитации. Английский востоковед Д. Макдоуэлл приводит сведения о том, что сразу после подавления мятежа 1909 г. Саид Курди отправился с проповедью в Восточную Анатолию, и, высказывая на словах лояльность младотурецкому режиму, призывал курдов к объединению: «Курдистан принадлежит курдам и армянам, но не туркам», союз с армянами — наша главная задача. Любовь — неотделимая черта такого союза», — говорил он на одном из митингов¹.

Однако целый ряд других источников, в первую очередь турецких, утверждают, что Курди никогда не был сецессионистом, то есть сторонником создания независимого Курдистана². Об этом пишет, например, турецкий писатель Раиф Онган, который не раз был свидетелем выступлений Саида Курди, когда тот уверял паству, что курды не требуют отделения и создания независимого государства.

С другой стороны, во времена республиканской Турции, особенно после переворота 1962 г., когда могила Курди в Урфе была вскрыта, а останки вывезены в неизвестном направлении, тщательно замалчивалось, что шейх во времена Ататюрка был не только оппозиционным религиозным философом и проповедником, но — вольно или невольно — ключевой фигурой стремительно поднимавшего голову курдского национализма, поскольку статус шейха-медиатора подразумевал и его участие во всевозможных межнациональных диспутах и трениях, весьма характерных для Турции в пе-

¹ McDowall. A Modern History of Kurds. L., 2004. P. 98.

² Ozoglu H. Osmanlı Devlet... S. 114.

риод падения власти султана и утверждения республиканского строя.

В одном из своих писем к оппозиционно настроенному по отношению к младотуркам принцу Сабахатину — политическому деятелю, выступавшему за политическую децентрализацию Османской империи, Курди писал, что выступает против создания в империи так называемых «национальных клубов» — своеобразных культурно-просветительских объединений, так как уверен, что в случае усиления центробежных тенденций в империи они — первый шаг к автономии, а затем и к отделению от Османской империи ее национальных окраин. С другой стороны, он принимал активное участие в создании курдских просветительских организаций, таких, например, как Общество распространения образования, Общество возрождения Курдистана, которые затем, независимо от воли Саида, переросли в достаточно влиятельные национальные организации курдов.

Идея национализма во взглядах Курди все чаще была сопряжена с идеей всемусульманского единства. Однако при этом он уже в более поздние годы отмечал особую роль своего основного труда «Рисале Нур», которую тот должен сыграть для «возрождения Восточных вилайетов благодаря алимам и шейхам, которые не знают ни турецкого, ни арабского языка». При этом, как религиозный философ, он никогда не абстрагировался от исламского контекста своих взглядов, называя умму главным «инструментом» национальной идентификации правоверных. Причину межнациональных распрей и конфликтов Курди видел в отказе от принципа общего мусульманского общегития, возвращением к времени неведения, «доисламскому варварству» («асабийет-и джахилийе»), которому был положен конец словами Пророка, провозгласившего единство исламской уммы.

В условиях распада Османской империи основой взглядов Курди являлся поиск исламского дискурса к подходам и трактовкам тех социальных проблем, которые со всей очевидностью превращали османское общество в то самое «асабийет-и джахилийе», обозначавшее, в его представлениях, торжество варварства и распрей ме-

жду различными «кавидами» и «миллетами» (народностями и народами) империи. Считая Аллаха творцом всего сущего, Курди апеллировал к необходимости руководства теми законами, которые были заложены самим Творцом в систему общественных отношений. При этом сущность виртуозного трактователя слов Аллаха и его идеи просветительства и сподвижничества в среде курдов уживались в нем воедино.

Как уже отмечалось, сам Курди не являлся членом ордена Накшбандийя, но был тесно связан с представителями влиятельных дервишских *текке* Мукус и Арвас. Арвасское *текке* из провинции Ван опекало и поддерживало философа, что обеспечивало ему покровительство со стороны других влиятельных приверженцев Накшбандийя, таких, например, как род Шемдинан, и это, безусловно, идеологически связывало Курди с влиятельным курдским шейхом и активистом Абдулькадыром из рода Шемдинан, сыном шейха Обейдуллы, поднявшего в свое время (в 1880 г.) восстание за создание независимого Курдистана как реакцию на поднимавший голову армянский национализм. И если Абдулькадыр, как и его отец, был убежденным сторонником автономии курдов, то же самое о Саиде Курди сказать однозначно было нельзя. Саид проповедовал духовную автономию курдов в рамках единой «курдо-турецкой» или, согласно мнению Макдоуэлла, еще и «курдо-армянской» уммы; Абдулькадыр же был сторонником полной политической автономии курдов, и это стало особо акцентироваться им после разрыва с младотурками в 1909 г.

После переворота 1908 г. Курди одно время выступал за автономию диярбакирского вилайета в союзе с «Мусульманской лигой», принимавшей самое активное участие во внутривластительской жизни страны, а через полгода ставшей движущей силой контрреволюционного мятежа. В марте 1909 г. он принял активное участие в создании партии «Прогресс Мухаммеда», которая на самом деле была религиозным ответвлением движения либералов «Ахрар». В этот же период оппозиционно настроенный младотуркам Курди активно печатался в газете «Вулкан», о которой упоминалось выше.

Столь же часто он выступал со статьями и в газете курдского клуба «Взаимопомощь и прогресс», уделяя особое внимание вопросам просвещения и преподавания на курдском языке. Он писал: «Те, кто живут на Востоке, являются важным элементом империи. В Анатолии было открыто несколько современных школ, но учиться в них могут только те, кто знает турецкий язык. С целью преодоления такой ситуации правительству необходимо открыть современные школы в Анатолии, в которых начальное преподавание велось бы на местных языках. Такие школы должны стать основой общенационального образования, а общее образование станет основой национальной интеграции. Благодаря этому те, кто живет на Востоке, станут интегрированной частью нашего Отечества»¹.

Взгляды Курди постепенно трансформировали его в сторонника плюралистического ислама, в котором допускалось бы существование разнополярных мнений, а необходимость модернизации ислама соседствовала в его убеждениях и с необходимостью модернизации курдов, приобщению их к плодам современного прогресса. За неделю до переворота 1908 г. Курди направил султану еще одно прошение о необходимости расширения образования в Курдистане и направления туда учителей, говорящих по-курдски. Курди обращал внимание Абдулхамида II на недостаток преподавательских кадров, говорящих на родном языке, что, по его мнению, являлось препятствием для воспитания в курдах лояльности Османской империи и превращения их в полноправных граждан османского общества. Он также настаивал, что преподавание в медресе должно осуществляться параллельно с преподаванием позитивистских наук, требовал открытия в Восточной Анатолии университета с преподаванием на курдском языке. Курди писал: «Я видел удручающее состояние племен на востоке империи. Всем известно, что судьба полукочевых граждан империи целиком находится в руках улемов. И

¹ Karpat K. The politisation of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith and Community in the Late Ottoman Empire. L., 2001. P. 319.

именно поэтому я решил обратиться в столицу, чтобы положить конец этому бесправию»¹.

Сразу после провозглашения конституции Саид Курди, обращаясь к курдам, писал: «Конституция является символом нашего истинного освобождения. Она способствует нашему возвышению и развитию. Работайте же над ее укреплением, боритесь за нее, потому что Конституция — это источник нашего повседневного земного счастья»². Как видно выше, в проповедях Курди в этот период символика иттихада — прогресс и конституция — приобретала зачастую мессианский характер, т. е. конституция представляется ему некой панацеей, спасением от удручающего социального и культурного положения курдов. Пользуясь исламской риторикой, Курди заклинал свою паству, утверждая через проповеди спасительность идеи конституции и конституционного режима.

Как уже отмечалось, в первые дни после переворота 1908 г. Курди тесно сотрудничал с иттихадистами. Есть сведения, что первая встреча Талаата-паши и Курди произошла в Салониках, когда шейх был принят в доме у местного масона Рефика Маньяси-заде³. Однако уже через год Курди резко разошелся во взглядах с иттихадистами, когда станет свидетелем того, что надежды на единение империи так и не оправдались. Настаивая на исключительности ислама перед другими религиями, он также еще утверждал, что «привязан к семи обществам: и первое общество — курдское. Я крепко связан с этим священным именем»⁴. Притом что взгляды Курди, относящиеся к младотурецкому периоду, достаточно разрознены и противоречивы, они явно свидетельствуют о существовании трех основных ценностных категорий, имевших для него первоочередное значение: исламизм, национальное единство и курдизм. Поэтому не случайно, что его имя нередко упоминается в числе основных

¹ Ozoglu H. Osmanlı Devlet... S. 114.

² Kutlay N. Ittihat ve Terakki... S. 271.

³ http://www.halksahnesi.org/incelemler/jonturkler_jonkurtler/jonturkler_jonkurtler2.htm

⁴ Kutlay N. Ittihat ve Terakki... S. 156.

заговорщиков антимладотурецкого мятежа 31 марта 1909 г. наряду с представителями таких различных политических течений, как «либеральный» принц Сабахаттин, курдский националист Рыфат Мевлян-заде и религиозный дервиш Вахдети. Это же не помешало ему в 1916 г. стать сотрудником (скорее всего, агитатором) созданной по приказу Талаат-паши в 1915 г. первой турецкой спецслужбы («Тешкиляты махсуса»), в основном — с целью проведения религиозной агитации, мобилизации в курдской среде и противодействия иностранной интервенции. С другой стороны, националистические устремления Курди позднее вывели его на авансцену политической борьбы за независимость Курдистана: в 1918 г. он стал одним из активистов Общества возрождения Курдистана («Курдистан Теали Джемиyeti»), которое объединило наиболее активных курдских политиков, выступавших за предоставление широких прав курдам, вплоть до полной независимости. До этого Курди активно сотрудничал с созданным на волне младотурецкой революции «Курдским обществом взаимопомощи и прогресса», а также принял участие в создании в 1913 г. Курдского общества распространения образования. Трагуня исламский подход к таким новым вызовам османской истории, как национализм, он никогда не дистанцировался от курдского народа, принимая непосредственное участие в создании первых крупных просветительно-националистических организаций, оставивших заметный след в становлении курдского национализма в Турции.

Как уже отмечалось, с 1915 г. он был активным сотрудником турецких спецслужб и выступал за сопротивление «русскому экспансионизму» на востоке Турции, призывая курдов в качестве добровольцев на фронты Первой мировой войны. Позже в своих письмах исламский богослов порой нелестно отзывался о Советской России, называя русских «большевиками и безбожниками». Неприязнь к советской идеологии заставила его уже на склоне лет активно ратовать за участие Турции в корейской войне с целью противодействия «глобальному идеологическому экспансионизму коммунистов». Известно, что во время Первой мировой войны Курди три года провел в русском плену под Костромой и, по рассказам оче-

видцев, смог убедить русских военных в том, что он не военнопленный, а богослов и потому не подлежит насильственному задержанию. Несмотря на трехлетнее пребывание Курди в русском плену, ему удалось сохранить связи и, особенно, влияние в курдской среде, а также среди турецких клерикалов. Тот факт, что Саиду удалось убедить русских в своей невинности (по другим источникам, он просто сбежал из русского плена), добавило ему авторитета как посредника и медиатора во время различных диспутов и конфликтов, в том числе и с представителями других религий и культур.

Здесь нужно учитывать, что на протяжении весьма недолгого периода пребывания младотурок у власти (1908–1914) взгляды Курди менялись порой на диаметрально противоположные. Сам себя он считал в первую очередь османистом, консерватором, однако при этом никогда не отрицал свой курдизм, т. е. в рамках единой исламской уммы оставлял за собой право не признавать себя турком, о чем настаивала официальная идеология кемалистского режима, насаждавшая тезис о том, что все граждане страны являются турками независимо от их этнического происхождения. Принадлежность к курдской культуре Саидом Курди никогда не отрицалась. Разрыв же с младотурками и кемалистами на почве национализма и секуляризма последних он комментировал с позиций достоинства любого курдского шейха: «Это не я отделился от них, а они от меня отделились».

Несмотря на то, что Курди отделился от политики в республиканский период, среди турецких офицеров у него было несколько преданных сторонников, таких, например, как Хулуси Яхьягиль — старший офицер, участвовавший в карательных операциях против дерсимских курдов в 1938 г. Благодаря ему шейху удалось предотвратить резню в нескольких дерсимских деревнях, населенных курдами. Поскольку в среде турецкого офицерства были сторонники Курди, в 1937 г. ему стало известно, что турецким генералитетом был отдан приказ о «тотальном усмирении» Дерсима, что, по тогдашним временам, имело все основания трактоваться как тотальное уничтожение населения Дерсима. Благодаря посланным Курди

предупреждениям часть населения подлежащих уничтожению деревень ушла в горы¹. Однако при этом Курди отказывался поддерживать как вооруженное выступление курдов под руководством шейха Саида против центральной власти в 1925 г., так и в 1937 г. — при подавлении Анкарой курдов из дерсимского анклава, фактически не признававших легитимность кемалистского режима. Подобное взаимодействие власти и повстанцев через религиозных авторитетов не приветствовалось: Курди несколько раз отправляли в ссылку в Центральную Анатолию — подальше от курдов и, в частности, от поддерживавшего его арвасского текке из Вана. Однако для многих националистически настроенных курдов, участников восстаний того периода, авторитет Курди был достаточно высок — они нередко обращались к нему как к «своему» шейху-посреднику, т.е. как к курду.

Курди признавал правоту действий шейха Саида, когда тот выступил в 1925 г. под знаменем восстановления шариата, но не принимал личного участия в восстании, и поэтому после его подавления был признан невиновным. Позднее в своих письмах он признавал, что шейх Саид «безусловно, после своей смерти попал в рай, поскольку был мучеником (шахидом)». Отказываясь признавать легитимность существующего «антирелигиозного» режима Мустафы Кемала — режима, который к тому же демонстрировал тенденции к полной ассимиляции курдов в едином «котле» турецкой нации, Курди был отправлен в изгнание — сначала в Ван, где находились сторонники из его текке, а затем — в Кастамону и Ыспарту с целью пресечь возможность общаться с проживавшими в Восточной Анатолии курдами. Примечательно, что курды-алевиты также признавали авторитет Нурси как шейха, несмотря на то, что он был суннитом.

Видный российский курдовед М. С. Лазарев в одной из своих работ приводит свидетельства того, что в мае 1935 г. возникли волнения среди переселенных курдов, как суннитов, так и алевитов, в районах Ыспарты, Кастамону, Муглы, Айдына. Во главе этого вы-

¹ <http://www.yeniaktuel.com.tr/tur105,178@2100.html>

ступления и был поставлен (или встал по собственной воле) Саид Курди. Примечательно, что среди выступавших были как сунниты, так и алевиты, а основной мобилизующей силой, таким образом, явилась их курдская идентичность, против которой и была направлена ассимиляционная политика Анкары. Именно арест Курди в Муше в июле 1935 г. спровоцировал восстание, в результате которого были убит каймакам. Как отмечает М. С. Лазарев, в действительности в этом выступлении проявился не только религиозный, но и национальный протест курдов против произвола властей, ведь курды-несунниты традиционно подвергались в Турции двойной дискриминации и преследованиям¹.

Как справедливо отмечает голландский исследователь Мартин ван Брюиннессен, дерсимское выступление 1937–1938 гг. не было алевитским по своей сути, хотя формально и проходило под знаменем алевизма. Это было достаточно осознанное национальное выступление курдов, на что Курди, ввиду исламистского мировоззрения, еще не был в состоянии обратить внимание — а именно на то, что это было выступление на почве национальной солидарности. Тот факт, что Курди, как шейх, являлся знаменем выступления курдских суннитов и алевитов, говорит о серьезной трансформации этой фигуры из религиозного в национального если и не лидера, то ведущего авторитета.

Однако этой возможностью он не воспользовался: современники свидетельствуют, что, работая над «Рисале Нур», Курди старательно дистанцировался от своей курдской идентичности, настаивая на том, что единственным национальным признаком для него является ислам. Именно этот аспект его деятельности, а не достаточно активная роль посредника в межконфессиональных и межэтнических спорах, а также поддержка до определенного периода курдского национализма явились основой того, что современные исламские демократы Турции сделали Курди своим знаменем. Достаточно сказать, что оппозиционная кемалистам Демократическая партия поль-

¹ Лазарев М. С. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945). М., 2005. С. 173.

зовалась поддержкой Курди и после ее победы на выборах в меджлис в 1945 г. Курди выступил на сей раз за восстановление исламских ценностей в турецком государстве и активно поддержал пришедших к власти (правда, ненадолго) оппозиционеров в лице ДП, сделавших ставку на привлечение в политику клерикальных элит, которые были долгое время отстранены от участия в активной политической жизни страны.

В целом политические взгляды Курди формировались на фоне колоссального мировоззренческого разлома, непосредственным результатом и отображением которого являлась младотурецкая буржуазная революция, обозначившая новые политические парадигмы, основанные на противопоставлении политических ценностей, таких как «исланизм — секуляризм» и «туркизм — курдизм». Примечательно и то, что армянский национализм в Османской империи не исключался Курди из этой парадигмы — здесь достаточно вспомнить его апелляцию к созданию «курдо-армянской уммы», подразумевавшей взаимосуществование курдов и армян в границах единого государства. Однако как будет называться это государство — Курдистан, Османская империя, Армения или Турция — для него в той исторической перспективе не являлось определяющей категорией. Тем не менее все его «социальные рецепты» и универсалистские призывы в тех исторических условиях терпели крах: проповеди шейха не смогли предотвратить резню армян, притом что благодаря его же агитации в военные действия на фронтах Восточной Анатолии было вовлечено немало курдов, которые воспринимали политику геноцида как приказ в условиях военного времени. Не смогли все усилия Курди и удержать от развала и саму Османскую империю. Крах его политических взглядов привел к тому, что Курди дистанцировался от участия в политической жизни республиканской Турции и, как уже говорилось, имя шейха приобрело политическую значимость только в 1945 г., когда оппозиционная кемалистам Демократическая партия Турции сделала ставку на клерикально настроенный электорат и ненадолго пришла к власти. Между тем, при всех его заслугах как влиятельного богослова и толкователя Корана и Сунны, нельзя недооценивать его роль и как курдского

просветителя, ставшего своеобразной «лакмусовой бумажкой» кризиса национальной идентичности жителей Османской империи, пытавшемся по-своему найти пути национального единения турок и курдов в свете спасительной, с его точки зрения, для государственной целостности идеи общей исламской идентичности и религиозного братства.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ И ЯЗЫКОВОМ САМОСОЗНАНИИ И САМОНАЗВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ КУРДОВ

Этнолингвистическая ситуация в современном Курдистане, объективно отражающая всю сложность происходящих в этой стране этнических, языковых и религиозных процессов, теснейшим образом связанных с социально-политическими проблемами, еще недостаточно изучена.

В настоящей статье, исходя из значимости языкового фактора, жизненно важного при определении единства этноса (его территории, духовной и культурной жизни), мы затронем и проблему диалектного состава курдского языка, так или иначе связанного с разными аспектами его развития.

Накопленный нами на протяжении многих лет работы диалектологический материал свидетельствует о сложнейших процессах взаимодействия, взаимовлияния этнического, языкового и религиозного самосознания, что находит отражение не только в названиях диалектов, но и в самоназвании носителей тех или иных диалектов. Как свидетельствуют материалы, возможны следующие варианты наименований диалектов, представленные в научной литературе¹.

1. Наименование диалекта совпадает с названием племени: мукри, аврамани, джафи, горани², файли, димли и др.

2. Наименование диалекта совпадает с названием географии его распространения: ботани, хаккари, сулеймани, аврамани, сыннаи, керманшахи и др.

¹ Некоторые сведения получены нами от носителей разных диалектов во время поездки в 2004 г. в Иракский Курдистан.

² Горани — помимо названия племени означает «крестьянин» (курд. *dênişîn*).

Следует заметить, что в специальной литературе существует точка зрения, согласно которой границы нынешних курдских диалектов совпадают с границами прежних курдских эмиратов (княжеств) и других феодальных владений. Однако подобное совпадение на данном этапе развития курдского этноса не всегда имеет место.

3. Название диалекта совпадает с названием племени и с географией его распространения. Так, название диалекта аврами (хаурами) / аврамани (хаурамани), имеющего распространение в области Авраман (Иран), означает и название племени.

4. Название диалекта совпадает с самоназванием. К примеру, часть курдов, говорящих на северном диалекте курманджи, нередко называют себя курманджами.

5. Наименование диалекта совпадает с названием конфессии, которое одновременно является и самоназванием. Прежде всего это относится к курдам-езидам, говорящим на упомянутом выше диалекте курманджи. По мнению специалистов, именно езидизм, исповедовавшийся большей частью курдов до их приобщения к исламу, на протяжении многих столетий выступал фактором, определяющим их принадлежность к курдскому этносу. Приверженцы езидизма, число которых, по неточным данным зарубежной статистики, составляет около 500 тысяч человек¹, нередко называют себя *езидами* (курд. *эзди*), а свой язык *езидским* (*эздики*), подобно тому как часть современных дерсимских курдов (Турецкий Курдистан) называют себя *алави* (*алавиты*), а живущие в приграничных районах Иранского и Иракского Курдистана сторонники другого древнего верования, известного как ахл-и хакк («люди истины»), называют себя «*ахл-и хакк*» или еще — «*какаи*», что в переводе на русский означает «братство»². В Иране последователей религии ахл-и хакк называют также «*курдбаче*» («курдские дети») или *хурускуш*

¹ Курды-езиды проживают в современном Ираке, Турции, Сирии и на Кавказе [см.: Рашад Сабри Рашид, 2004. С. 62; Минорский, 1915. С. 25; Никитин, 1964. С. 325].

² Какаи — самоназвание последователей религии ахл-и хакк в Ираке.

(«убивающие петухов»), т.е. приносящие в жертву петухов [Жуковский, 1888; Рашад Сабри Рашид, 2004. С. 113].

Можно полагать, что приверженцы названных верований тем самым противопоставляют себя официальному исламу, а в случае с езидами — выражают и свою этническую принадлежность, поскольку езидами, как известно, могут быть только курды. Поэтому курд-езид на вопрос о его национальной принадлежности может ответить, что он «езид», тогда как курд-мусульманин на тот же вопрос назовет себя курдом. Иначе говоря, налицо деление на «своих» и «чужих» по религиозному, но не этническому признаку, как это пытаются представить некоторые современные авторы. И хотя на данном этапе развития курдского общества этническое самосознание превалирует над сознанием религиозным, тем не менее самоназвание по конфессиональной принадлежности все еще сохраняется, что можно понять, учитывая те исторические, социально-политические и этнокультурные условия, в которых волею судеб пребывал курдский этнос, веками подвергавшийся культурной и этнической ассимиляции, и, наконец, просто физическому истреблению.

В связи с вышеизложенным хотелось бы сказать еще об одном малоизвестном курдском племени *халадж*/*халладж*/*халач*, название которого, как нам представляется, связано с его приверженностью к мусульманскому толку, секте «*халаджия*», следы которой, по данным В. Никитина «теряются в V веке хиджры» [Никитин, 1964. С. 324]. Известно, что в специальной литературе одни авторы характеризуют *халаджей* как тюркоязычную народность, происхождение которой не совсем ясно [Левитская, 1998. С. 568]; другие считают их ираноязычными, близкими к курдским племенам [Диттель. С. 9; Лерх, 1856. С. 71; Вильчевский, 1945. С. 26]. Из иранистических исследований по *халаджам* и их языку заслуживает внимания работа М. Мамедова (*халаджа* — уроженца Азербайджана), содержащая не только лингвистическую характеристику диалекта, но и социально-этнические аспекты его носителей [Мамедов, 1973]. Этому автору принадлежит еще одна работа, посвященная сравни-

тельному описанию языка халаджей и диалекта сорани — современного литературного языка курдов Ирака [Мамедов, 1984].

Основываясь на личных полевых материалах, М. Мамедов указывает на то, что сами халаджи называют себя «*халадж*», а свой язык — «*зован-и халадж*» («халаджский язык»). По его же данным, ираноязычные *халаджи* компактной массой проживают на берегу Каспийского моря в селе Шахагадж Астаринского района Азербайджанской ССР, а также в Иране — в селах Биджарабан, Сибили, Вурмани. Характеризуя язык халаджей, автор справедливо отмечает, что он имеет большое сходство с южнокурдским диалектом сорани. Об этнической близости халаджей к курдским племенам свидетельствует не только языковой, но и приведенный М. Мамедовым этнографический материал, включающий их обряды, обычаи и религиозные верования, где господствуют предписания секты Давуди¹. К сказанному добавим некоторые сведения из названной выше книги В. Никитина, свидетельствующие о связях халаджей с курдами-езидами. Ссылаясь на французского востоковеда Рожера Леско, занимавшегося верованиями езидов, В. Никитин пишет: «Езиды верят в единого бога, отдающего земные дела своим помощникам, семи ангелам; ... среди этих ангелов (состав которых время от времени меняется) встречается имя шейха Мансура эль-Халладжа». Следовательно, заключает он, «имелись, вероятно точки соприкосновения между мусульманскими мистиками и сектой езидов» [Никитин, 1964. С. 327]. Другие источники свидетельствуют о том, что в Лалеше (главная святыня езидов в Иракском Курдистане) «среди многих построек в честь езидских святых есть святыня и Халладжу, имя которого наряду с другими мусульманскими мистиками, аскетами и суфиями заняло свое место в пестром культовом пантеоне езидов» [Джалил, 1989. С. 11]. Это подтверждается и данными курдского фольклора, где бытует поэма о казни Хусейна Халладжа ибн Мансура, текст которой приводится в названной выше публикации Дж. Джалила. Из его статьи следует, что среди последовате-

¹ Давуди — название немногочисленной религиозной секты у курдов северо-западного Ирака [см.: Мамедов, 1973. С. 5].

лей учения Халладжа, имевшего распространение в Персии, Средней Азии, Индии, было и курдское племя, проживавшее в северных от г. Мосула районах. Известно также, что около пяти лет Хусейн Халладж проповедовал в городах и селах Хорасана, всегда склонного к противоборству с официальной религией. Возможно, и в этом случае имеет место самоназвание «халадж» (по конфессиональной принадлежности), в свою очередь перенесенное на название языка — «зован-и халадж».

6. Помимо самоназвания и названия своего диалекта по религиозной принадлежности или по наименованию племени, в Курдистане бытуют названия, которые даются носителями одних диалектов и конфессий — другим носителям, т. е. названия со стороны (иноназвание). Так, для курдов-курманджи в диалекте заза имеются названия «кырдаси», «кырдашки», употребляемые и как этнонимы курдов-курманджи, и как обозначение диалекта курманджи [Смирнова, Эйюби, 1998. С. 6]. Свой диалект курды-заза называют также «хормаки», «лолки», «зазаки», «дымыли» («думыли»), «дымылки»¹, — по названиям племени, а также — «кырманджки» и «кырдики» — как объединяющий весь курдский язык. Носители диалекта заза имеют племенные названия «дымыль», «дымыли», «думыли», а также «кырмандж» и «кырди», как объединяющий всех курдов [Там же. С. 6]. Кроме того, по данным одного из носителей заза, зазасунниты называют заза-алавитов «чараки», а заза-алавиты называют заза-суннитов «дымылж».

7. Наименование диалекта как формы литературного языка. Многовековая курдская литература, прошедшая сложный и во многом уникальный путь развития, создавалась и создается на разных диалектах курдского языка, что во многом обусловлено социально-историческими и политическими условиями консолидации языка в выработке единой литературной формы. Поэтому в разных частях Курдистана (и в разные периоды его истории) статус литературного языка имели, в частности, такие крупные диалекты, как «курманд-

¹ В историографических сочинениях по курдам встречается также название «думбули» [см.: Васильева, 1967. С. 603; Папазян, 1975. С. 209–224].

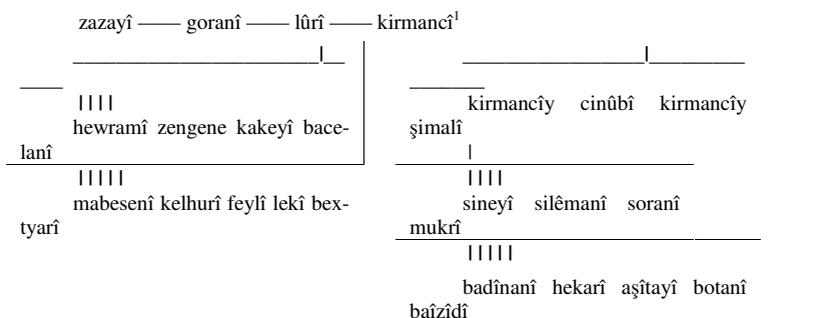
жи» (на основе ботанского диалекта — «ботани»), «горани» (на основе диалекта аврамани) и «сорани» (на базе сулейманийского диалекта). На современном этапе наиболее активно развивающимися формами курдского литературного языка выступают диалекты «курманджи» и «сорани», вокруг которых группируются соответственно северные и южные диалекты.

Такова в самых общих чертах характеристика названий курдских диалектов, тесно переплетающихся в сознании их носителей с племенными и географическими названиями, с одной стороны, и с названиями верований — с другой.

Подобная этноязыковая ситуация наряду с недостаточной изученностью ряда диалектов привела при их классификации к терминологической путанице и к искажению диалектологической карты курдского языка. Проблема осложнена и тем, что в специальной литературе (преимущественно западной) бытуют разного рода «теории», отторгающие от курдского языка ряд крупных диалектов (горани, аврамани, заза, лури) и, как следствие, отрицающие не только языковое, но и этническое единство курдов [Маккензи, 1963; Mackenzie, 1966; Bruinessen, 1992; McDowall, 1996; Hasanpoor, 1999; Пирейко, 1997; Цаболов, 1997].

Ниже приводятся три классификации курдских диалектов, наглядно демонстрирующие изложенное выше.

Классификация курдских диалектов по Т. Вахби



Классификация курдских диалектов по Д. Н. Маккензи

(Заза)	Диярбакыр Бохтан Синджар	Баязид Хакяри Бахдинан	Северные
	Соран	Мукри	Центральные
	Сулеймания	Арделан (Хаурами)	
	Зангана	(Гурани) Керманшах Лакки	Южные

¹ При транскрибировании курдского текста нами использован принятый в отечественном курдоведении латинский алфавит.

Классификация курдских диалектов по М. Халу

1. Zazaî

2. [Северный курманджи]: botanî, behdînanî, hekkarî, bazîdî, şemdînî.

3. [Центральный курманджи]: soranî, babanî, mûkrîanî, erdelanî, kelhorî, goranî.

4. Лури: bextîarî, lekî, feylî.

Как видим, по Схеме 1, предложенной известным курдским ученым Т. Вахби (Ирак), объездившим весь Курдистан и долгие годы изучавшим наречия и диалекты курдского языка, выделяются четыре основные диалектные группы (определяемые то по географическому признаку, то по названию племени): 1) курманджи; 2) лури; 3) горани; 4) зазаи [Курдоев, 1978. С. 12].

Согласно классификации британского ираниста Д. М. Маккензи (Схема 2), курдские диалекты (с учетом географического фактора) делятся на три группы: северные, центральные и южные, из состава которых исключены диалекты заза, горани, аврамани и лури¹ [Маккензи, 1963].

Классификация автора трехтомного курдского толкового словаря М. Хала (схема 3) отличается от предыдущей иным группированием диалектов².

В трудах российских курдоведов, всесторонне исследовавших курдские диалекты, которые делятся ими на две основные группы — северную и южную, дана научная аргументация о неправомерности отторжения указанных диалектов от курдского языка [Юсупова, 1985, 1998, 2000; Смирнова, Эйюби, 1998, 1999]. Среди этих трудов следует особо отметить совместную монографию пе-

¹ Лурские диалекты еще мало исследованы.

² Предлагаемые курдскими учеными другие классификации также различаются группированием и названиями по разным признакам [Юсупова, 1985. С. 10–11].

тербургских курдоведов И. А. Смирновой и К. Р. Эйюби [Смирнова, Эйюби, 1999], в которой на материале обеих диалектных групп проведено исследование курдского языка в синхронно-историческом аспектах, позволившее и сделать вывод о том, что «при всем многообразии курдских диалектов и их различиях, они имеют общую основу иранского происхождения, совпадающие между собой черты которой сохраняются во всех диалектах по настоящее время и являются материальной базой существования курдского языка, а также его восприятия самими курдами как единого целого» [Смирнова, 1999. С. 8]. Здесь надо сказать, что еще в начале прошлого столетия выдающийся русский востоковед В. Ф. Минорский, значение трудов которого по этнографии и истории курдов, их языку и литературе трудно переоценить, в неопубликованной статье «Курды — потомки мидян» писал: «Главным и поразительным фактом древнего единства курдов является их язык. Каковы бы ни были различия его диалектов, этот язык единый и по своей фонетике и по своей грамматике»¹.

В связи с изложенным выше представляются абсурдными высказывания зарубежного социолога Д. МакДоуэлла о стране курдов, их языке и литературе [McDowall, 1996], свидетельствующие о неосведомленности автора во многих сторонах курдских реалий. По мнению МакДоуэлла, курдов как единого этноса не существует, как и не существует самого понятия «Курдистан», являющегося, как он полагает, «вымыслом курдских националистов». Единство курдского этноса ставится автором под сомнение и тем, что у курдов якобы существуют несколько языков, которые к тому же разбрасываются им по разным группам иранских языков и т.д. Короче говоря, книга МакДоуэлла объективно несет в себе антикурдскую направленность, выраженную прежде всего в отрицании этнической и языковой самобытности курдов.

¹ Машинописный вариант этой статьи, отправленный В.Ф. Минорским в 1958 г. известному курдоведу К. К. Курдоеву, хранится в Архиве Института восточных рукописей РАН.

В заключение будет уместным привести мнение известного историка М. С. Лазарева — крупнейшего специалиста по новой и новейшей истории курдов, высказанного им относительно рассматриваемой проблемы: «Несмотря на все превратности исторической судьбы, курды не только не утратили признаков своей национальности, но, напротив, консолидировались в большую нацию... Государственные границы, разделявшие Курдистан, всегда были легко проницаемы и не препятствовали взаимному общению племен. Различия в языках, диалектах, религии были не абсолютны, а относительны, не мешали взаимному обогащению и пониманию, созданию самобытной развитой культуры. Наконец, мощным этнообъединительным фактором, испокон веков сплачивавшим курдов, были освободительные движения, создавшие стойкую политическую традицию в обществе, положившие неизгладимый отпечаток на весь психологический облик народа».

Сокращения

ЗВОРАО — Записки Восточного отдела (Императорского) Русского археологического общества. СПб., Пг.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М.

Литература

Васильева Е. И. Указатель этнических названий к кн.: Шараф-хан Битлиси. Шараф-наме, т. 1 (перевод с персидского). М., 1967.

Вильчевский О. Лингвистические материалы по истории общественных форм в Курдистане. Иранские языки. М., 1945.

Джалил Дж. Дж. Езидские легенды о первомученике суфизма — мистике Хусейне Халладже // Вестник общественных наук АН Арм. ССР, 1989, № 11.

Диттель В. Обзор трехгодичного путешествия по Востоку. Архив ИВР РАН. Оп. 1.

- Жуковский В. Л. Секта «Людей истины» – Аһли һакк – в Персии // ЗВО-РАО, 1888. II.
- Курдоев К. К. Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. М., 1978.
- Левитская Л. С. Халаджиский язык // ЛЭС. М., 1998.
- Лерх П. Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях. Кн. 1, СПб., 1856.
- Маккензи Д. Н. Курманджи, курды и гурани // Народы Азии и Африки, 1963, № 1.
- Мамедов М. Язык халаджей. Автореф. канд. дисс. Баку, 1973.
- Мамедов М. Сравнительный анализ родственных языков на материале языка халаджей и сорани. Ташкент, 1984.
- Минорский В. Ф. Курды. Пг., 1915.
- Никитин В. Курды. М., 1964.
- Папазян А. Д. Новые источники по истории курдского народа // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. VII. Курдоведение. Ереван, 1975.
- Пирейко Л. А. Гурани. Основы иранского языкознания. М., 1997.
- Пирейко Л. А. Заза. Основы иранского языкознания. М., 1997.
- Рашад Сабри Рашид (Рашад миран). Этноконфессиональная ситуация в современном Курдистане. М. – СПб., 2004.
- Смирнова И. А. Курды: судьба, культура, язык // Новый Курдистан. № 1–2 (18–19), 1999.
- Смирнова И. А., Эйюби К. Р. Курдский диалект заза. М., 1998.
- Смирнова И. А., Эйюби К. Р. Историко-диалектологическая грамматика курдского языка. СПб., 1999.
- Цаболов Р. Л. Курдский язык. Основы иранского языкознания. М., 1997.
- Юсупова З. А. Сулейманийский диалект курдского языка. М., 1985.
- Юсупова З. А. Курдский диалект горани. СПб., 1998.
- Юсупова З. А. Курдский диалект аврамани. М., 2000.
- Bruinessen Van. Agha, Shaikh and State: the Social and Political Structure of Kurdistan. L., 1992.
- Hasanpoor J. A Study of European, Persian and Arabic Loans in Standard Sorani. Uppsala, 1999.
- MacKenzie D. N. The Dialect of Awroman (Hawrāmān-ī Luhōn). København, 1966.
- McDowall D. A Modern History of the Kurds. London – New-York, 1996.

**КИНО ВЕРЫ, НАДЕЖДЫ И ЛЮБВИ.
РЕАЛИЗМ И МЕТАФИЗИКА В ФИЛЬМАХ
БАХМАНА КУБАДИ**

Бахман Кубади — безусловно, самый известный курдский кинорежиссер. Однако, несмотря на многочисленные премии кинофестивалей, его творчество все еще недостаточно глубоко понято и оценено. В какой-то мере это можно объяснить: его фильмы непосредственно связаны с курдской культурой, а она, к сожалению, мало известна и, соответственно, недостаточно освещена и осмыслена в современном мире. Не зная источников восприятия, нельзя понять и весь глубинный и многообразный смысл творчества Бахмана Кубади, которое особенно близко двум самым известным в Европе кинорежиссерам — российскому — Андрею Тарковскому (1932–1986) и польскому — Кшиштофу Кесьлевскому (1941–1996). Правда, их творчество принадлежит к совершенно другой культурной традиции, однако имеет с фильмами Кубади довольно заметные общие черты. Чтобы предупредить интерес читателя, я определяю их как «особое восприятие реальности, которое позволяет увидеть и показать человека как героя метафизического рассказа».

В случае Тарковского эта интерпретация сегодня всем хорошо известна и в доказательствах не нуждается. Одним из первых — признанных — фильмов Тарковского стал «Андрей Рублев» (1966), тема и постановка которого во многом определили восприятие дальнейших картин режиссера. С Кесьлевским дело обстоит по-другому, потому что его ранний опыт документалиста и приверженность реализму киноповествования долгое время мешали разглядеть в нем мастера. Кстати, стоит отметить, что и сам он неоднократно называл себя ремесленником. Лишь фильмы, снятые Кесьлевским позже, такие как сериал «Декалог», но прежде всего «Двойная жизнь Вероники» (1991) и трилогия «Три цвета» — «Синий», «Белый», «Красный», позволили увидеть его раннее творче-

ство по-другому, обнаружив за его «наглядным реализмом» скрытую глубину, чему во многом способствовала и его ранняя смерть.

Путь из никуда или путь в прошлое?

Подобным образом то же происходит и с Бахманом Кубади¹. И у него за плечами опыт документалиста — точнее, автора короткометражных фильмов, и он привержен определенному реализму повествования, даже подчеркивает, что его фильмы на 70% строятся на основе историй, рассказанных жителями местности, в которой снимается картина, и лишь на 30% — по его собственным идеям и житейскому опыту². Похоже, как в случае Кесьлевского, один из позднейших фильмов Кубади — «Полумесец» (сорани: Nîweymang³/курманджи: Nîvê Neuwê, 2006), позволяет посмотреть на его творчество по-другому, увидев в прежних его фильмах что-то новое. Однако ни в случае Тарковского, ни в случае Кесьлевского никто не сомневался, что у этих режиссеров есть, так сказать, право на метафизику. Оно просто заложено в их культуре, являющейся признанной частью мирового наследия. Между тем Кубади появляется будто из небытия. О курдах, правда, современному миру немножко известно. Чаще всего они выступают в роли беженцев или сепаратистов, но никак не в роли носителей высокой культуры. По-моему, это одна из причин, по которой творчество Кубади не

¹ Несмотря на то, что фамилия режиссера чаще всего передается как Гобади, эта транскрипция не соответствует принципам, принятым в славянских языках, в том числе польском и русском, по которым арабскую букву (в сорани) и q (в курманджи) стоит передавать скорее как «к», чем «г». Лучшим примером является имя известного курдолога Qanatê Kurdo, которое по-русски пишется через букву «к».

² Bahman Ghobadi Speaks to Peter Scarlet. Erbil, Kurdistan, Northern Iraq, May 28–30, 2007 — фильм-интервью с режиссером, доступный на сайте: <http://www.youtube.com/watch?v=9mTQrvPNvXc>

³ Здесь и дальше сорани записано латинскими буквами, предназначенными для курманджи.

воспринято целиком, а только частично, поверхностно. В нем, правда, отмечали темы и символы, связанные с судьбой, политическим или социальным положением курдов¹, но эти интерпретации на том и заканчиваются. Как будто курдам, кроме роли «униженно-го беженца», «угнетённого» и «сепаратиста», нельзя заниматься тонкой интеллектуальной работой, предаваться умственной деятельности, к примеру: мыслить, любить, верить или отрицать Бога. Поэтому в самом начале этой статьи мне хочется выделить определенную философскую и мистическую традицию, которая лежит в основе фильмов Кубади. Не потому, что он это заранее тщательно продумал, это, пожалуй, не способ создания искусства. Оно строится не по тем правилам, по которым его потом читают². А потому, что Кубади является неотъемлемой частью этой традиции. Вопреки общепринятому мнению Кубади — не режиссер из ниоткуда, даже если он признан как один из первых курдских кинорежиссеров. Говоря о философской и мистической традиции, я имею в виду прежде всего курдскую литературную классику, восходящую своими корнями к XV столетию, главным представителем которой являлся Эхмеде Хани (1651–1707) и его великое произведение «Мем и Зин». Однако стоит также указать и на специфику Курдистана, где нередко встречается религиозный синкретизм и мотивированная этим опытом духовность. Соседство разных религиозных систем и практик в рамках многих вероисповеданий и *тарикатов* способствовало взаимным влияниям, даже если они не являлись целенаправленными. С другой стороны, интересно, что упрек в небрежности курдов по отношению к ортодоксальному исламу часто

¹ Kılıç D. Bahman Ghobadi'nin Filmlerinde Kürt Kimliği ve Kültürünün Temsili. См.: Kürt Sineması yurtsuzluk Sınır ve Ölüm. İstanbul 2009. S. 137–174.

² Польский философ и этик Владислав Стружевский в своей статье «О возможности сакрум (священного) в искусстве» говорит, что нельзя исключить, что священное может проявиться в искусстве даже вне интенции самого артиста. – См.: Stróżewski W. O możliwości sacrum w sztuce // Sacrum i sztuka. Kraków, 1989. P. 23–37.

выдвигался окружающим мусульманским миром. Одного произведения *Мем и Зин* достаточно, чтобы понять великую ценность многообразного мышления, которое, по словам Изеддина Мустафы Ресула, восходит также и к древней философской традиции Ближнего Востока, связанной с наследием как мусульманской традиции, так и других ранних мировоззрений и религиозных систем: христианства, езидизма, философии Платона и Аристотеля¹. Сочинение и выраженная в нем идея Бога-Любви свидетельствуют не только о приверженности Хани к исламу, но одновременно о его определенном интересе к другим вероисповеданиям, и тем самым и о глубинной проницательности поэта, для которого не вероисповедание, а вера ставилась на первое место. Прямые отношения к религиозной традиции Курдистана выступают также в «Полумесяце», одном из последних фильмов Кубади, с которого мы начнем рассматривать его творчество, в частности сцену молитвы, а точнее — размышления главного героя фильма Мамо, на кладбище, а также сцену его посещения одного из местных религиозных центров (*тарикатов*). И хотя то, что мы видим, несомненно связано с исламом, это не часть официального порядка Исламской Республики Иран, в которой снят фильм. Правда, курды, проживающие в Иране, в большинстве своем сунниты, а не шииты, и им вообще никогда не было по пути с центральной властью, как шахской, так и аятолл, но различие, на которое намекает Кубади, заключается в чем-то другом. Показывая «симпатичного» продажного солдата, который одновременно протягивает руку за взяткой и говорит о том, что «нельзя забывать, что Иран есть правовое государство», Кубади открыто насмехается над республикой «ислама», в которой отсутствуют основные моральные нормы. Этой картины не смягчает и великолепно снятая сцена, показывающая деревню, в которой заключены все певички, так как петь женщинам в Иране строго запрещено. Сама по себе сцена, конечно, имеет скорее символический, чем документальный характер. Кубади прямо и смело протестует против ислама как духовного

¹ Resul İ. M. Bir şair Düşünür ve Mutasavvıf olarak Ehmede Hanî ve Mem ü Zin. İstanbul, 2007. С. 225.

орудия режима, противопоставляя ему простую, не претендующую на власть местную традицию и вытекающую из нее глубокую веру во имя Аллаха по истине «Милостивого и Милосердного». Символом этой веры и является главный герой фильма, композитор Мамо, имя которого, кстати, в курдской традиции восходит к уменьшительной форме арабского имени Мехмед / Мухаммад. Не стоит поэтому удивляться, что показ картины в Иране по сей день запрещен. Таким образом, творчество Кубади хотя и не является прямой цитатой из курдской классики и традиции, в идейном плане, несомненно, во многом — ее продолжение. Мы можем обнаружить схожие инспирации и в мире современной курдской литературы, возникающей сегодня в разных странах мира, в том числе в Швеции. Упомяну здесь лишь две фамилии — пишущих на курманджи Мехмеда Узуна (1952–2007) и Хесене Мэтэ (1957), в произведениях которых можно обнаружить многочисленные мотивы как из христианской, так и из езидской и исламской традиции. Обнаружить связь с прошлым — означает сегодня вернуть курдской культуре ее достоинство и значимость, а это — одна из важнейших задач востоковедов, и курдоведов в особенности¹. Такого рода нравственный смысл научной деятельности не раз подчеркивался современными философами и учеными, такими как Аласдер Макинтайр², или теоретиками постколониализма: Эдвардом Вади Саидом³ или Леелем Ганди¹.

¹ Это, пожалуй, относится не только к курдам, но и к другим жителям нашей «глобальной деревни», о которых известно только, что они существуют чаще всего как «бедные беженцы», «жестокое горцы — сепаратисты», или просто «продавцы арбузов».

² Возвращаясь к античной философии, Макинтайр не раз подчеркивает, что признание роли современного эксперта как человека, который обязан только «знать», но не обязан пользоваться знаниями во имя блага людей, противоречит классической этике и поэтому в сущности является ее отрицанием. См.: MacIntyre A. *Dziedzictwo cnoty. Studium z teorii moralności*. PWN, 1996.

³ Эдвард Саид подчеркивает необходимость филологического подхода к действительности. По его мнению, знание языка и литературы, которая на

Творец, художник, режиссер

Мы начнем анализ с картины «Полумесяц», которая представляется нам ключом к более полному восприятию ранних произведений Кубади. Однако, и это стоит подчеркнуть в самом начале, целью автора статьи не является поиск мистики буквально в каждом кадре Кубади. Богатство его фильмов заключается именно в тонком умении наблюдать и слушать повседневную реальность, со всей ее нелепостью, парадоксами и страданием. Кубади, по его собственному выражению, верит не в идею искусства ради искусства, а в искусство для людей².

В «Полумесяце» затронута тема свободы современного художника. Мамо, выдающийся и известный курдский композитор традиционной музыки³, старается во что бы то ни стало реализовать свою идею концерта в Иракском Курдистане⁴, единственной части курдского отечества, которая за последние годы стала намного свобод-

нем возникает, позволяет углубить знания о культуре и реальности. Они тогда не поддаются упрощениям, способствуют мышлению и постановке острых вопросов. Саид подчеркивает значение компаративистского анализа произведений, принадлежащих разным культурным традициям. По его мнению, именно такой подход дает основания для взаимопонимания и взаимоуважения между культурами. См.: Said E. W. Preface, *Orientalism*. Penguin Books, 2003.

¹ Лееля Ганди, автор книги о теории постколониализма, неоднократно подчеркивает моральную задачу этой концепции, возросшей на критике колониализма, империализма и ориентализма. Gandhi L. *Teoria postkolonialna*. Poznań. 2008.

² Koch F. *Bahman Ghobadi ve Politikanın Poetikası // Kürt sineması... P. 198.*

³ Мамо, кажется, нельзя отнести к какому-то исторически определенному художнику. Но среди курдов известны имена многих композиторов и исполнителей, и они особо почитаются обществом. Стоит добавить также, что фильм снят в рамках Года Моцарта, поэтому многие анализируют его как историю «курдского Моцарта».

⁴ А точнее — в Эрбиле, столице Иракского Курдистана, другое — курдское — название которой — Хаулер (Hawlêr).

нее, приобретя официальный статус Курдского автономного района (КАР) в рамках федеральной структуры Ирака. Туда, несмотря на многочисленные препятствия, стремятся Мамо и все члены его труппы, путешествуя на старом автобусе по зимним горным дорогам Иранского Курдистана. Глубокая вера Мамо в искусство и музыку, способной воскресить из мертвых, показана прежде всего в сцене на кладбище, когда он противится погребению своего друга, увидев, что его облекшее в белую простыню и положенное в могилу тело шевельнулось на звук песни, спетой неизвестным женским голосом. Он не доверяет даже врачу, который приехав и осмотрев тело, говорит, что оно, несомненно, мертвое и противиться показаниям науки бессмысленно. Но Мамо возражает, что наука не может ответить на все вопросы и что в жизни человека очень многое нельзя доказать научным путем. Здесь сталкиваются два мировоззрения — вера в Тайну, которую одному человеку не осмыслить, и вера в науку, способную сделать понятной жизнь. Однако именно вера в Тайну и понятие человеческого несовершенства движет музыкой и искусством, говорит Кубади. Ведь если музыка способна воскресить из мертвых, она становится элементом совершенно другого, неземного порядка, а человек, который ее творит и исполняет, — всего лишь посредник между Богом и человеком. Несмотря на свою веру, Мамо подвержен многочисленным сомнениям. Один из его учеников¹ передает ему известие о видении шейха, главы суфийского братства, по которому 14 дня лунного месяца, по пути следования Мамо и его труппы, случится что-то ужасное. Мамо отправля-

¹ Как ни странно, большинство авторов, пишущих об этой картине кажутся убеждены в том, что вся труппа Мамо — это действительно его сыновья. Правда, имя «баба» употребляется по отношению к Мамо, но ведь оно используется среди курдов (а также других народов Ближнего Востока) не только для обозначения непосредственных родственных связей. Бывает, что словами «баба» или «дайк» (матерь) обращаются просто к очень близкому и пожилому лицу. Но слово «баба» использовалось также многими духовными орденами для обозначения духовного лидера, шейха или просто очень почитаемого суфия.

ется в центр ордена, чтобы лично повидаться с шейхом и узнать, правда ли это. Ему приходится нелегко, он должен рисковать жизнью и здоровьем своих учеников, но он убежден, что вера сильнее всяких препятствий. Постепенно его труп разваливается, поскольку людям не под силу выполнять требования Мамо. Видя, что попасть в Ирак не удастся, они покидают своего «отца», не желая идти на самопожертвование ради искусства. Остается лишь несколько человек, наиболее преданных ему. В конце фильма умирает и Мамо. Может быть, стоит предположить, что его вера напрасна, а желание сыграть концерт в Иракском Курдистане — обыкновенное честолюбие? Кто он — художник или только диктатор в облике композитора? Реализует ли он Божий замысел или — подобно Малаки Таусу в езидской традиции — противится Богу во имя глубокой веры и преданности Ему? А может, является лишь бунтовщиком из-за своего высокомерия, подобно сатане? Ответом может быть сказанная в начале фильма цитата из Сёрена Кьеркегора. Прозвучав в столь необыкновенной восточной обстановке, перед борьбой петухов, она должна обратить внимание зрителя: «Я не боюсь смерти. Потому, что когда я здесь, ее здесь нет, а когда она здесь, меня здесь нет. Ни выигрыш, ни проигрыш не являются важнее смерти»¹. Можно даже в шутку назвать эти слова лучшим доказательством, что «бедные и угнетенные» все-таки о чем-то думают, а иногда даже и кое-что читают. Но смысл введения этих слов в структуру диалогов заключается еще и в другом. Подобно Кьеркегору Кубади подчеркивает, что есть вещи, которые страшнее смерти, к ним относится в первую очередь невозможность реализовать свою жизнь и дарование, забыть про свою подлинную судьбу и стать кем-то другим². В несколько иной форме эти слова повторяет и сам Мамо, говоря их молодой учительнице Синур: даже смерть не страшна. (Мамо хочет убедить ее, что остаться в деревне вместе с детьми в качестве учительницы — не хуже, чем сделать карьеру

¹ Цитата из фильма.

² Salomon J. SJ. Śmierć i umieranie w Papirer Søren Kierkegaard // Analiza i Egzystencja, 3 (2006). С. 63.

музыканта.) Сопоставляя «Полумесяц» с фильмом Тарковского, можно задаться вопросом: не о грехе ли растратить дарование говорит в конце фильма Андрею Рублеву монах Кирилл, который лишен таланта и подвержен зависти к иконописцу? Вера в смысл дарования возвращается к Рублеву лишь после встречи с молодым колокольным мастером, дело которого — это прежде всего доказательство глубокой веры и способности к подвигу. Однако предложение Кьеркегора имеет еще и другой, скрытый смысл: жизнь ценна только потому, что за ней следует смерть. Она пугает, но только она одна придает человеческой жизни подлинное значение. Примечательно, кто в картине Кубади произносит эти слова-цитату. Како, кудрявый и небрежно одетый курд, водитель автобуса, о котором мы знаем, что он любит женщин и дерзких петухов, а также, что желает снять свой собственный фильм — репортаж о путешествии трупы в Ирак, чтобы потом показывать его по всему миру. Своими шутками и поведением он привносит в картину легкость и непосредственность. И он же является одновременно одним из самых преданных учеников Мамо. Говорит даже, что из любви к Мамо он поменял свое имя на Како, что может означать, что на самом деле и его зовут Мамо (Мехмед, Мухаммад). Кроме Ниуэйманг (Полумесяц), которая появляется в конце фильма, не считая, конечно, прежних видений Мамо, именно этот персонаж является главным организатором (режиссёром!) путешествия: находит автобус, дает взятки полицейским, собирает остальных «сыновей», ищет исчезнувшую певицу и передает Мамо ее, очень важную, записку. Поначалу кажется, что без его энтузиазма их путь мог бы стать гораздо короче¹. В конце фильма, рассказывая своим друзьям о том, что с ним произошло, он говорит, что признался в любви турецким солдатам, которые его избивали. Он сказал им «*seni seviyorum*»², и это были

¹ Интересно, что говоря об актере-натурщике, исполняющим эту роль, Кубади подчеркивает, что долго уговаривал его не покидать съемочную площадку. Не зная законов кинопродукции, он не мог представить себе, что ради двух часов фильма ему придется работать несколько недель.

² Я люблю тебя (тур.).

единственные слова, которые он знал по-турецки, как можно предположить, учитывая его страсть к женщинам. Этот персонаж и его высказывания, конечно, не случайные. В какой-то мере, со своей маленькой камерой и верой в любовь, которая способна простить даже самого великого грешника, он является символом режиссера (несмотря на то, что и сам Кубади выступает в этом фильме именно в начале, во время боя петухов, среди толпы мужчин, в кадре, напоминая своим светом и постановкой картины Диего Веласкеса)¹. Однако такая интерпретация была бы неполной, если не учесть роли, которую в картине играет женский голос, точнее, появляющаяся в конце фильма Ниуэйманг, первое имя которой Папула.

Путь, музыка, женщина и любовь...

Как известно, в суфийской традиции *тарики* — путь, ведущий к Всевышнему, очень важная часть духовного опыта и усилия, цель которого — достичь состояния *хал* — момента соединения человека с Богом. При жизни этот момент может быть достигнут талантливым, преданным и знакомым с многообразной практикой суфием, но главным и единым моментом истинного соединения с Богом является смерть. Стоит здесь подчеркнуть, что арабское слово «*тарики*» — в первом значении просто путь, дорога. Важно также отметить, что курдское *ol*² — одно из слов, обозначающих религию и веру, восходит своими корнями к турецкому *yo1*, также обозначающему дорогу³. Этот вывод здесь не случаен, так как большинство фильмов Кубади так или иначе связаны с дорогой. Эту связь можно, конечно, отнести к истории киноискусства⁴, но, на наш взгляд, глу-

¹ В том числе картину «Менины», написанную в 1656 г., на которой представлен и сам Диего Веласкес.

² Оно употребляется в курманджи, реже в сорани.

³ Chyet M. L. *Kurdish-English Dictionary.*, Yale University Press, 2003. P. 425.

⁴ *Yo1 Filmlerinin önemi* в статье Деврима Кылыча Bahman Ghobad'inin... P. 144–145.

бинно она основана на курдской и суфийской традициях. Не случайно также, что очень важную роль в этом пути, особенно в фильме «Полумесяц», играет музыка. Она является поводом и целью путешествия, она постоянно сопровождает труппу Мамо, как, кстати, сопровождает большинство курдов и в их повседневной жизни. Музыка в Курдистане — единственный доступный всем вид искусства, ее можно услышать на улице, в автобусе и во многих других местах, из нее они постоянно черпают этические и эстетические ценности, в том числе веру, надежду, любовь. А по мнению Кэнате Курдо, лучшего знатока курдских песен: «Лирика — самая сокровенная, самая интимная и в то же время неотъемлемая часть повседневной жизни курдов»¹. Стоит также напомнить одно из высказываний Кубади насчет музыки, которую он сам «очень любит и без которой не может представить себе ни одно путешествие»². Такую же важную роль музыка играла для Андрея Тарковского и Кшиштофа Кесьлевского. Тарковский считал, что способ построения картины гораздо ближе музыкальному сочинению. Он часто использовал музыку, чтобы подчеркнуть идею фильма. В «Уроках режиссуры» Тарковский замечал, что подобно музыке важна не логика течения событий, а форма их существования в киноматериале³. Интересно отметить также, что определенное отсутствие логики и чередование как будто не связанных между собой образов является важным свойством курдской лирики⁴. В картинах Кубади, которые в большинстве своем построены на каком-то сюжете и время в них развивается в линейном плане, есть моменты, которые противоречат логике течения событий. В «Полумесяце» это, например, видения Мамо, в фильме «И черепахи умеют летать» это трагические

¹ Курдоев К. К., Мусаэлян Ж. С. Предисловие // Курдская народная лирика. М., 2002. С. 7.

² Bahman Ghobadi Speaks to Peter Scarlet...

³ Тарковский А. Уроки режиссуры. М., 1994. С. 24.

⁴ Курдоев К. К., Мусаэлян Ж. С. Предисловие. С. 7. См. также: Бохеньска И. Раздел «Лирика» в кн.: Bocheńska J. Między ciemnością i światłem. O kurdyjskiej tożsamości i literaturze. Kraków, 2011. P. 63.

воспоминания детей и самоубийство Агрин (сцена эта повторяется в фильме 4 раза, хотя по логике событий она имеет место только в конце фильма), а также пророческие видения Хенгива. Конечно, не везде и не всему стоит придавать мистическое значение. Иногда это просто ретроспектива, без которой нельзя понять смысл происходящего. Но благодаря этим приемам мы становимся свидетелями внутреннего мира героев, преодолеваем неуловимую грань между реализмом, психологией и мистикой. Иначе чем Тарковский, Кесьлевский заявлял, что не имеет о музыке понятия и во всем ссылался на композитора, с которым сотрудничал, — Збигнева Прайснера. Однако по поводу фильма «Три цвета» («Синий») режиссер говорил: «Музыка играет в фильме “Синий” важную роль. Мы очень часто снимаем ноты. В какой-то мере это фильм о музыке, о том, как ее создают, как над ней работают. Некоторые думают, что Джули (главная героиня фильма. — *И. Б.*) — это автор музыки, которую мы слышим. В одной из сцен журналистка спрашивает: “Это вы писали музыку своего мужа?” (...) И, однако, это не так уж важно, является она автором или лишь соавтором. Даже если только исправляет, она становится автором того, что исправлено. А в целом это лучше, чем было раньше. Мы постоянно приводим фрагменты этой музыки в фильме, а в конце она слышится целиком. Монументальная и большая»¹. Подобно «Синему», в картине Кубади также нельзя создать музыку без участия женщины. Женщина играет также важную роль в «Андрее Рублеве». В фильме Кесьлевского музыка мужа явится для Джули, потерявшей и мужа и дочь, тяжелым воспоминанием. И все же кто-то должен дописать произведение композитора до конца. Джули постепенно понимает, что оставшиеся после смерти мужа ноты — не только ее личная собственность. Любовь, от которой она отказалась вместе с воспоминаниями о семье, возвращается к ней. Парадокс в том, что она узнает об измене мужа, о том, что он любил не только ее, как и то, что родится его ребенок — уже после его смерти. Это известие потрясает, но одно-

¹ Krzysztof Kieślowski, *O sobie*, Znak, Kraków, 1997. P. 172. – Перевод на русский автора статьи.

временно позволяет вновь поверить, что любовь сильнее смерти. Джули находит смысл в прощении и — возможно — в любви к другому человеку. В окончательную часть музыкального произведения вплетены слова «Гимна Любви» из 13-й главы «Первого Послания Коринфянам» ап. Павла. Их — в одной из сцен фильма Тарковского — читает также Андрей Рублев. Прямым именем Любви озаглавлена также одна из частей фильма, в которой юродивая девушка, которую иконописец бережно хранит от зла, убивая даже из-за этого татарского всадника, вдруг покидает его, уезжая вместе с «диким татаринном». Ее не уведят, не похищают, она сама решается бросить монастырь, Рублева, святую жизнь и монахов и уехать с теми, кто принес на Русь страдание. Конечно, она безумна, но ее безумие имеет свой глубокий смысл, оно и есть символ любви и прощения. К какой-то мере она напоминает «обезумевшую» Зин из произведения Хани, путь к Богу которой заключается именно в любви и прощении. Поведение юродивой девушки можно сопоставить также с упомянутой уже «болтовней» кудрявого курда, признающегося в любви к турецким солдатам. И хотя Кубади в своих фильмах, конечно же, «Гимна Любви» не цитирует, он находит «к нему» собственный путь, который глубоко связан с культурой курдов и Ближнего Востока. Стоит подчеркнуть, что во всех фильмах способы, какими говорится о любви, неоднозначны, допуская возможность и других прочтений.

Отправляясь в Иракский Курдистан для исполнения концерта, над которым все участники ансамбля работали 7 месяцев, Мамо не испытывает удовлетворенности. Ему не хватает именно женского голоса (Мамо называет его *dengek-î asmanî*, что значит небесный, неземной голос), который способен придать главное значение его музыке, «исполненной во имя свободы». Женское пение в Иране запрещено (и эта метафора говорит, пожалуй, не только о положении певиц, но и об общей ситуации женщин, которым очень многое в исламской республике запрещено) и потому взять с собой женщину-певицу является особым риском. На это не соглашаются члены ансамбля Мамо, но и на этот раз Мамо решает проблему авторитарно, приказывая всем подчиниться. По дороге в Ирак они забирают

из деревни-тюрьмы Хешо, голос которой был известен всем, как один из самых выдающихся. Но у Хешо голос потерял, чему виной приговор и тяжелая жизнь, у нее нет больше веры, чтобы петь о любви. Она покидает Мамо, оставив ему странную запись: Ниуэйманг, Танге Белек, Как Халил. Танге Белек — это название деревни, в которой живет друг Мамо — Как Халиль¹. Музыканты отправляются к нему, чтобы получить инструменты, так как их собственные были сломаны полицейскими. Неожиданно выясняется, что Как Халиль внезапно умер². Это на его могиле Мамо слышит неизвестный женский голос, от которого тело Как Халила пришло в движение. Не получив помощи, потеряв здоровье и желание предпринимать какие-нибудь решения, Мамо позволяет своим «сыновьям» вернуться в обратный путь. Но вдруг на крыше автобуса все слышат стук и чьи-то шаги. Когда машина останавливается, их взору предстает незнакомая молодая девушка, которая, к изумлению всех, повелевает продолжать путь в Эрбиль, обещая свою помощь. Добравшись до определенного места дороги, автобус останавливается, а девушка приказывает всем, за исключением Мамо, отправиться с незнакомыми на моторах. Сама она приводит лошадь, на которую сажает Мамо, и отправляется вместе с ним по горным дорогам. По дороге Мамо узнает, что это именно она пела на кладбище. Девушку зовут Папуля, но ее другое имя, которое, по ее словам, было известно, когда ее ребенком нашли на границе, именно Ниуэйманг (Полумесяц). Так и звучит название фильма. Услышав это имя, Мамо изумляется, он понимает смысл записи Хешо, а может, и еще чего-то. Ведь силуэт этой девушки, влекущий за собой гроб, появлялся в его видении с самого начала фильма. Композитор просит ее во что бы то ни стало взять его, живого или мертвого, на другую сторону (го-

¹ «Как» — это вежливое обращение, по смыслу напоминает турецкое ağbî (старший брат), но, похоже, как «баба» обязательного отношения к непосредственным семейным связям не имеет.

² Парадоксально, но причиной его смерти стал сердечный приступ, вызванный внезапным телефоном Како, который хотел предупредить Как Халиля о приезде Мамо.

ры, границы, жизни?). Ниуэйманг оставляет Мамо в гробу, он умирает, видение сбывается. Вместе с одним из «сыновей» Ниуэйманг Мамо забирает ноты композитора и, возможно, отправляется дальше в «обетованный» Эрбиль.

Стоит поразмышлять над тем, что означает появление девушки, обладательницы небесного голоса? Символизирует ли она смерть, а может, что-то другое? И откуда у нее такие странные имена? Папуля (perûle) на диалекте сорани курдского языка означает бабочку¹, мотылька. Несмотря на природные и даже фольклорные ассоциации, слово это скорее всего стоит отнести к литературной классике Курдистана и Ближнего Востока. Во многих произведениях классической курдской или персидской поэзии бабочка была знаковым символом, связанным именно с тарикой — дорогой, ведущей к Богу. Бабочка символизировала жаждущего Истины мистика, в то время как свеча — саму Истину, к которой стоит стремиться, сгореть в которой и есть главная цель суфия. Очень интересный вариант мистического стремления представлен в «Мам и Зин» Эхмеди Хани. В произведении курдского поэта суфием становятся одновременно любящие друг друга Мам и Зин (мужчина и женщина)². Но их мистический путь обусловлен не личным выбором, а несчастной судьбой, которая не позволила им достичь земного счастья как мужу и жене, обрекла на разлуку. Таким образом, их решение отречься от земной жизни не является просто «мистическим честолюбием». Оно — единственный выход, чтобы с достоинством принять страдание. Уместно привести несколько слов Мама из произ-

¹ См.: Курдоев К. К., Юсупова З. А. Курдско-русский словарь (сорани). М., 1983. С. 110.

² Во многих классических произведениях суфием мог стать только мужчина, а женщина или любовь к ней очень часто символизировали любовь к Богу. Однако Изеддин М. Ресуль обращает внимание на то, что в произведении Хани не только мужчина, но и женщина стремятся к Богу. Таким образом поэтический образ углублен. Символом пути к Господу является не только любовь Мама к Зин, но и их личные стремления, каждого в отдельности (Resul İ. M. Bir şair Düşünür... S. 347).

ведения Хани: «Я же — низкий, жалкий, ничтожный, // Слабый, с истерзанным сердцем. // Я мотылек, предавший свое тело огню, // Я сгорел и снаружи и изнутри. // Если тело мое иссохнет //И если сердце погрузится в океан горя, // Все же наградой мне будет справедливость, // не жестокость, // В этом — особенность любовного пламени. // (...) // Наконец, наступило время смерти // Согласно изречению Прежде чем вы умрете? // Очищение души совершилось // И осуществилось очищение сердца. // Прояснилось зеркало его души, // Чувства, сердце и душа — все очистилось»¹.

Мам Хани достигает цели путем очищения и смерти. Но эти слова можно, кажется, отнести также к Мамо Бахмана Кубади. Следовательно, одно из имен незнакомой девушки символизирует, а может, просто опять приводит на мысль, старинную суфийскую традицию с ее глубинной и страстной верой и любовью. Папула, благодаря своему голосу и красоте, пробуждает в Мамо волю, чтобы осуществить путешествие до конца, несмотря на его итог и последствия. Ее появление является для него пробуждением любви и надежды. Стоит задуматься и над ее другим именем, тем более что оно — название фильма. На первый взгляд полумесяц еще крепче связан с религией и исламом. Это распространенный символ на куполах мечетей во всем мире. Однако в действительности полумесяц никакой не мусульманский символ, его роль нельзя сравнить с крестом на куполах церквей. Представить полное значение полумесяца и луны не является возможным в рамках этой статьи. Но стоит назвать лишь несколько контекстов. В языческие времена луна и полумесяц являлись атрибутами многих богов, в том числе греческой и римской Артемиды — Дианы. Говорят, это был также символ Константинополя, пока его не завоевали турки, а и у них в это время полумесяц почитался (согласно преданию о видении Османа), и может поэтому впоследствии он стал важным элементом культурной символики Османской империи и ислама. Луне поклонялись бедуины до того как приняли ислам. По лунному календарю построен порядок как мусульманских, так и некоторых христианских

¹ Ахмед Хани. Мам и Зин. М., 1962. С. 171–172.

праздников. С новолуния начинается и завершается Рамадан — самый важный месяц по мусульманскому календарю, напоминающий о времени ниспослания Корана Мухаммаду¹. Однако, кажется, что именно эта неточность и недосказуемость является великим преимуществом полумесяца. Не будучи символом с точки зрения богословия, полумесяц все-таки стал очень близок сердцам многих мусульман, для которых, особенно в эпоху глобализации, это и есть знак их культуры. Кроме того, как это подчеркивалось выше, этот символ не связан только с исламом, его значение намного шире. Таким образом, он вполне отвечает многообразному наследию Курдистана, хотя очень возможно также, что для самого режиссера имеет особое, личное значение. Благодаря этой двойной метафоре выраженная фильмом тарика — путь к Богу — приобретает двойное значение. С одной стороны, она является чем-то сугубо интимным, внутренним, связанным прежде всего с человеческой душой и сердцем, с другой стороны — это внешний, видимый и распространенный символ веры и любви. Имена Папуля и Ниуэйманг можно прямо сопоставить с понятиями «батин/batin» (то, что внутреннее, скрытое) и «захир/zahir» (то, что внешнее, видимое)² в суфийской традиции. Рассматривая метафизический смысл фильмов Кубади, стоит также обратить внимание на числа³. Их введение в структуру фильма и значение, кажется, не вполне серьезное, и придает картине легкость. Важную роль играют здесь цифры 7 и 14. Цифра 7, как правило, в курдской и мусульманской культуре⁴ это небесное, божественное число. Надо пройти семь небес, чтобы ока-

¹ См.: Сертап Т. Что значит полумесяц в исламе // <http://oneislam.ru/?p=4246>

² Machut-Mendecka E. Archetywy islamu. Warszawa, 2003. S. 63.

³ Символика чисел — тема очень обширная, и представить ее в нынешней статье не представляется возможным. Кроме того, кажется, что Кубади придает числам значение, прежде всего руководствуясь собственной интуицией и личным опытом, а не какой-то особой нумерологией.

⁴ Конечно, похоже, как в случае «полумесяца», и здесь ассоциации намного шире, их нельзя ограничить лишь исламом и мусульманской культурой.

заться перед Всевышним, и этот путь совершает Пророк Мухаммад во время ме'раджа — ночного пути¹. Он поднимается с купола мечети в Иерусалиме, куда раньше его забирает Джабраил из его постели в Мекке. В картине Кубади семь месяцев длится подготовка к поездке в Эрбиль, идут музыкальные пробы. Семь месяцев также совершенствует свое пение Папуля-Ниуэйманг. Совершенно противоположный смысл имеет цифра 14. У Кубади стоит воспринимать ее, скорее всего, как вариант дьявольского числа, которое мешает добиться святой цели. Вначале Мамо говорит, что не будет путешествовать с четырнадцатью спутниками, потому что число 14 приносит несчастье. Этим он, не вполне серьезно, объясняет отказ взять с собой Синур, девушку, которая больна и присутствие которой во время путешествия Мамо во многом усложнит ситуацию для детей в школе, где она работает. Одновременно Мамо говорит ей, чтобы она никогда не верила в чепуху, вроде «магии чисел». Однако, согласно видению шейха, именно 14-го дня по лунному календарю на пути Мамо должно произойти нечто страшное. 14 лет также работал врач, который потом отказывается поверить в возможность воскресения мертвого тела. Таким образом, подобно «Мам и Зин» Хани, сюжет фильма построен также на противопоставлениях: «божественное» и «дьявольское». «Дьявольское» является, с одной стороны, как тупая вера в слова шейхов о понятиях религии и действительности, которая неподвержена никаким сомнениям. С другой стороны, дьявольское — это вера в неопровержимую силу разума и науки. Первый подход — наследие восточной традиции, второй — современный, «западный» способ мышления. Оба они, если применять их как принцип, господствующий над человеческим разумом и сердцем, становятся ловушкой для жителей Курдистана и Ближнего Востока — вроде бы говорит Кубади. Но и здесь, похоже как в «Мам и Зин» Хани, «дьявольское» стоит воспринимать скорее всего как часть вечного порядка вещей, которое, по словам Гёте, все-таки

¹ Так озаглавлена 17 сура Корана, см. также: Гусейнов Ч. Ме'радж. Роман о пророке Мухаммеде. Ганун, 2008.

«совершает благо»¹. Сделанный выше анализ не исчерпывает возможности восприятия творчества Кубади, он — лишь один из вариантов такого восприятия. Однако для того чтобы вполне отдать себе отчет в достоинствах творчества Бахмана Кубади, стоит обратить внимание и на способ, каким режиссер показывает повседневную, вполне реальную жизнь курдов и Курдистана. Об этом немало сказано Девримом Кылычем в статье «Курдская идентичность и культура в фильмах Бахмана Кубади».

Удручающий реализм и неуловимая красота

Как для многих курдов, так и для польских зрителей, с которыми мне не раз приходилось обсуждать творчество Бахмана Кубади, его фильмы очень часто производят впечатление тяжелое и удручающее. Причин этому несколько. Во-первых, пространство, которое изображено в его фильмах, само по себе удручающее. Как пишет Деврим Кылыч: «...земля, на которой живут курды в фильмах Кубади, разделена искусственными границами, выстлана минами и разорена войной»². Во-вторых, довольно часто героями фильмов Бахмана становятся дети с тяжелой, порой невыносимой судьбой, положение их безысходно. К тому же мы знаем, что это не столько актеры, сколько актеры-натурщики, жизнь которых если в точности и не совпадает с историями, рассказанными фильмом, то не сильно от них отличается³. Кроме того, финалы в его фильмах пусть неоднозначные, но все-таки «грустные», что неоднократно подчеркивали мои собеседники. Для курдов, у которых разный жизненный опыт и воспоминания об отечестве, Курдистан, увиденный глазами

¹ Так кто ж ты наконец? / Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо. — Цитата из «Фауста» Гёте и из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова. М., 1999. С. 187.

² Kılıç D. Bahman Ghobadi'nin Filmlerinde Kürt Kimliği... S. 138.

³ Hamid R. Devletsiz bir ulusun sinemasi Bahman Ghobadi yle Söyleşi // Kürt sinemasi.... S. 178.

Кубади, часто выглядит некрасивым и как будто лишенным надежды, да и «зря потрясает судьбой детей». Этот упрек понятен, так как многим курдам хотелось бы показать миру все-таки не только судьбу «бедных и угнетенных», но также «мудрость» и «красоту», заложенную в курдской культуре. Как говорилось раньше, эта задача чрезвычайно важна, так как человек «без культуры» — неполноценное существо, его с легкостью можно подвергнуть насилию и уничтожению, что доказали многие тоталитарные системы, которые, как правило, начинали с ликвидации памяти о культуре, а потом и самого человека. «Мудрости» творчества Кубади мы уже немало коснулись. И хотя проведенный нами анализ еще не завершен, стоит подумать, можно ли говорить о «красоте» его произведений и в чем она заключается.

Фильмы Бахмана Кубади в первую очередь потрясают. Однако имеет смысл задуматься над способом такого потрясения, заложен ли он в формальном плане или скрыт в сюжетном построении его произведений? Деврим Кылыч указывает на несколько существенных элементов пространства фильмов Кубади. Это природа, являющаяся постоянным фоном действия, привязанность к которой заложена в курдской культуре. Природа создает также атмосферу фильма, способ ее изображения относится к идее фильма, повествует о его героях, и даже становится самостоятельным героем¹. Интересно отметить, что именно такую же роль играет природа в романах Сейта Альпа (1945–2000), курдского писателя, писавшего на турецком языке².

Рассматривая мир природы в фильмах Кубади, Кылыч особое значение придает горам, которые постоянно присутствуют, являясь для курдов местом жительства и убежищем, а также источником мистических переживаний³; снегу, создающему атмосферу холода,

¹ Kılıç D. Bahman Ghobadi'nin Filmlerinde Kürt Kimliği... P. 141, 145.

² См.: Bocheńska J. Seyit Alp. Hołd złożony naturze i dyskurs z Ehmede Chanım // Między ciemnością i światłem. O kurdyjskiej tożsamości i literaturze. P. 292–314.

³ Kılıç D. Bahman Ghobadi'nin Filmlerinde Kürt Kimliği... S. 141–142.

одинокости и одновременно являющемуся символом чистоты и невинности¹. Кроме того, Кылыч обращает внимание и на другие, столь же важные элементы курдского пейзажа в творчестве Кубади. Это дорога, которая воспринимается Кылычем в рамках богатой традиции так называемого «роад — муви»²; граница, или, точнее сказать, границы. Их обязаны пересекать или скитаться вокруг них герои большинства фильмов Кубади. Они символизируют разоренную страну, но также и судьбу людей³; колючая проволока, которая постоянно мешает перемещаться и создает впечатление отчужденности и жестокости пространства⁴. Стоит добавить, что облик «колючего пространства» усугубляется благодаря иссохшим деревьям и кустарникам, которые появляются во многих сценах большинства фильмов Кубади. Мины, которые являются обязательным соседством для жителей Курдистана. Они везде, об их присутствии нельзя забывать. Мины препятствуют свободному перемещению и обработке земли. Но, одновременно, они дают работу сиротам из лагеря беженцев (фильм «И черепахи умеют летать»)⁵. Дети, профессия которых собирать и продавать мины — это и есть страшный символ войны и жестокости. Но подобно Ивану из фильма «Иваново детство», они потрясают своей «взрослой» готовностью реализовать дело, не предназначенное для детства.

Кылыч отмечает и разоренные, опустевшие деревни⁶. В них падают, как будто случайно, герои фильмов «Песня из страны моей матери» и «Полумесяца». Что особо интересно, название деревни, часто забытое или перепутанное пришельцами, ее внешний облик не совпадает с их воспоминаниями.

¹ Ibid. S. 143–144.

² Ibid. S. 144–145.

³ Ibid. S. 150–155.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. S. 168–169.

⁶ Ibid. S. 146.

Кылыч обращает также внимание на трагедию курдских женщин¹ и некоторые черты культуры курдов (одежда, музыка, язык)², подчеркивая, что Кубади отображает их бережно и внимательно. Таким образом, по мнению Кылыча, режиссер в своих фильмах следует курдской идентичности, которая основана на реализме³. Однако, как это отмечалось выше, представленный Кылычем анализ творчества Кубади все же представляется неполным, он втиснут в рамки «культуры бедных и угнетенных», которые погружены в свои страдания, бедны и не способны ни на что другое. Стоит отметить также, что, придавая большое значение пространству, изображенному в фильмах Кубади, Кылыч почти не обращает внимания на взаимоотношения героев. А ведь через сопоставление пространства с судьбой, действием, чувствами и духовным миром как взрослых, так и детских персонажей можно понять, в чем именно заключается «красота» фильмов Кубади. Стоит здесь обратить внимание на общие черты кадра Кесьлевского и Кубади, для которых, как это подчеркивалось выше, очень важным является опыт документального и короткометражного кино. Создается впечатление, что смысл кадра у обоих режиссеров сосредоточен на пристальном и одновременно бережном наблюдении за человеком, который показан в трудные или важные для него моменты. Этот подход можно определить как поиск невыражаемых словами эмоций и переживаний, интимного пространства, которому подчинены все средства киноповествования. И хотя сближения как в картинах Кесьлевского, так и Кубади не преобладают, они являются существенным элементом характеристики героев. В этом, пожалуй, и заключается возможность воспринимать искусство «бедных и угнетенных», как и кино, вроде реализма Кесьлевского и Кубади, которое на первый взгляд ни о чем особом не повествует, более того, неоднократно показывает жалкие и «некрасивые» условия жизни.

¹ Ibid. S. 165–167.

² Ibid. S. 158–165.

³ Ibid. S. 169–172.

В фильме «Время пьяных лошадей» (сорани: *Katêk bo mestîy hespekan/курманджи: Dema hespên serxweş*, 2000) в центре внимания режиссера семья, лишенная отца и матери. И хотя с точки зрения традиционных законов курдского общества ответственность за нее несет самый близкий родственник, как правило брат отца, все отлично понимают, что главные заботы возложены на самого старшего брата детей — Эюба. Нелегко приходится ему зарабатывать деньги. В его деревне единственным занятием, приносящим деньги, является контрабанда, перевоз разных вещей через иракско-иранскую границу. Деньги требуются не только на еду и предметы первой необходимости. Больному брату Эюба Мади, который, несмотря на свои 15 лет, выглядит как маленький ребенок, нужна операция. Ее могут сделать только в Ираке. Мади страдает, ему осталось жить несколько месяцев. Но ни для Эюба, ни для его сестер Рожин и Эмине нет сомнений в том, что Мади необходимо лечение. Хотя они говорят немного, благодаря сближениям и лаконичным диалогам зрителю становится понятно, что они очень близки, любят и уважают друг друга, невзирая на жалкие условия, в которых живут. Ради Мади и его здоровья они готовы пожертвовать собой. Эюб готов взяться за любую работу, рискуя жизнью. Рожин не раздумывая соглашается на замужество с совершенно чужим ей человеком, лишь бы спасти брата. Готовность пожертвовать собой во имя любви — это, пожалуй, и есть главная идея фильма. Живущие на окраине мира, в полном забвении, дети ведут себя по-человечески даже в нечеловеческих условиях. Их повседневная жизнь построена на определенном ритме. Все в ней повторяется. Эюб живет от одного похода контрабандистов до другого, Мади — от укола к уколу; они, как и другие жители деревни, ходят по тем же одинаковым тропинкам, не задумываясь, можно ли иначе. Страданию детей никто не удивляется, потому что все к этому привыкли, и никого из жителей деревни нельзя за это упрекать. Лишь любовь друг к другу придает столь тягостной жизни значение, вопреки всему она заставляет верить и надеяться, что спасти Мади все-таки удастся.

Любовью руководствуется и Мирза из фильма «Песня из страны моей матери». По своему сюжету этот фильм во многом напо-

минает «Полумесяц». Как и в «Полумесяце», главным героем фильма является признанный курдами композитор-музыкант и его сыновья. Вопреки сыновьям — Аудеху и Барату — Мирза отправляется искать свою бывшую жену, Хенарех, о которой известно, что, влюбившись, она убежала с другом Мирзы в иракскую часть Курдистана. Стоит отметить, что по традиции измена женщины подвергалась строгому наказанию, вплоть до смерти. Но Мирза безразличен к этому беспощадному голосу курдской и ближневосточной традиции. Он ищет свою жену среди беженцев, убежавших в Иран от химических атак Саддама Хусейна. Мирза не обращает внимания на сомнения своих сыновей, которые убеждают его, что женщину, которая изменила ему и разрушила жизнь семьи, просто не стоит искать. Наконец, он находит ее в одном из лагерей. Ее любимый погиб, а искалеченная химическим оружием и потерявшая свой красивый голос Хенарех не хочет даже видеться с бывшим мужем. Она лишь просит Мирзу взять к себе ее дочь Синур. Несмотря на снисходительное отношение к отцу, его сыновья тоже меняются за время этого пути. Барат наконец-то влюбляется и остается в одном из лагерей, желая помочь своей избраннице. Аудех, несбывшейся мечтой которого было иметь сына, решает усыновить сироту.

Заключение

Герои Кубади показаны на фоне монументальной горной природы. Правда, согласно Кылычу, она становится важным, создающим атмосферу фоном и даже одним из героев. Однако, поняв сюжет фильмов Кубади в рамках метафизического рассказа, можно указать и на другое значение горного пейзажа. Покрытые снегом, царствующие над долинами вершины гор, деревни, пыльные или влажные дороги и скитающиеся по ним люди напоминают «человечков» из картин Питера Брейгеля Старшего. В фильмах Кубади персонажи изображены в сближении и как маленькие силуэтики на фоне гор. Они предстают перед нами как близкие нам люди, но, с

другой стороны, мы смотрим на их жизнь сквозь призму не только географической, но какой-то мистической дистанции. Они показаны не только как курды из Курдистана, но и как жители Вселенной, которые вечно куда-то спешат, о чем-то заботятся, живут и умирают, любят и страдают. И именно в этом заключается «неуловимая красота» фильмов Бахмана Кубади, она сильнее «удручающего реализма», хотя и построена на нем. Пользуясь скудными средствами, локальной поэтикой, превосходной интуитивной чувствительностью к собственной культуре, история которой глубже, чем постоянно приклеенное пятно «бедных и угнетенных», Кубади создает великолепную метафизическую картину. Его творчество стоит рассматривать как единое целое, которое развивается, пополняя диапазон значений и вопросов. Режиссер, конечно, связан как с иранским, так и с мировым кино, в котором он занимает далеко не последнее место. Но все-таки источников вдохновения и имеющих смысл связей стоит искать прежде всего в Курдистане, с жителями которого режиссер эмоционально глубоко связан, которых он любит, не покидает и для которых снимает свое кино. За восклицаниями восторга по поводу творчества Кубади должен возникнуть интерес к культуре курдов, неотъемлемой частью которой являются его картины. Без этого просто нельзя понять и правильно оценить его искусство.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОСНОВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КУРДСКОЙ АВТОНОМИИ В СОВРЕМЕННОМ ИРАКЕ

Становление Ирака как государства и развитие иракского общества в новейшее время проходило под воздействием разнородных по своему содержанию внутренних и внешних факторов, к которым относятся прежде всего природно-географическое положение, историческое и социально-экономическое развитие территорий, образующих нынешнее государство, а также само иракское общество, которое имеет очень сложную и неоднородную структуру. Оно формировалось после политической консолидации страны под британским мандатом (тогда впервые была создана четкая административная система управления, разделившая страну на провинции, во главе которых стоял губернатор, а провинции — на более мелкие единицы — округа и волости) из совершенно разнородных этнических, религиозных, племенных¹ и локальных сообществ, из которых Ирак был собран после распада Османской империи.

¹ Арабское население проживало в основном на равнинах Центрального Ирака и на юге страны и занималось земледелием на орошаемых землях. Территория к юго-западу и западу от Евфрата, южнее Багдада, а также вокруг Джебель Хамрина принадлежала бедуинам, разводившим верблюдов. Прибрежные части Тигра и Евфрата были заняты полуоседлыми племенами. Население Северного и Северо-Восточного Ирака исповедовало ислам суннитского толка, а большинство населения юга и центральных областей — шиизм. Из арабских племен половина были суннитами, половина — шиитами. Некоторыми шиитскими племенами правила суннитская верхушка. Так было, например, в конфедерации племен мунтафик. В другие племенные объединения входили сторонники обоих направлений ислама. По образу жизни арабское население Ирака делилось на кочевых, полукочевых и оседлых. В 1927 году в Ираке проживало 1 146 685 суннитов; 1 494 015 шиитов, 87 488 евреев; 78 792 христиан и 42 302 представи-

За всю историю независимого развития Ирака в стране было принято шесть конституций (не считая конституцию 2004 г., которая носила учредительный характер), определявших основы государственного строя, правовую и политическую систему страны.

Первый основной закон был принят в 1924 г. в период британского мандата и стал на тот момент одной из самых прогрессивных конституций на Ближнем Востоке. Нижняя палата избиралась на 4 года путем двухступенных выборов, в которых принимали участие в качестве избирателей мужчины — граждане Ирака, отвечавшие требованиям определенного имущественного ценза (на каждые 20 тыс. человек избирался 1 депутат). Гражданин, удовлетворявший всем требованиям избирательного закона, считался «первичным избирателем», и ему предоставлялось право голосовать за «вторичных избирателей». На каждые 250 первичных избирателей приходился один вторичный, сохранявший свои права до новых выборов¹. Важно отметить, что права меньшинств защищались постановлением, согласно которому в парламенте должно было быть как минимум по 4 представителя от христианской и иудейской общин. Первые выборы в иракский парламент состоялись в 1925 г., вторые — в 1928 г., третьи — в 1930 г. В каждый парламент в основном попадали шейхи племен, помещики и состоятельные горожане. Городское население было представлено 20 депутатами, в то время как племена избирали 100 депутатов.

Конституция продолжала действовать и после провозглашения в 1932 г. независимости Ирака, а существенные изменения, направленные на максимальное усиление исполнительной власти, были внесены в конституцию только в 1943 г.

27 июля 1958 г. была принята временная конституция, которая закрепила значительную роль правительства и вообще обошла молчанием вопрос о создании выборного, законодательного органа (парламента). Однако именно эта конституция впервые уравнила в

телей других конфессий. — См.: Корсун Н. Г. Арабский Восток. Ирак. М., 1928. С. 243.

¹ Закон о прямых выборах был принят только 16 декабря 1952 г.

правах курдов и арабов и декларировала осуществление «национальных чаяний курдского народа» в рамках единого государства, а также ликвидировала «позорное наследие прошлого — национальную дискриминацию, которая поддерживалась империалистами». Арабо-курдское единство в этот период рассматривалось в качестве краеугольного камня государства, а удовлетворение национальных требований курдов — как одна из главных проблем страны. Были предприняты и некоторые практические шаги, направленные на ее решение: в частности, после победы революции руководители курдского освободительного движения получили возможность вернуться на родину. Руководитель курдского восстания в годы Второй мировой войны Мустафа Барзани указывал, что «временная конституция, гарантирующая равные права арабам и курдам, открывает широкие перспективы для сплочения народов Ирака, предусматривает необходимые условия для создания демократического общества, исполненного духом взаимного сотрудничества, доверия и дружбы»¹.

В административные органы Мосула, Киркука, Эрбиля и Сулеймании вошли представители курдского народа. Министры-курды были и в составе центрального правительства, а курд Халед Накшбанди даже возглавил Государственный совет, осуществлявший функции коллективного президента республики. С возвращением на родину председателя Демократической партии Курдистана М. Барзани и его соратников влияние этой партии значительно возросло, и в декабре 1958 г. она вошла во Фронт национального единства. Однако, несмотря на безоговорочную поддержку, оказываемую со стороны курдов правительству Касема, вскоре началась кампания по разжиганию вражды между арабами и курдами, которая разворачивалась на фоне общей нестабильной внутриполитической ситуации.

С ноября 1963 г. до июля 1968 г. у власти в Ираке находились правонационалистические военные круги, и государственно-правовое развитие страны несло на себе печать противоречий и не-

¹ Данциг Б. М. Ирак в прошлом и настоящем. М., 1960. С. 74.

последовательности. 3 мая 1964 г. была принята еще одна временная конституция, которая объявляла Ирак «суверенным демократическим социалистическим государством», а иракский народ рассматривался как «часть арабской нации». Конституция декларировала равенство иракцев в правах, «социальную солидарность» как основу иракского общества и ставила задачу достижения «социальной справедливости, исключающей всякие формы эксплуатации». Конституция не гарантировала свободы деятельности политических партий и вместо предоставления курдам автономии ограничилась декларированием равенства иракских граждан перед законом независимо от их религиозной, национальной и социальной принадлежности и пола, а также подтверждала национальные права курдов «внутри иракского народа путем создания объединенного национального братства».

21 сентября 1968 г. была провозглашена новая временная конституция, в соответствии с которой Ирак был объявлен народно-демократической республикой. Была выдвинута задача «построения социализма» при одновременной гарантии «неприкосновенности частной собственности». Основным законом страны юридически оформил формирование нового органа власти в Ираке — Совета революционного командования (СРК), за которым на неопределенный срок закреплялась высшая государственная власть. Конституция провозглашала равенство всех граждан перед законом и гарантировала политические права и свободы (кроме свободы создания политических партий). Курдам и другим национальным меньшинствам также гарантировались гражданские права, однако конституция не конкретизировала их содержания.

С приходом к власти Саддама Хусейна (в 1974 г., когда он фактически заменил заболевшего президента аль-Бакра, а в 1979 г. — официально) начинается постепенный отход от генеральной идеи развития Ирака в рамках панарабского национализма к идее так называемой «месопотамской и иракской идентичности», охватывающей всех иракцев, включая неарабов и немусульман.

Временная конституция, вступившая в действие 16 июля 1970 г., закрепив за Партией арабского социалистического возрождения

дения (ПАСВ) роль руководящей силы, юридически оформила такую политическую систему общества, которая способствовала установлению прочной и эффективной вертикали государственной власти и созданию единого партийно-государственного механизма (функционировавшего до 2003 г.), ядром которого стал суннитский клан. Согласно этой конституции Ирак был провозглашен «суверенной народной демократической республикой. Основная цель Ирака — создание единого арабского государства и установление социалистического строя».

11 марта 1974 г. решением СРК был принят Закон «Об автономии Курдистана» и внесены соответствующие изменения во временную конституцию страны. Закон объявлял о создании Курдского автономного района (КАР) с центром в г. Эрбиль. Автономия осуществлялась в рамках Иракской Республики. На территории КАР курдам гарантировались все гражданские права и политические свободы, курдский язык признавался официальным наравне с арабским. Для управления автономным районом предусматривалось создать органы законодательной, исполнительной и судебной власти с ограниченными полномочиями: Законодательный совет, Исполнительный совет, суды КАР. В центральном правительстве вводилась должность государственного министра по делам севера, который должен был утверждать все решения органов власти КАР.

Этот закон был негативно воспринят М. Барзани, так как уже происходило принудительное выселение курдских семей и замена их иракскими арабами в районе Киркука. В 1975 г. между курдами и иракским правительством вспыхнула война, однако курды не демонстрировали своего стремления отделиться от Ирака. Важно отметить, что вопрос об отделении не возникал и тогда, когда Багдад был ослаблен и не мог оказать решительного сопротивления, в частности после установления в 1991 г. решением СБ ООН «Зоны безопасности» севернее 36-й параллели (из которой были полностью выведены иракские войска). В результате этого прошли первые выборы в Национальный совет, было сформировано правительство, но все это происходило под лозунгом предоставления Курдистану полной автономии.

Со второй половины 1970-х гг. на политической карте Курдистана присутствовали две силы — ДПК во главе с сыном Барзани Масудом и Патриотический союз Курдистана, созданный Джалалем Талабани. До середины 1990-х гг. их сближения не произошло, хотя, казалось бы, этому должна была способствовать ирано-иракская война. Более того, в начале 1980-х гг. начались ожесточенные столкновения между вооруженными отрядами ДПК и ПСК. Только после серьезных поражений курдов от иракской армии они вступили в переговоры, поделили в 1992 г. поровну места в курдском парламенте и создали «коалиционное правительство». Но и это не привело к прекращению борьбы между двумя курдскими объединениями. Не помог и организованный США в 1998 г. приезд Масуда Барзани и Джалаля Талабани в Вашингтон и заключенное между ними соглашение (США были заинтересованы в сильном Курдистане в качестве противовеса Багдаду). Фактически до 2002 г. в Иракском Курдистане существовали два правительства, и только в конце 2002 г. удалось сформировать единое правительство.

Вторжение США в Ирак в 2003 г. привнесло в курдское движение определенные сепаратистские настроения. США встали перед дилеммой: либо поддерживать такие настроения и окончательно разделить Ирак на части, либо сохранить Иракский Курдистан в составе общего государства в расчете на поддержку курдов в отстаивании своих интересов. Как представляется, Вашингтон выбрал второй вариант, так как поддержка сепаратистских настроений способствовала бы разжиганию противоречий с Турцией — важным союзником по НАТО.

В марте 2004 г. в городе Салах эд-Дин состоялась конференция по вопросам общекурдского примирения, организованная ДПК и ПСК. Курды стали основной опорой американской политики по созданию временного правительства в Багдаде и выработке конституции. В том же году курды собрали и направили в ООН 1,7 млн. подписей в поддержку референдума о самостоятельности Курдистана. Одновременно росло недовольство арабского населения Ирака той ролью, которую начали играть курды в общеиракском политическом процессе. Парламент, избранный в 2006 г., назначил ново-

го президента — им стал Джаляль Талабани. Его заместителями стали шиит и суннит. Правительство возглавил шиит, а в парламенте 48% мест принадлежало поддерживаемому шиитским духовенством Объединенному иракскому альянсу; 25% мест — коалиции двух ведущих курдских партий. Наряду с этим была достигнута договоренность, что главой Иракского Курдистана станет Масуд Барзани.

Новый этап политико-правового развития Ирака начался 15 октября 2005 г.: правовые основы государственного строя были закреплены новой постоянной конституцией, одобренной в ходе всеобщего референдума большинством участвовавших в голосовании. Конституция гарантировала исламскую идентичность большинства иракского народа при одновременном признании религиозных прав каждого человека, свободы его вероисповедания и отправления религиозных обрядов; закладывала основу для прямого влияния ислама на текущее законодательство (провозглашая ислам государственной религией), однако сразу же оговаривая, что ни один закон не может противоречить принципам демократии (без конкретизации этих принципов), а также правам и основным свободам, провозглашенным в Конституции.

Конституция характеризует Ирак как полиэтническое и поликонфессиональное государство, которое является частью исламского мира, а его народ — частью арабской нации. Официальными языками страны являются арабский и курдский, при этом любой район или провинция могут использовать в качестве дополнительного местный язык, но при условии, если большинство населения данной местности одобрит это на всенародном референдуме.

Нормы о правах и свободах человека и гражданина выдержаны в моделях западной концепции демократии. Ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина возможно лишь на основании закона и в такой мере, чтобы такое ограничение не подрывало самого существа гражданских прав и свобод. Важнейшей задачей послевоенного Ирака по-прежнему остается восстановление экономики и разрушенной инфраструктуры, что отразилось и в конституции, которая декларирует поощрение со стороны государ-

ства привлечения инвестиций в различные отрасли экономики. В этой сфере одним из спорных вопросов считался вопрос о распределении добычи и доходов от нефти между различными районами. С целью предотвращения дальнейших конфликтов по поводу распределения средств, полученных от продажи нефти, конституция подробно оговаривает эти вопросы. Декларируется, что нефть и газ являются собственностью всего иракского народа во всех районах и провинциях. При этом Федеральное правительство осуществляет управление нефтяными и газовыми ресурсами, добываемыми из действующих источников в сотрудничестве с правительствами производящих районов и провинций при условии, что доходы будут справедливо распределяться на демографической основе по всей стране. Квота будет определена в установленное время для тех районов, которые были ее лишены несправедливым путем прежним режимом с тем, чтобы обеспечить сбалансированное развитие различных частей страны, что должно быть урегулировано последующим законом. Федеральное правительство и правительства производящих районов и провинций должны совместно разработать необходимую стратегическую политику по развитию нефтяного и газового богатства с целью получения наибольшей выгоды для иракского народа.

Конституция устанавливает в Ираке федеративную форму государственного устройства, которая включает в себя столицу, регионы, провинции и местную администрацию и характеризует ее как «демократическую», предоставляя районам большую автономию. Конституция декларирует довольно гибкий порядок изменения федеративной структуры, разрешая регионам включать в себя одну или несколько провинций, а несколько регионов могут объединяться в один регион, при этом одна или несколько провинций могут быть преобразованы в регион как наиболее значимый субъект федерации¹. При этом регионы обладают собственной системой го-

¹ Одна или несколько провинций имеют право образовать регион на основании предложения о проведении референдума, который может состояться при следующих условиях: по требованию не менее 1/3 членов каждого из

сударственных органов. Законодательная власть осуществляется избираемым на основе всеобщего, прямого и тайного голосования Национальным советом региона, который принимает конституцию региона и издает региональные законы, не противоречащие федеральной конституции и федеральным законам, причем конституция региона для ее утверждения должна быть вынесена на всеобщий референдум жителей данного региона и получить одобрение большинства проголосовавших. Совет министров является высшим исполнительным органом региона и осуществляет свои полномочия под контролем и руководством губернатора района.

В соответствии со статьей 121 Конституции власти регионов:

1. Имеют право осуществлять законодательные, исполнительные и судебные полномочия в соответствии с настоящей конституцией, за исключением полномочий, являющихся исключительной компетенцией федеральных властей.

2. В случае противоречия между федеральным и региональным законодательством по вопросам, которые не относятся к исключительной компетенции федеральных властей, власти региона имеют право корректировать применение федерального законодательства.

3. Регионы и провинции получают соответствующую долю национальных средств, необходимых для надлежащего выполнения своих обязанностей и полномочий с учетом ресурсов региона, его потребностей и пропорции проживающего в нем населения.

4. При посольствах и дипломатических миссиях создаются управления по регионам и провинциям для решения вопросов культурного, социального и местного развития.

5. Правительство региона несет ответственность за административное управление регионом, в частности за учреждение и организацию сил внутренней безопасности, таких как районная полиция, служба безопасности и охраны.

провинциальных советов в провинциях, которые выражают желание сформировать регион; по требованию не менее 1/10 части избирателей в каждой из провинций, выразивших желание образовать регион.

Отдельная статья Конституции признает регион Курдистана и его существующие региональные органы власти на момент вступления конституции в силу.

Таким образом, новая конституция Ирака фактически способствовала политизации общинного партикуляризма, заложив юридическую базу федеративного децентрализованного государства и предоставив каждой провинции широкие полномочия в области самоуправления.

Юридическое положение курдов в политической системе современного Ирака определяется кроме вышеуказанных статей конституции Избирательным законом Ирака 2009 г., Законом № 36 от 2008 г. «О выборах в провинциальные, районные и субрайонные советы», Законом № 1 от 1992 г. (с поправками) «О выборах в Национальную ассамблею (парламент) Курдистана», распоряжением ВНИК № 10 от 2009 г. (июнь) «О выборах в парламент Курдистана», Законом № 1 от 2005 г. «О Президенте Курдистана», Распоряжением ВНИК № 9 от 13 мая 2009 г. «О выборах Президента Курдистана».

Нынешний Ирак разделен на 18 провинций. Каждая провинция представляет собой единый избирательный округ, которому в соответствии с конституцией и законами в Совете представителей Ирака предоставлено количество мест, пропорциональное количеству населения, проживающего в этой провинции в соответствии с официальной статистикой, предоставленной Министерством торговли. Каждый избиратель осуществляет свое избирательное право лично в избирательном округе, в котором он зарегистрирован в списке регистрации, при соблюдении положений Закона № 36 от 2008 г. «О выборах в провинциальные, районные и областные советы»¹.

Последние выборы в Совет представителей Ирака состоялись 7 марта 2010 г.². Наибольшее количество голосов набрал блок

¹ Закон № 36 от 2008 г. «О выборах в провинциальные, районные и областные советы» (на ар. яз). — [электронный ресурс] — режим доступа: <http://www.parliament.iq/>

² На 325 депутатских мандатов претендовали 6218 кандидатов, представ-

«Иракский список», возглавляемый бывшим временным премьер-министром Ирака Айдом Алауи, чуть меньше получила коалиция «Правовое государство», возглавляемая премьер-министром Ирака Нури аль-Малики, 70 мест получил Объединенный иракский альянс, объединение «Курдистан» получило 43 места. Голоса распределились следующим образом:

Партия (избирательный блок)	Кол-во поданных голосов	Кол-во мест в Совете представителей
Иракский список (иракцы)	2 849 612	91
Коалиция «Правовое государство»	2 792 083	89
Объединенный иракский альянс	2 092 066	70
Курдистан	1 681 714	43
Движение за перемены	476 478	8
Иракское единство	306 647	3
Фронт иракского согласия	298 226	6
Курдский исламский союз	24 372	4
Исламское курдское общество	15 253	3
Список Двуречья	-	1
Итого	10 536 451	318

Оставшиеся 7 мест были распределены между победившими партиями. При этом количество мест в Совете представителей в 2010 г. было увеличено с 275 до 325 по сравнению с выборами 2005 г.¹ Количество мест, выделенных для каждой провинции, было изменено следующим образом¹:

ляющих 86 политических партий и объединений. Выборы прошли в 18 провинциях страны, поделенных на 10 тыс. избирательных округов. За рубежом проголосовало 275 тыс. иракцев. Наибольшая явка, почти 37 тыс., была зарегистрирована в Сирии. В Багдаде к урнам для голосования пришли 53% зарегистрированных избирателей. Всего до голосования было допущено 18,9 млн. граждан страны.

¹ Council of Representatives Election: nomination of candidates. — [электронный ресурс] — режим доступа: — www.uniraq.org/electoral/; Council of

Провинция	Места 2010 г.	Места 2005 г.	Увеличи- вается на	Изменение до- ли, в %
Багдад	68	59	9	15,3
Салах ад-Дин	12	8	4	50,0
Дияла	13	10	3	30
Уасит	11	8	3	37,5
Мисан	10	7	3	42,9
Басра	24	16	8	50,0
Зи-Кар	18	12	6	50,0
Аль-Мутана	7	5	2	40,0
Аль-Кадисийа	11	8	3	37,5
Бабиль	16	11	5	45,5
Кербела	10	6	4	66,7
Ан-Наджаф	12	8	4	50,0
Аль-Анбар	14	9	5	55,6
Нинауа	31	19	12	63,2
Дохук	10	7	3	42,9
Эрбиль	14	13	1	07,7
Киркук	12	9	3	33,3
Сулеймания	17	15	2	13,3
Компенсационные места	7	45	-38	-15,6
Меньшинства	8	0	8	100
ВСЕГО	325	275	50	18,2

Основные события нескольких месяцев 2009 г. в Ираке были связаны с политической борьбой вокруг принятия нового закона о выборах. Борьба за содержание нового закона о выборах продемон-

Representatives Election: Apportionment of Council of Representatives Seats. — [электронный ресурс] — режим доступа: www.uniraq.org/electoral/; Council of Representatives Election: Certification of Political Entities. — [электронный ресурс] — режим доступа: — www.uniraq.org/electoral/

¹ Источник: Independent Electoral Commission of Iraq. Официальный сайт Независимой Избирательной Комиссии Ирака: http://www.ieciraq.org/English/Frameset_english.htm,

стрировала всю глубину межконфессиональных и межэтнических противоречий в стране. 8 ноября 2009 г. иракский парламент принял неоднократно откладываемый новый Избирательный закон. Это стало возможным после того, как законодателям удалось в основном преодолеть разногласия по квоте депутатов для курдской автономии. Организация выборов в богатом нефтью Киркуке, спор вокруг которого ведут между собой курды, арабы и туркоманы, являлась главным препятствием на пути принятия закона. Из-за разногласий по этому вопросу голосование в парламенте откладывалось несколько недель.

В соответствии с принятым законом, выборы в Киркуке должны были проходить одновременно со всеми остальными провинциями Ирака и по избирательным спискам 2009 г., как на том настаивали курды. Однако после выборов списки эти должны были быть тщательно проверены специально созданной для этого комиссией. Если бы она выявила нарушения, то выборы в Киркуке должны были пройти через год повторно. При этом арабы и туркоманы утверждали, что новые избирательные списки отражают увеличение доли курдов в провинции за счет проводившегося в последние годы их массового переселения в Киркук. Они предпочитали голосование по спискам 2004 г. или 2005 г. Курды, со своей стороны, заявляли, что в Киркук вернулись лишь те, кто был выселен из провинции в годы проводившейся при Саддаме Хусейне насильственной ее арабизации.

Также было одобрено положение о том, что Киркук должен оставаться единым избирательным округом, на чем настаивали курдские политики, тогда как арабы и туркоманы требовали создания в городе двух округов для избрания депутатов по национальной принадлежности. Кроме того, депутаты проголосовали за так называемые открытые списки, что позволяло избирателям голосовать за конкретных кандидатов, а не за партийные списки, как это было ранее. 5% депутатских мест было выделено для представителей национальных и религиозных меньшинств.

Однако один из вице-президентов Ирака — суннит Т. аль-Хашеми — наложил вето на новый закон, так как для иракцев, про-

живающих за рубежом (около 4 млн. человек — в основном беженцы-сунниты, покинувшие страну после 2003 г.), в нем было выделено всего 5% мест, тогда как Т. аль-Хашеми настаивал на 15%. На большем представительстве для себя настаивали также иракские курды.

После того как аль-Хашеми наложил вето на избирательный закон, Высшая независимая избирательная комиссия (ВНИК) Ирака прекратила подготовку к намеченным на конец января 2010 г. парламентским выборам. Их отсрочка вызвала в Ираке и за его пределами серьезные опасения относительно ухудшения ситуации в стране, а также возможного срыва планов США по прекращению военных операций в Ираке к лету 2010 г. и полному выводу войск из страны до конца 2011 г.

23 ноября 2009 г. парламентарии, преодолев вето Т. аль-Хашеми, приняли исправленный вариант Избирательного закона. Согласно внесенным в него поправкам, все иракцы, в том числе проживающие в настоящее время за рубежом, получили одинаковый статус. Тем не менее для последних квота мест в парламенте не была повышена до 15%. К тому же сунниты остались недовольны тем, что списки избирателей базировались на данных 2005 г. — года последних парламентских выборов, плюс 2,8% среднегодового прироста населения, а не на данных 2009 г. По мнению суннитских политиков, это снижало представительство суннитской общины в парламенте. В то же время исправленный вариант закона увеличивал число депутатских мест для курдской автономии. Т. аль-Хашеми заявил, что, в случае если требуемые им изменения не будут внесены в Избирательный закон, он не исключает повторного использования права вето. Глава правительства Н. аль-Малики заявил, что действия Т. аль-Хашеми «создают угрозу безопасности, экономике и Конституции страны».

В окончательном варианте новый Избирательный закон был принят парламентариями 6 декабря 2009 г.¹ «За» новый закон про-

¹ Закон «О выборах в Совет представителей Ирака» от 6 декабря 2009 г. (на арабск. яз.). — [электронный ресурс] — режим доступа:

голосовал 141 законодатель из 195 присутствовавших в парламенте. Закон провозгласил пропорциональную избирательную систему, использованную в январе и декабре 2005 г. и впервые позволил голосовать иракцам, проживающим за рубежом.

В соответствии с новым законом Совет представителей ныне состоит из 325 членов, 310 мест из которых распределяются между провинциями, а 15 — являются компенсационными мандатами, из которых 8 должны быть зарезервированы за основной частью кандидатов. Места, предназначенные избирательным округам, распределяются среди политических партий через систему открытых списков по пропорциональному представительству: каждой политической партии предоставляется число мест, полученное путем деления общего числа голосов, полученных каждой партией на основе «избирательной квоты» (общее число действительных голосов в избирательном округе, поделенное на количество мест, предоставляемое данному избирательному округу). Места должны быть предоставлены кандидатам политической партии по партийному списку, начиная с кандидата, имеющего самое большое число голосов до тех пор, пока все места будут предоставлены политическим партиям. Любые оставшиеся свободные места должны быть предоставлены избирательным спискам, пропорционально полученным головам. Резервные места распределяются из компенсационных мест тем зарегистрированным политическим партиям, которые получили наибольшее число голосов в своем избирательном округе.

В соответствии с Законом № 1 от 1992 г. «О выборах в Национальную ассамблею (парламент) Курдистана», в полномочия парламента Иракского Курдистана входит довольно широкий круг вопросов, а именно:

- принимать региональные законы, не противоречащие федеральному законодательству;
- принимать резолюции и соглашения, касающиеся важнейших вопросов народа Иракского Курдистана;

- назначать председателя исполнительной власти, который имеет полномочия назначать членов исполнительной власти из членов парламента или других лиц;
- осуществлять контроль за работой исполнительной власти;
- принимать бюджет и план стратегического развития;
- определять внутренний регламент и бюджет, а также решать вопросы найма служащих в парламента;
- учреждать постоянные и временные комитеты из членов парламента в соответствии с внутренним распорядком;
- принимать правила, касающиеся преследования и осуждения членов парламента за преступления, связанные с нарушением их присяги;
- принимать большинством в 2/3 голосов присутствующих решения по вопросам, касающимся апелляций в отношении действительности избрания членов парламента.

Выборы в парламента Курдистана¹ являются прямыми и тайными; член парламента представляет весь народ Иракского Курдистана. Парламент Иракского Курдистана состоит из 111 мест, которые распределяются следующим образом: 100 общих мест, 11 мест резервируются за национальными группами следующим образом: 5 мест — за халдеями, ассирийцами; 5 мест — за туркоманами; 1 место — за армянами. Места, предназначенные для меньшинств, должны распределяться только между кандидатами от этого меньшинства. Кандидаты от каждого меньшинства избираются избирателями только этих меньшинств.

Регион Курдистана рассматривается как один избирательный округ, который делится на избирательные участки. Граждане Курдистана, которые проживают вне данного региона, имеют право

¹ Закон № 1 от 1992 г. (с поправками) «О выборах в Национальную ассамблею (парламент) Курдистана» // Kurdistan National Assembly Elections Law — Iraq (KNA). — № 1 For the year 1992. — [электронный ресурс] — режим доступа: www.uniraq.org/electoral/

участвовать в выборах органов власти Курдистана. Голосование проводится в один день по всей территории Иракского Курдистана. Кандидатом в парламент Иракского Курдистана может быть: гражданин, проживающий в Иракском Курдистане; обладающий избирательными правами в полном объеме и достигший 26 лет; умеющий хорошо читать и писать; не быть обвиненным в преступлениях морального характера; не быть обвиненным или заключенным в тюрьму по обвинению в убийстве или воровстве; не быть участником преступлений, которые планировались и были осуществлены реакционными властями в Курдистане.

Каждое политическое объединение в Иракском Курдистане должно представить отдельный список своих кандидатов в парламент, где женщин должно быть не менее 30%. Имена кандидатов в списке должны быть составлены таким образом, чтобы обеспечить гарантию женского представительства. Каждый список должен содержать не менее 3 кандидатов. Списки кандидатов должны быть представлены в течение 3 дней с момента объявления выборов председателю Независимой избирательной комиссии Курдистана (НИКК) с необходимыми для этого документами. Независимая избирательная комиссия Курдистана образуется в соответствии с Законом № 1 от 1992 г. «О выборах в Национальную ассамблею Курдистана» для наблюдения за выборами в Курдистане и руководства избирательной кампанией. Эта комиссия несет ответственность за подготовку списков избирателей, может издавать инструкции, необходимые для осуществления избирательного процесса, назначать глав и членов избирательных комитетов, определяет методы контроля за выборами через административные органы; формирует избирательные комитеты.

По итогам голосования в Курдистане распределение общих мест осуществляется следующим образом: квота рассчитывается путем деления общего количества действительных голосов, поданных за общие списки, на количество вакантных общих мест. Количество действительных голосов, полученных каждым общим списком, затем делится на полученную квоту. Каждый общий список получает количество мест, равное целому числу, полученному от

этого деления. Если общий список получил равное одинаковое число мест, которое он имел в списке кандидатов, список объявляется исчерпанным и исключается из дальнейшего подсчета.

Места, оставшиеся после распределения целых квот и остающиеся незанятыми, распределяются следующим образом: одно вакантное место списку, имеющему наибольшее число оставшихся неиспользованных голосов, затем — одно место списку, имеющему следующее наибольшее число оставшихся голосов и т.д. (т.е. метод «наибольших остатков»). Если остаются другие свободные места, то они распределяются следующим образом: рассчитывается новая квота путем деления действительных голосов, полученных после предоставления целых мест на число целых мест, оставшихся после распределения по вышеназванной схеме. Количество вакантных мест, равное целому числу, получается в результате деления общего числа действительных голосов, полученных каждым списком по новой квоте, и предоставляется каждому списку.

Распределение мест по национальностям: места по национальностям (кроме армян) распределяются следующим образом: квота по национальностям рассчитывается путем деления общего числа действительных голосов, поданных за списки кандидатов по национальностям, на общее число мест, предназначенных для этой национальности. Каждому списку по национальностям предоставляется число мест, равное целому, полученному в результате деления общего числа голосов на полученную квоту. Если список по национальностям получил равное число мест, равное числу кандидатов в этом списке, он объявляется исчерпанным и исключается из дальнейшего подсчета. Места, оставшиеся после распределения по вышеназванной схеме, являются вакантными; одно место предоставляется списку, имеющему наибольший остаток неиспользованных голосов, одно место — списку, следующему по количеству неиспользованных голосов и т.д.

Распределение места для армян: действительные голоса, полученные списками по армянской национальности, рассчитываются; место предоставляется списку, имеющему наибольшее число действительных голосов. В случае если два или более списков получили

равное число действительных голосов, НИКК проводит жеребьевку для определения победителя для занятия места по армянской национальности.

Распределение мест между кандидатами: места, полученные политической партией, распределяются между кандидатами в порядке, установленном самой организацией и утвержденном НИКК. Политическая партия не может изменить имена кандидатов или их порядок в списке, который был утвержден НИКК. Общие списки, которые включают более 3 мест, должны иметь, по крайней мере, 30% мест, предоставляемых женщинам-кандидатам. Если менее чем 30% кандидатов списка предназначено для женщин, тогда кандидат-мужчина, стоящий в конце списка и получивший место в результате распределения мандатов, будет заменен следующим возможным кандидатом-женщиной и т.д. до тех пор, пока 30%-ная квота женщин-кандидатов не будет выполнена или когда в списке не останется больше женщин-кандидатов.

Если общее число женщин-кандидатов, получивших места в парламенте составляет менее 30% общего количества мест, тогда применяется следующее правило: количество женщин-кандидатов, необходимое для выполнения парламентской квоты, будет рассчитано путем вычитания общего количества мест, предоставленных женщинам-кандидатам из 34. НИКК проведет жеребьевку среди списков победителей на общие места, которым было предоставлено более 3 мест и которые все еще имеют непредставленных кандидатов-женщин. Стоящий в конце списка кандидат-мужчина, который получил место по общему списку и установленный посредством жребия, должен быть заменен следующим возможным непредставленным кандидатом-женщиной по этому списку.

НИКК объявляет имена победителей, которые становятся членами регионального парламента Иракского Курдистана. НИКК имеет полномочия аннулировать голоса в любом центре голосования, если был доказан факт взятки или обмана, который мог воздействовать на исход выборов.

Регион Ирака — Курдистан, в соответствии с законом «О президенте Курдистана» от 2005 г.¹, управляется Президентом Курдистана. Граждане этого региона избирают своего президента путем прямого и тайного голосования. Президентские выборы проводятся в тот же самый день, что и выборы в парламент Курдистана. Голосование осуществляется публично прямым и тайным голосованием. Победителем является кандидат, получивший простое большинство голосов.

В соответствии с данной юридической базой начался процесс формирования высших органов государственной власти в Иракском Курдистане. Важным шагом в становлении политической системы Ирака стали выборы в парламент Иракского Курдистана, проходившие одновременно с выборами Президента Курдистана, которые состоялись 25 июля 2009 г. Выборы проходили на 5403 избирательных участках в Курдистане и 5 избирательных участках в Багдаде. В голосовании принимали участие курдские солдаты (пешмерга), силы безопасности (153 397 чел.), заключенные (1830 чел.) и больные (5052 чел.). 11 мест регионального парламента Курдистана оспаривали 507 кандидатов из нескольких политических партий, коалиций и союзов (по данным ВНИК их было 25). Это были первые прямые выборы Президента Курдистана (в 2005 г. президента избирал курдский парламент)².

Парламентские выборы в Курдском автономном районе завершились победой правящего альянса, сформированного двумя крупнейшими курдскими партиями — Демократической партией Курдистана (ДПК) и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК). Этот союз заручился поддержкой 57 % избирателей. По официальным

¹ Election of the President of Kurdistan Region. Regulation No. 9 (2009). — [электронный ресурс] — режим доступа: www.uniraq.org/electoral/

² Election of the President of Kurdistan Region. Regulation No. 9 (2009). — [электронный ресурс] — режим доступа: www.uniraq.org/electoral/; Kurdistan Parliament of Iraq: Seat Allocation. Regulation № 10 For the year 2009. — [электронный ресурс] — режим доступа: www.uniraq.org/electoral/

данным, на президентских выборах Масуд Барзани¹ получил поддержку почти 70% населения Курдистана. Предвыборная ситуация в Курдистане характеризовалась большой напряженностью², однако

¹ С именем Масуда Барзани связаны политические, экономические и социальные успехи развития Курдского автономного района (КАР) и его стабильность. Свой дальнейший политический курс он сформулировал в проекте Конституции Курдистана, одобренной региональным правительством (в проекте Конституции регион Курдистан будет также включать провинции Дияла, Киркук и Салах-эд-Дин). Он намерен добиваться тех законных и пока не реализованных прав курдов, которые были зафиксированы в Постоянной конституции Ирака 2005 г. Об этом М. Барзани заявил во время своего предвыборного тура, который он начал с Халабджи, где сказал, что будет бескомпромиссно отстаивать вопрос о реализации статьи 140, в особенности в отношении нефтеносной провинции Киркук. Все исторические и географические документы, по его мнению, доказывают, что Киркук — это курдский город, и он должен стать столицей курдской автономии.

² Кроме того, в последние перед выборами месяцы наблюдалось усиление напряженности между центральным правительством Ирака, его премьер-министром Н. аль-Малики и президентом Курдистана М. Барзани. В основе этих противоречий находился вопрос о выводе американских войск из Ирака, обещанный президентом США Б. Обамой. Аль-Малики категорически выступал за их вывод из Ирака, за укрепление государственного суверенитета страны, решение внутривнутриполитических проблем собственными силами и сокращение американского влияния в стране, настаивая на существенном сокращении присутствия американского воинского контингента к июню 2009 г. Региональное правительство Курдистана и президент М. Барзани придерживались другого мнения. Подконтрольные им СМИ подвергали резкой критике позицию аль-Малики, подчеркивая, что он якобы сформулировал ее под давлением Ирана. В основе противоречий между руководством региона Курдистан и правительством аль-Малики на самом деле лежат проблемы нефтяных контрактов, бюджетных отчислений Иракскому Курдистану и вопрос о содержании курдских пешмерга (вооруженных формирований). В отличие от аль-Малики М. Барзани полагал, что присутствие США в стране облегчит разрешение спорных вопросов. Между тем он выступил против присутствия представителей ВНИК на парламентских выборах в регионе Курдистан поскольку, по его мнению,

важно отметить, что ни одна партия или коалиция, участвовавшие в выборах, не выдвигали лозунга независимости Курдистана. Места в парламенте по сравнению с 2005 г. распределились следующим образом:

		2009 г.		2005 г.	
Политическое образование	Стороны	Голоса, %	Места	Голоса, %	Места
Альянс Курдистана	ДПК ПСК	1 076 370 (57,34)	59	1 570 663 (89,55)	40 38
Измененный список		445 024 (23,75)	25	-	-
Список «Служба и реформа»	Исламский союз Курдистана; Исламская группа Курдистана; Социал-демократическая партия Курдистана; Будущее Курдистана	240 842 (12,8)	13		9
					6
					2
					-
Исламское движение Курдистана		27 147 (1,45)	2		-
Туркменское демократическое движение		18 464 (0,99)	3 (*)		4

присутствие ее представителей вряд ли будет способствовать проведению честных и прямых выборов. По его требованию с этой задачей, по мнению курдских обозревателей, могла справиться и местная избирательная комиссия.

Список «Социальная свобода и справедливость»	Трудовая партия Курдистана; Коммунистическая партия Курдистана; Независимый Курдистан; Продемократическая партия Курдистана; Демократическое движение народа Курдистана	15 028 (0,82)	1	20 585	1 3 - - -
Халдейско-ассирийский совет		10595 (0,58)	3 (*)		-
Список «Туркоманская Реформа»	Туркоманский Иракский фронт	7 077 (0,38)	1 (*)		-
Национальный список рафидинов	Ассирийское демократическое движение	5 690 (0,3)	2(*)		2
Арам Шахин Дауд	Независимый армянский	4 198 (0,22)	1(*)		
Список «Эр-биль»	Туркоманский список	3 906 (0,21)	1(*)		-
Курдистан труда и Трудовая партия		3 770 (0,18)	-		-
Моисей и Саркисян	Независимые армяне	2 993 (0,15)	-		-
Консервативная партия Курдистана		2 426 (0,13)	-		-
Реформистское движение Курдистана		2 071 (0,11)	-		-
Молодежный независимый список		1 906 (0,1)	-		-
Демократический националь-	Демократический национальный	1 700 (0,1)	-		1

ный союз Курдистана	союз Курдистана				
Объединенный Халдейский список	Халдейская партия «Демократический союз»	1 700 (0,09)	-		-
Халдейско-ассирийский автономный список	Ассирийская патриотическая Партия; Компартия; «Халдун-Ашшур»	1 680 (0,09)	-		-
Список «Будущий Курдистан»		1 001 (0,05)	-		-
Конституционная иракская партия		708 (0,04)	-		-
Туркоманский независимый список		373 (0,02)	-		-
Независимый армянский список		(0,05)	-		-
Список «Прогресс»		883 (0,05)	-		-
Другое			-		5
ВСЕГО		1 866 264	111	1 753 919	111

(*) — места, зарезервированные за меньшинствами в соответствии с законом.

Однако все это еще не означает решения курдской проблемы. Тот факт, что сформировать новое правительство удалось только спустя 8 месяцев после парламентских выборов (11 ноября 2010 г.), говорит о наличии серьезных расхождений в политических кругах страны и расколе всего общества, на которые накладывается и влияние внешнего фактора. Между представителями различных национальных и конфессиональных общин сохраняются серьезные противоречия по многим важнейшим вопросам внутренней политики и территориального устройства, которые усиливаются внешним влиянием.

Лидер «Иракского списка», получившего наибольшее число голосов избирателей, мог претендовать на пост премьер-министра или президента. Однако два ранее враждовавших между собой шиитских блока «Правовое государство» и Объединенный иракский альянс, объединившись в тактических целях и заручившись поддержкой объединения «Курдистан», обеспечили себе большинство в парламенте в более чем 200 голосов. Ряд обозревателей (в т.ч. и иракских) указывали в этой связи на активную роль Ирана в процессе достижения согласия между шиитскими блоками. Саудовская Аравия, со своей стороны, пытается разыграть свою карту — объединить иракских суннитов. В результате лидеры «Иракского списка» вынуждены были согласиться на то, чтобы президентом страны стал курд Дж. Талабани, пост премьер-министра вновь занял Н. аль-Малики, а спикером парламента стал представитель «Иракского списка» — суннит Осама Нуджейфи.

Кроме того, продолжают сохраняться внутренние политические противоречия в Курдистане. Барзанисты по-прежнему контролируют горную часть Курдистана — провинции Эрбиль и Дохук, а талабанисты — равнинную часть — Сулейманию. Не произошло в реальности и объединения вооруженных сил курдов. Создание накануне парламентских выборов 2005 г. объединенного Демократического патриотического союза Курдистана было, скорее, тактическим шагом, позволившим курдам получить 76 мест в высшем законодательном органе Ирака. Происходит «обратная миграция» из района Киркука — выселяются или сами уходят арабские семьи, переселенные туда при прежнем режиме. Никто не отказался от статуса Киркука как столицы Иракского Курдистана.

Волнения, начавшиеся в январе 2011 г. и прокатившиеся по арабским странам, затронули и Курдистан: в феврале в Сулеймании прошел митинг, где одним из главных требований демонстрантов было покончить с безработицей и коррупцией, а также требование проведения экономических и социальных реформ. Толпа молодых людей даже предприняла попытку взять штурмом здание местного правительства и разгромила офисы оппозиционной партии «Горан» в городах Эрбиль и Дохук. Ответом на эти события стало создание в

системе власти новой структуры: «Офиса управления и честности», который должен контролировать поведение государственных служащих, публиковать отчеты о доходах должностных лиц и сформировать комитет по поиску коррупции. Это говорит о том, что важной проблемой курдской государственности является коррупция и семейственность в рядах политических курдских партий.

Наконец, вряд ли удастся в ближайший период преодолеть инерцию долгой истории отношений внутри Курдистана и его отношений с иракским центром, который, в свою очередь, остается неустойчивым и уязвимым под давлением амбиций этнических и конфессиональных кланов и сообществ, укрепивших свои позиции в ходе оккупации.

КУРДСКИЙ ВОПРОС В ЭТНИЧЕСКОМ КУРДИСТАНЕ В СВЕТЕ СОБЫТИЙ В СИРИИ И ВОКРУГ ИРАНА¹

Этнический Курдистан, расположенный в самом центре Западной Азии, после Первой мировой войны был разделен границами Турции, Ирака, Сирии и Ирана. В курдских ареалах этих стран² начались процессы, определившие специфику их национального развития. В то же время курды не обладали большим желанием и готовностью вписаться в традиции их новой родины, поскольку процесс этнического размежевания в начале XX в. осуществлялся против их желания и воли. По некоторым важным параметрам социальное и этнокультурное развитие курдского этноса шло по партикулярным векторам, касающимся языка, религии и прочим отличиям, питающим этнический сепаратизм и до сих пор затрудняющим процесс этнонациональной идентификации и консолидации, который еще не завершен³.

Курды подчеркивают свое принципиальное различие от персов, равно, как от турок и арабов: они говорят «наша идентичность — это этничность»⁴. Они всегда стремились к национальному самоопределению. Их сплачивает мечта о создании курдского государства. Сегодня этот вопрос волнует не только курдов: данная проблема оживленно обсуждается в курдских и западноевропейских СМИ в связи с кризисом в Сирии, региональной американо-израильско-иранской конфронтацией, турецко-иранским соперничеством, внутривнутриполитической напряженностью в Ираке, ИРИ и Турции. Этниче-

¹ Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОНФИ РАН «Нации и государство в мировой истории».

² Условно именуемые в научной литературе Турецкий (Северный), Иракский (Южный), Иранский (Восточный), Сирийский (Западный) Курдистан.

³ Лазарев М.С. Внутрикурдские конфликты: происхождение и развитие // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI в. М., 2006. С. 26.

⁴ <http://www.kurdmedia.com/article.aspx?id=16846>

ский Курдистан расположен в центре этого кризиса. При этом некоторые курдские радикально настроенные политики призывают курдов в этих условиях реализовать общекурдский объединительный национальный идеал (провозгласить курдское государство). В случае перехода внутривосточного конфликта в Сирии на региональный уровень попытка реализации этой задачи может рассматриваться как весьма перспективной.

Иракский Курдистан как центр этнополитической консолидации

После операции «Буря в пустыне» 1990–1991 гг. Иракский (Южный) Курдистан вошел в орбиту американской геополитики на Ближнем Востоке, заняв в ней центральное место. Стремление администрации Дж. Буша-младшего к контролю над нефтересурсами стратегически важного региона Западной Азии побудили его разыграть «курдскую карту». Укрепление американских позиций в Иракском Курдистане открывал путь для дальнейшего расширения экономического и политического влияния США на Кавказе, Центральной Азии и в зоне Персидского залива. В этом контексте Иракский Курдистан являлся важным плацдармом осуществления наступательной политики США. При этом иракские курды обрели реальную автономию.

После свержения диктаторского режима С. Хусейна и создания федеративного Ирака Курдистанский регион, объединивший три иракские провинции — Эрбиль, Сулейманию и Дохук, стал субъектом рыхлой иракской федерации, а его специальный статус был зафиксирован в конституции страны в 2005 г. Поступательное социально-экономическое, политическое и культурное развитие региона сделало его опыт притягательным для других курдских ареалов стран Западной Азии. Так, например, иранские курды заявили о своем стремлении последовать опыту иракских курдов, чтобы с помощью США свергнуть режим шиитского духовенства, установить федеративную систему и получить автономный статус Иранского

Курдистана. Их силы расположены на иракской территории в зоне ирано-иракской границы. Этот опыт весьма привлекателен и для сирийских курдов, которые в условиях сохраняющейся политической напряженности в Сирии заявляют о своем стремлении добиться национальной автономии в федеративной стране в случае падения баасистского режима.

В Курдистанском регионе был избран президент (Масуд Барзани — глава авторитетного клана), сформировано региональное правительство и национальная ассамблея, подготовлен проект конституции. Руководство Курдистана стало проводить самостоятельную экономическую и социальную политику, осуществлять международные контакты со многими странами мира. Были даже введены некоторые внешние атрибуты суверенного государства — флаг, гимн, денежные знаки, штемпели в паспортах посещающих регион иностранцев, создана национальная армия, построен аэропорт, оснащенный по последнему слову техники, и т.д. Иракские курды придают созданию Курдистанского региона большое политическое значение. Их руководство мыслит общекурдскими категориями, рассматривая его как ядро, центр будущего независимого курдского государства. Не случайно Масуд Барзани подчеркивает, что курды являются такой же нацией, как турки, арабы или персы, которые не позволяют им консолидироваться в нацию. Но когда-нибудь курды станут ею¹. Этой точки зрения придерживается также и Косрат Разул, вице-президент Курдистанского региона, утверждая, что курды имеют право на самоопределение и этому способствует принятая региональным правительством стратегия реформ².

С целью осуществления общенациональных идеалов курдистанское руководство иногда выступает с требованиями, противоречащими установленному законодательству, что вызывает конфликты с центральными и некоторыми местными органами власти, иракскими суннитами и шиитами. Это касается разрешения про-

¹ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/3state6044.htm>

² <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/state6043.htm>

блемы заключения нефтяных контрактов, спорных территорий и, в особенности, проблемы статуса Киркука.

С точки зрения руководства Курдистана, Киркук является курдским городом, который должен стать столицей расширенной курдской автономии или государства. Изначально иракские власти не были заинтересованы в передаче его курдам. Начиная с 20-х гг. XX в. проводилась политика арабизации Киркука, которой сопутствовал процесс декурдизации, направленный на ослабление влияния курдов в провинции. В результате были уничтожены большинство поселений в окрестностях города, а их жители выселены в Курдистан.

Цель политики арабизации состояла также в том, чтобы не допустить курдов к контролю над углеводородными ресурсами провинции. В то время как курды и туркоманы покидали Киркук, а на их территориях возводились арабские поселения, иракские власти ужесточали методы управления нефтяными запасами Киркука.

В период пребывания у власти С. Хусейна иракское правительство предпринимало меры по предотвращению возможности включения Киркука в состав автономного Курдистана, а также настойчиво проводило линию стратегического планирования и управления в сфере эксплуатации нефтяных месторождений. Наличие больших запасов нефти в Киркуке стало отправной точкой конфликта между этническими общностями Ирака. При этом правительство стремилось к снижению напряженности по вопросу о статусе города путем наращивания объемов добычи нефти. Оно преследовало цель максимально истощить запасы нефти в Киркуке, чтобы минимизировать добычу на месторождениях юга страны. В контексте нивелировки его углеводородной значимости правительство отказывалось от принятия взвешенного плана по эксплуатации ресурсов и модернизации соответствующей инфраструктуры. Несмотря на значительные разрушения, которые понес Киркук в саддамовский период, этот регион остается осевым и стратегически важным компонентом индустрии добычи и переработки нефти Ирака. Начиная с 2003 г. его значимость неуклонно возрастает, и курды настаивают

на реализации ст. 140 иракской конституции, предусматривающей проведение референдума по определению его статуса.

Дискуссии вокруг проблемы Киркука привели к тому, что в настоящий момент он управляется по специально разработанной для данного региона схеме в целях недопущения эскалации вооруженного конфликта. Две ведущие курдские политические партии — Демократическая партия Курдистана (ДПК) и Патриотический союз Курдистана (ПСК)¹ — фактически сохраняют контроль над силами безопасности и многими органами управления Киркука. Центральное правительство контролирует объем бюджетного финансирования и сохраняет за собой право увольнения определенных должностных лиц. В то же время поддержанию спокойствия в Киркуке способствует присутствие в нем американского военного континента.

Вместе с тем между Курдистанским регионом и центральным правительством существуют также разногласия по вопросам распределения власти. Это связано с взаимоотношениями курдов с шиитами и суннитами. Так, проблема спорных территорий связана с отношениями с суннитами, поскольку большинство курдских территорий, которые не входят в границы автономного района, находятся под контролем суннитов. Это Мосул, Салахеддин (Тикрит), Дияла, где большинство населения — арабы-сунниты. В Мосуле курды претендуют на район Шангар и некоторые другие. В Салахеддине они рассчитывают на район Дожхурмату, а в Дияле — на Ханакин. Курдистанское руководство убеждено, что в решении этих спорных проблем не следует использовать суннито-шиитские противоречия. М. Барзани, в частности, заявил, что ни объединение, ни разъединение не будет осуществляться путем насилия².

В последнее время наблюдается усиление напряженности между курдами и возглавляемой Н. аль-Малики шиитской фракцией иракского парламента. Политическое руководство Курдистанского

¹ ДПК — Демократическая партия Курдистана (лидер М. Барзани), ПСК — Патриотический союз Курдистана (лидер Дж. Талабани).

² <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/state6044.htm>

региона считает, что усиление возглавляемой Н. аль-Малики шиитской группировки позволяет ему превышать свои полномочия. Некоторые курдские политики полагают, что разрешить эти разногласия можно, создав специальную комиссию, которая взяла бы на себя весь переговорный процесс и координировала бы отношения с Багдадом. Тем не менее, с целью давления на кабинет аль-Малики курды продолжали сокращать экспорт нефти центру.

Кроме того, в Иракском Курдистане существуют и внутренние противоречия, например между захватившим власть кланом Барзани и оппозиционным движением Горран, возглавляемое Н. Мустафой, а также исламскими организациями и пр.

Между тем взрывоопасная ситуация, которая складывается в регионе Западной Азии и в странах с обширными курдскими ареалами, в частности, вызывает обеспокоенность курдской элиты, заинтересованной в сохранении и упрочении формирующегося экономического базиса будущей независимости. По мнению М. Барзани, политическая ситуация в Сирии напрямую и негативно влияет на положение в Ираке. Падение баасистского режима Б. Асада может обострить суннито-шиитские противоречия в Ираке. И следствием этого, считает он, уже была кампания против суннитских лидеров¹. Как известно, курды предоставляли убежище вице-президенту Ирака Тарику ал-Хашеми, видному суннитскому политику, преследуемому шиитским руководством Ирака.

В этой связи премьер-министр Курдистанского региона Ирака Нечирван Барзани (племянник М. Барзани) призвал к сплочению всех политических сил Иракского Курдистана перед лицом внутренних и региональных угроз. Он подчеркнул, что все спорные вопросы с Багдадом будут решаться без вмешательства извне, и для этого будет создан Высший переговорный совет, в который войдут все фракции регионального парламента и оппозиция. Н. Барзани считает, что именно сейчас наступает время, когда решается судьба курдской нации. Поэтому курдам необходимо национальное единство для осуществления стратегической политики во имя самоопре-

¹ <http://www.kurdishglobe.net/display-article.html?=&id=76D9806D...>

деления курдской нации. «Все другие интересы — вторичны», — полагает Н. Барзани¹. Он признает, что хотя положение Курдистанского региона ненадежно, стремление его населения к независимости огромно: не только курды, но даже туркоманы и ассирийцы-халдеи «ожидают и надеются на провозглашение независимости»².

Однако курдская элита понимает нереальность создания именно сегодня независимого Курдистана, поскольку любые шаги по расширению курдской автономии в Ираке вызывают раздражение в Анкаре, Тегеране и Дамаске. Эта идея нереализуема и без поддержки США.

Беспокойство за судьбу Южного Курдистана в случае эскалации региональных конфликтов заставило президента Курдистанского региона Ирака М. Барзани посетить США, где он встретился с представителями высших политических кругов страны. Его принял Дж. Байден, вице-президент США, были встречи и с рядом других высокопоставленных американских чиновников. Состоялась встреча и с президентом Б. Обамой. М. Барзани выразил надежду на активизацию политики США в регионе и подчеркнул, что вывод войск был естественным процессом, однако он надеется, что это не означает сворачивания американских обязательств в Ираке. Американские представители, со своей стороны, заверили М. Барзани, что они рассматривают Ирак в качестве «транзитной территории», и чтобы стабилизировать баланс политических сил в стране, дипломаты там работают активнее, чем прежде. Б. Обама, со своей стороны, настаивал на том, чтобы президент Курдистана урегулировал отношения с центральным правительством, а также руководствовался бы предложениями, переданными ему Генеральным консульством США в Эрбиле³.

Все это свидетельствует о том, что США заинтересованы в поддержании стабильности в Ираке, а Иракский Курдистан, по видимому, рассчитывают использовать в своих планах в отношении

¹ <http://www.kurdishglobe.net/display-article.html?id=66A4DBD919CD...>

² Там же.

³ <http://www.Ekurd.net/mismas/articles/misc2012/4/state6068.htm>

Сирии и Ирана. Территорию Курдистанского региона уже давно использует и Израиль, союзник США, для осуществления разведки в отношении ИРИ¹. Тегеран явно раздражает активность Израиля в Иракском Курдистане: он требует закрытия функционирующего в Эрбиле Курдско-израильского института и его печатного органа — журнала «Курды — Израиль». Примером проамериканской позиции курдистанского руководства может служить нелегальный сбыт нефти через иранскую границу, которая по низкой цене якобы продается в портах Персидского залива, а затем направляется в Афганистан². При этом Эрбиль также присоединился к экономическим санкциям в отношении Ирана.

Такая позиция курдистанского руководства позволяет некоторым российским аналитикам сделать заключение, что сегодня его интересы в высокой степени интегрированы в региональную заинтересованность США и Великобритании, и что оно уже не только «инструментарий», но и в определенной степени партнер этих держав³.

Несмотря на существующие внутривосточные противоречия, Курдистанский регион Ирака заявляет о себе как о центре общекурдской консолидации, что проявляется, например, в создании системы высшего образования для курдов этнического Курдистана. Сейчас там функционируют 8 частных и государственных университетов, пытающихся подключиться к глобальному образовательному процессу, минуя арабские университеты. В связи с этим большое значение придается изучению английского языка и информационных технологий. Новое поколение иракских курдов даже не владеет арабским языком. Оно надеется, что курдские студенты из других частей Курдистана станут «мостом» между всеми частями Курдистана⁴. Курдское студенчество решительно настроено на

¹ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/3/state6026.htm>

² <http://www.kurdishglobe.net/display-article.html?id=66A4DBD919CD...>

³ http://iran.ru/rus/news_iran.php?act?=news_by_id&news_id=79583

⁴ Мосаки Н. З. Политическая роль студентов Южного Курдистана // Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI в. М., 2006. С. 107.

объявление независимости Южного Курдистана, и Эрбильский университет стал одной из трибун обсуждения пути к независимости. В этом же ключе действуют и курдистанские СМИ, многочисленные телевизионные каналы и Интернет. Кроме того, в Эрбиле проводятся различные общественные мероприятия по проблемам толерантности: например, на семинаре по проблемам поддержания толерантности среди проживающих в Курдистанском регионе национальных и религиозных меньшинств, проводимом Курдской организацией по правам человека, побывала известная общественно-политическая деятельница турецких курдов Л. Зана¹.

Курдистанское руководство оказывает моральную поддержку усилиям сирийских курдов в решении своих задач в сложной внутривнутриполитической ситуации.

Взаимодействие сирийских курдов с курдами Ирака и Турции

Несколько сот сирийских курдов, составляющие около 10% населения Сирии, не имеют гражданства. Они подвергаются откровенной национальной дискриминации. В стране запрещено публичное общение на курдском языке, не разрешается обучать детей курдскому языку. Курдскую молодежь ограничивают в выборе будущей специальности, ее не принимают в военные учебные заведения и на госслужбу. Сирийские курды также ограничены в развитии национальной культуры, искусства, языка, литературы и пр. После свержения режима С. Хусейна, когда были созданы благоприятные условия для расширения прав и свобод иракских курдов, возник революционизирующий фактор и для сирийских курдов. Хотя сирийские власти и заявляли о своей готовности рассмотреть проблему сирийского гражданства для тысяч курдов, дальше ничего не обязывающих декларативных обещаний проблема не продвинулась. Протестные акции сирийской оппозиции против режима Б. Асада активизировали и курдские политические партии и организации,

¹ <http://www.kurdmedia.com/article.aspx?id=16529>

многие из которых запрещены. Они не представляют консолидированного движения, а являются конгломератом политических партий и блоков. Стремление дистанцироваться от происламских сил и арабских националистов побудило их к объединению в свой оппозиционный блок — Курдский национальный совет (КНС). Его возглавил Абдул-Хаким Башар, который одновременно является лидером Курдской Демократической партии Сирии. В одном из своих интервью он подчеркнул, что цель КНС — создание федеративной системы в Сирии, раздел страны по географическому принципу и борьба против усиления роли исламистов и арабских националистов. Поэтому КНС примыкает к либералам. С одной стороны, курдский блок выступает против иностранного вмешательства в дела Сирии, а с другой — призывает к свержению президента Б. Асада и установлению демократического режима, способного разрешить курдский вопрос. Если в Сирии не удастся установить федеративную систему, то, по мнению Абдул-Хакима Башара, в стране может начаться затяжная гражданская война. В то же время КНС может пойти на переговоры с правительством, если будут выполнены следующие требования: создание курдских провинций в Камышлы и Африне, выдача всем курдам идентификационных свидетельств, признание курдского языка вторым официальным языком, гарантирование прав курдов.

КНС не имеет перспективной стратегической программы, поскольку ситуация в Сирии пока не ясна. Вместе с тем он выступает против усиления влияния Турции на политический процесс в Сирии, поскольку в случае свержения режима Б. Асада и прихода к власти сторонников «Братьев-мусульман», к чему как будто бы склоняется турецкое руководство, о решении курдского вопроса можно забыть.

Создание еще одного федеративного государства в регионе, казалось бы, должно укрепить курдское национальное движение. Однако сначала сирийские курды должны убедить своих арабских единомышленников в необходимости создания сирийского федеративного государства.

Между тем далеко не все курдские политические организации разделяют позицию КНС. В конце декабря 2011 г. было создано другое политическое объединение — Союз курдских демократических сил (СКДС), в который вошли Курдское движение будущего в Сирии (лидер Абдурахман Алюи), Курдская демократическая партия Сирии и Союз партий Курдистана. Это объединение выдвинуло стратегическую программу, состоящую из 21 пункта. В их числе — борьба за свержение режима Б.Асада и установление демократического режима, гарантии прав курдов в новой конституции, создание парламентской системы и коалиционного правительства на переходный период, в который вошли бы члены КНС и СКДС. Правительство должно будет обеспечивать безопасность в стране и сформирует местные советы. Программа переходного периода должна быть разработана на конференции всех патриотических сил страны. Переходное правительство организует свободные выборы национальной ассамблеи, которая подготовит конституцию. Она будет представлена на широкое обсуждение и утверждение путем всеобщего референдума. В соответствии с новой конституцией парламентские выборы должны будут состояться в течение 6 месяцев.

Между этими блоками и другими курдскими политическими силами тогда не было общего соглашения. Политические организации сирийских курдов разобщены по многим вопросам, в том числе по проблеме иностранной интервенции в Сирию. Так, например, Джавад Мелла, один из руководителей Курдского национального конгресса, а также Хамад Дарвиш, глава Курдской демократической прогрессивной партии, высказывали мнение о желательности свержения баасистского режима с помощью иностранного вмешательства. Но с их точкой зрения не согласился Абдул-Хаким Башар, считавший, что проблему можно решить до начала интервенции, используя политические, экономические, медийные и дипломатические средства¹.

Политические организации сирийских курдов придерживаются различных позиций по вопросу дальнейших действий после воз-

¹ <http://ekurd.net/mismas/articles/misc2012/seriakurd415.htm>

возможного свержения режима Б. Асада: одни из них стараются привлечь к своим проблемам сирийскую молодежь, другие, сторонники нынешнего режима, разделяющие идеологию А. Оджалана, намерены бороться, в том числе и вооруженным путем. Отношения между курдскими организациями в Сирии остаются неоднозначными. Так, например, Курдское движение будущего, возглавляемое Салехом Муслимом Мухаммадом, выступает резко против Партии демократического единства (ПДЕ), являющейся с 2010 г. как бы отделением Рабочей партии Курдистана (РПК)¹.

Отсутствием единства политических организаций сирийских курдов пользуются силы сирийской оппозиции и ее зарубежные союзники, заинтересованные в свержении режима Б.Асада. Так, например, Турция оказывает давление на КНС, чтобы заставить его объединиться с СНС, в котором велико влияние «Братьев-мусульман»². Это делает проблематичным повторение иракского сценария.

Итак, сирийские курды связывают свои надежды на реализацию своих прав только в случае падения режима в Дамаске и, как следствие, демократизации сирийского общества. При этом ими не исключается и иракский вариант развития событий, когда США и их союзники свергли антинародный режим С. Хусейна силой. Пока курдская оппозиция Сирии устраняется от активных военно-политических действий против баасистского режима. Но Б. Асад и его окружение, безусловно, озабочены вопросом консолидации сил курдов Сирии, Ирака и Турции и вероятностью использования Иракского Курдистана (где сильны позиции США и Израиля) в качестве плацдарма для военных операций и подрывной деятельности против сохраняющего власть режима в стране.

¹ Салех Муслим Мухаммад (род. в 1951 г.) — инженер-химик, имеет 5 детей. Спасаясь от политических преследований, он находился в Ираке на базе Партии демократического союза в горах Гаре. После начала протестных акций в Сирии он вернулся.

² <http://www.kurdishglobe.net/display-article.htm?id=55152B5ABC...>

28–29 января 2012 г. в Эрбиле, столице Курдистанского региона Ирака, состоялась конференция по курдской проблеме в Сирии, на которую собрались 200 участников из 25 стран. Это были представители и оппозиции сирийских курдов, и в основном независимые политики. Обсуждались вопросы взаимоотношений с сирийской оппозицией, а также пути решения проблемы сирийских курдов. Предлагалось избрать общего лидера и разработать стратегию будущего; было заявлено о начале переговоров с сирийской оппозицией. Руководитель СНС в тот период Бурхан Галиун выразил понимание в связи с опасениями курдов в возможном усилении исламистов в постасадовский период и предположил, что СНС будет стараться учесть запросы курдского населения¹. А М. Барзани заявил, что иракские курды будут поддерживать и помогать переговорному процессу. Хотя СНС и оппозиционные группы арабских националистов не признают курдскую идентичность, сирийские курды «продолжат свою борьбу за национальные, стратегические цели»².

На конференции было заявлено, что сирийские курды требуют проведения референдума по вопросу конституционных гарантий прав курдов и формирования культурной автономии после падения баасистского режима. При этом Хамад Дарвиш отметил, что, учитывая специфику ситуации в Сирии, опыт иракских курдов вряд ли там можно реализовать. А Абдул-Хаким Башар вновь озвучил свою позицию о самоопределении сирийских курдов в рамках федеративного союза, основанного на принципе децентрализации. В заключительной резолюции конференции был выражен протест против насилия сирийских служб безопасности против повстанцев и подчеркивалась важность сотрудничества курдов внутри страны и за ее пределами.

Руководители курдских блоков и партий, присутствовавшие на конференции, встречались с Масудом Барзани. С одной стороны, иракские курды как будто не хотят вмешиваться в ситуацию в Си-

¹ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/1/syriakurd411.htm>

² Там же.

рии, но с другой — они обещают моральную, финансовую и политическую помощь сирийским курдам.

КНС готов принять любую помощь, кроме военной. Премьер-министр Курдистанского региона Ирака Н. Барзани также отметил, что поражение сирийских курдов в борьбе за самоопределение в постасадовский период будет иметь серьезные последствия для будущего развития Иракского Курдистана. Успех создания сирийской федерации консолидирует Курдистанский регион Ирака, а также станет примером для иранских и турецких курдов. Падение режима Асада существенно сократит военно-политическое влияние Ирана в регионе и может послужить катализатором народного протеста против фундаменталистского режима ИРИ, вплоть до его свержения, полагает Н. Барзани. По его мнению, это откроет для миллионов курдов новые возможности реализации самоопределения Курдистана¹.

В связи с тем, что в Сирии неизбежно грянут перемены, М. Барзани сделал ряд предложений оппозиционным группировкам сирийских курдов. Несколько раз он приглашал их в Эрбиль, уговаривая активизировать требования своих национальных прав, но не призывал к свержению Б. Асада². Положение М. Барзани двояко: с одной стороны, он искренне желает успеха сирийским курдам, а с другой — не может игнорировать американо-турецкую точку зрения о желательности их объединения с сирийской оппозицией, идущей на поводу у США и их союзников. Но между иракскими и сирийскими курдами существует идейно-политическое размежевание по вопросу отношения к Западу. Даже курдские беженцы в Ираке чувствуют эту отчужденность и готовы вернуться на родину, как только позволят обстоятельства³.

Противопоставление курдской оппозиции сирийской оппозиции вызывает недоверие Запада к Курдскому национальному совету, который не был официально приглашен в Стамбул в апреле

¹ <http://www.kurdishglobe.net/display-article.html?id=66A4DBD...>

² <http://www.Ekurd.net/mismas/articles/misc2012/3/syriakurd439.htm>

³ Там же.

2012 г. на встречу «Друзей Сирии», поддерживающих Сирийский национальный совет. Известно, что его представители покинули заседание СНС в Стамбуле в марте 2012 г. в знак протеста против его отказа согласиться с требованиями КНС: признать курдов и их конституционное право на самоопределение в рамках единой Сирии в условиях децентрализации. Представители КНС заявили, что СНС это еще не вся сирийская оппозиция. Со времени проведения первого заседания «Друзей Сирии» в Тунисе разрешение сирийского кризиса не сдвинулось с мертвой точки¹.

Разногласиям КНС с сирийской оппозицией в определенной степени способствует то, что СНС подозревает того, что КНС связан с организациями, аффилированными с РПК. Делегация КНС якобы участвовала во встрече с руководителем РПК М. Карыйланом в Кандильских горах (на стыке границ Сирии, Турции и Ирака) с целью сближения позиций. Однако КНС опроверг эти измышления. Между тем М. Карыйлан высказался весьма решительно относительно политики Турции в Сирии, заявив, что если турецкая армия вторгнется в Сирийский (Западный) Курдистан, то все районы проживания сирийских курдов станут полем битвы. Он также обвинил Анкару в подготовке военной интервенции в Сирию, поддерживаемой США и европейскими странами².

Таким образом, в настоящее время не существует единого национально-демократического движения Курдистана. Как видно из изложенного, курдские организации Сирии, Ирака и Турции разобщены и не имеют общей политической платформы и общенационального лидера. Политическое размежевание характерно и для каждого курдского ареала стран проживания курдов в Западной Азии. Это состояние курдского национального движения делает его уязвимым и не позволяет выработать общую платформу борьбы за курдское государство. Но разобщенность курдов позволяет США осуществлять свои интересы с помощью своего союзника — Тур-

¹ <http://www.kurdishglobe.net/display-article.html?id=61C126843ACF7355E...>

² <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/4/seriakurd464.htm>

ции, в Сирии, а также в отношении Ирана и кавказских республик бывшего СССР.

Региональный аспект курдского вопроса в Турции

Стратегия, принятая правящей в Турции Партией справедливости и развития по курдскому вопросу, не только не эффективна, но и провоцирует военно-политическую активность РПК. Так, арест и заключение под стражу ее лидера А. Оджалана инициировали создание его сторонниками широкого политического движения с целью объединения курдов для осуществления общенационального идеала — создания курдского государства. Это движение возглавляет Национальный Конгресс Курдистана (НКК), который был учрежден в Амстердаме 24 мая 1999 г. В задачи этой организации входит устранение разногласий между курдскими политическими партиями, провозглашение солидарности; разработка стратегии демократического разрешения курдского вопроса в рамках стран проживания курдов. НКК объединяет 24 партии и 40 организаций. По сути это конфедерация курдских организаций — 9 федераций и 165 организаций. В их числе такие организации, как Партия демократического решения (лидер Диар Халиль); Партия свободной жизни Курдистана (ПСЖК, Иранский Курдистан); Партия левых в Сирии и др. НКК возглавляет Алеит, бывший член турецкого меджлиса. В НКК входит бывший курдский парламент в изгнании, а также диаспора. НКК ведет работу и на международном уровне. Он имеет свое Бюро в Эрбиле. В его состав входят и иракские курды. НКК ставит перед собой две задачи: взаимодействовать со всеми регионами и государствами; объединить всех курдов независимо от вероисповедания, социальной и государственной принадлежности. НКК выступает за мирное решение курдского вопроса в странах проживания курдов.

НКК обсуждал курдский вопрос в Турции и пути его решения с членами ЕС. Его функционеры считают, что предпосылки решения курдского вопроса в Турции существуют, но имеющиеся стереоти-

пы мешают поискам компромиссного решения. НКК желает, чтобы страны, в прошлом участвовавшие в решении судьбы курдского государства, теперь снова вернулись бы к обсуждению этого вопроса. НКК признает, что для подлинного объединения курдов время еще не наступило, но необходимо вести подготовительную работу. Для решения курдского вопроса, по мнению НКК, подходит концепция демократического федерализма, разработанная А. Оджаланом. Суть ее состоит в том, что создание независимого Курдистана не является первоочередной задачей курдов. Согласно концепции Оджалана, следует создавать курдские мини-государства в рамках Ирака, Сирии, Турции и Ирана — своеобразную форму курдского самоуправления. Она не направлена на разрушение существующих границ и может быть применена даже в диаспоре, в том числе и в России. Идея Оджалана не является заимствованием, она возникла на основе анализа кризиса концепции государства-нации с целью поиска новой современной модели государства, приемлемой для существования курдской нации, которая никогда не имела своей государственности. По мнению НКК, Оджалан проанализировал истоки кемализма и, по сути, он якобы является его сторонником, но пытается придать ему новую форму.

Турция, Иран и Сирия выступают против деятельности НКК. Европейский Союз признает эту организацию, разрешая ей функционировать в Бельгии. Свою идейно-политическую концепцию НКК старается внедрить во всех курдских ареалах стран проживания курдов с помощью ряда «дочерних» РПК политических организаций. Так, например, в Сирии функционирует Партия демократического единства (ПДЕ), которая разделяет идеологию РПК, но действует самостоятельно. ПДЕ выдвинула проект «демократической автономии», отвергающий модель федерализма, конфедерации, самоуправления или национальной автономии. Цель ПДЕ — создать новое курдское общество, общество людей со свободным самовыражением и поступками. Обновление будет осуществляться через культуру, институты, структуры, организации, города и поселки. В связи с этим ПДЕ уже создала в Сирии школы курдского языка и культурные центры, что рассматривается этой организацией как

конкретное осуществление «демократической автономии». ПДЕ будет расширять работу по организации таких центров, а также созданию ассоциаций, проведению конференций, открытию языковых школ, женских центров и центров культуры. Вся эта работа проводится без разрешения сирийских властей. ПДЕ, как и некоторые другие организации, воспользовалась началом беспорядков в Сирии и тем, что сирийские власти не смогли подавить их силой, для развертывания своей пропагандистской работы, чтобы, как говорит лидер ПДЕ Салех Муслим Мохаммад, подготовить народ к постреволюционной ситуации. ПДЕ рассчитывает на падение асадовского режима и включение в новую сирийскую конституцию положения о признании курдов вторым этносом в стране. Партия стремится к проведению фундаментальных изменений авторитарного деспотического режима. Однако для сирийских курдов вопрос о власти не актуален, для них важно, чтобы пришедшие к власти новые политики признали курдов и уважали их права¹.

Хотя ПДЕ разделяет идеологию и философию А. Оджалана, ее руководство не связывает себя с РПК, подчеркивая свою независимость и мирный характер деятельности. Салех Муслим Мохаммад неоднократно отмечал, что ПДЕ ведет борьбу исключительно мирными средствами. Вместе с тем партия имеет свои вооруженные формирования, находящиеся в горах Гарэ в Ираке. Но в Сирии их якобы нет.

Активность прооджалановских сил в Сирии и их усилия сохранить Б. Асада у власти беспокоит турецкое руководство, заинтересованное в смене баасистского режима и постасадовском обустройстве в интересах Турции. Оно наблюдает за сирийской оппозицией и пытается влиять на нее через представителей «Братьев-мусульман», которые претендуют на власть после смены режима в стране. Но с этим не согласна курдская оппозиция. Кроме того, Турция выступает, как главный актер, в возможной военной интервенции в Сирию, что также не отвечает интересам сирийских курдов. Она всерьез озабочена тем, что в постасадовской Сирии сирийские курды сумеют сформу-

¹ <http://ekurd.net/mismas/articles/misc2012/syriakurd415.htm>

лизовать курдское региональное правительство подобно правительству в Иракском Курдистане после свержения режима С. Хусейна, что, безусловно, вызовет подъем курдского национального движения в Турции. Однако некоторые аналитики скептически оценивают шансы Турции в этом вопросе, поскольку сирийские курды — не жертвы, ищущие спасения от Асада у Турции, а самостоятельная, организованная политическая сила. А существование Курдистанского региона в Ираке и политическая активность США на Ближнем и Среднем Востоке существенно ограничивает возможности Турции в Сирии. Более того, Турция пытается вмешаться в курдский вопрос через «Братьев-мусульман», которые блокируют деятельность КНС независимо от СНС и мешают борьбе курдов за политический суверенитет¹.

«Сирийская» политика Турции, однако, вызывает понимание иракских курдов, считающих, что основная цель турецкого руководства — с помощью интервенции на сирийскую территорию создать свободную зону, предотвращающую исход сирийских беженцев в Турцию. При этом их позиция двойственна: с одной стороны, курдистанское руководство обещало сирийским курдам поддержку в их усилиях обрести национальные права, а с другой — оно солидаризируется с Турцией, понимая, что она пытается затормозить процесс децентрализации и склонить сирийскую оппозицию к созданию арабского централизованного государства после свержения баасистского режима. В то же время иракские курды готовы стать посредниками в урегулировании отношений между РПК и турецкими властями, хотя считают, что деятельность РПК и аффилированных с ней организаций ПДЕ в Сирии и ПСЖК в Иране является «антикурдской и раскалывает курдское национальное движение».

ПСЖК является союзом военизированных курдских групп Ирака, Западного Ирана, Южной Турции и северо-западной части Сирии. Партия является членом Национального Конгресса Курдистана и союзником РПК. ПСЖК ведет вооруженную борьбу в Иране. Одной из целей ПСЖК является создание широкой коалиции курдских

¹ <http://kurdishglobe.net/display-article.html?id=55152B5A5ABC403564794...>

партий и группировок против центрального правительства в Иране, т.е. ПСЖК стремится к объединению всех курдов региона на борьбу с исламским режимом¹.

Однако ПСЖК не пользуется большой поддержкой в районах компактного проживания курдов в самом Иране — провинциях Курдистан и Керманшах. Тем не менее, на западных границах ИРИ время от времени происходят перекрестные столкновения иранских и турецких военных с функционерами ПСЖК. Ее лидер — Рахман Хадж Ахмади — заявил, что цель этой организации — изменение основы нынешнего иранского государства, т.е. установление светской демократической республики. Находясь в США в 2007 г., он обращался к американской администрации за поддержкой с целью начала кампании по свержению исламского режима в Иране и «создания нового демократического федеративного правительства», но он не получил на это ответа. Ахмади считает первостепенной задачей установление демократии в Иране, а затем и во всем регионе. Как представляется, деятельность этой партии является частью разрабатываемого НКК перспективного генерального плана создания нового независимого курдского государства².

Деятельность ПСЖК решительно пресекается иранскими силами безопасности, с одной стороны, а с другой — она противоречит и интересам США, которые ввели санкции в отношении ПСЖК по подозрению в связях с РПК. Санкции предусматривают замораживание всех финансовых активов ПСЖК на территории США. Кроме того, американским гражданам запрещено оказывать любую поддержку этой организации³. В то же время она пыталась вовлечь РПК в американо-иранское противостояние.

Таким образом, «сирийская» политика Турции теснейшим образом связана с ситуацией в этническом Курдистане, где формируются два центра силы, отличные по своей идейно-политической на-

¹ http://www.iran.ru/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=79583

² <http://www.Kurdistanobserver.Servehttp.com/Aug-2007/9-8-07-iran-kurds-ask-us-for-help.html>

³ Там же.

правленности. Это проамериканский — в Иракском Курдистане, пытающийся сформулировать, по словам Н. Барзани, «стратегию национальной политики курдов в руководстве курдским национально-освободительным движением», а другой — широкое курдское национальное движение в Турецком Курдистане. Эти два течения соперничают в борьбе за влияние в курдском движении за самоопределение Курдистана.

В последнее время свою заинтересованность и посредничество в объединении иракских и турецких курдов на основе идеи курдской независимости, а также урегулирования между Турцией и РПК заявляет Израиль. Руководитель РПК М. Карайлан в недавнем своем интервью призвал Израиль прекратить поддерживать Турцию и активизировать свои связи с курдами, что вызвало шок турецкого руководства. Он подчеркнул, что Израиль может разрешить курдский вопрос в Турции и Сирии и во всем этническом Курдистане, потому что исторически курды и евреи были тесно связаны между собой. Сегодня РПК и Израиль имеют якобы общие стратегические интересы, но не вопросы политической тактики. По словам М. Карайлана, РПК может использовать эту возможность для политического и военного сотрудничества с Израилем. РПК рассчитывает, что Израиль окажет покровительство курдам, учитывая военно-политическую мощь РПК в Северном Курдистане. Задачу установления этих отношений выполняет Курдско-израильский институт в Эрбиле, возглавляемый Д. Багистани¹.

Израиль, по-видимому, рассчитывает использовать курдов и территорию Турецкого и Иракского Курдистана в планах нанесения ударов по ядерным объектам ИРИ. Некоторые израильские СМИ прогнозировали начало атаки и после следующего раунда переговоров «шестерки» 23 мая 2012 г. в Багдаде². Однако этого не произошло. Ни США, ни Израиль не собираются брать на себя решение вопроса о курдском государстве. Это большой политический риск,

¹ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2010/turkey2980.htm>

² http://www.iran.ru/news_iran.php?act=news_by_id&news_id=79899

поскольку сами курды не готовы принять общее решение по этому вопросу.

Перспективы и предпосылки создания курдского государства

Иракский и Турецкий Курдистан представляют «сердце» этнического Курдистана, поскольку здесь сосредоточена основная часть курдского населения и территории, которые сегодня находятся в центре региональных конфликтов. Активизация агрессивной политики США и его союзника Израиля при участии Турции в регионе несет, на наш взгляд, серьезную угрозу существованию курдского этноса. Не случайно в последнее время участились заявления руководителей Курдистанского руководства Ирака о настоятельной необходимости курдов объединиться в нацию. Это является проявлением курдской идентичности и выражением власти курдов в конкретном курдском ареале. Они не случайно напоминают слова Р. Т. Эрдогана, премьер-министра Турции, сказавшего во время своего визита в Эрбиль в 2011 г., что «время отрицания курдского народа прошло»¹.

Между тем собственно этнический Курдистан не имеет географической, экономической, культурной, языковой и религиозной гомогенности. Национальное формирование курдов осуществляется в каждом курдском ареале стран их проживания (Ираке, Иране, Сирии, Турции) соответственно со спецификой этих государств. Курды этнического Курдистана, как было показано выше, раздроблены политически, лишены общих идейно-политических основ, не имеют единого лидера в борьбе за независимое курдское государство. Они также не демонстрируют общности видения формы и содержания будущего курдского государства. Формирование национального единства тормозится наследием феодальной раздробленности, политикой региональных держав в отношении курдов и международными факторами. Поэтому за многие века существования курдского

¹ <http://www.ekurd.net/mismas/articles/misc2012/4/state6103.htm>

этнoса так и не была выработана более или менее четко оформленная доктрина курдского национализма как идеологии и как практического руководства к политическому действию, пригодная для борьбы за неотъемлемые права курдского народа в странах его расселения. Но эти партикулярные курдские национализмы дополняют друг друга, способствуя созданию многокрасочной картины современной жизни исторически четырехсоставного, но этнически единого Курдистана, все части которого стремятся к одной цели — объединению в независимое государство.

Ярко выраженное национальное своеобразие курдского народа, его свободолюбие и упорное нежелание подчиняться чужой власти в любой форме, оригинальная и исключительная по богатству и разнообразию народная культура — все это позволяет говорить о курдском национализме как о самостоятельном социополитическом явлении. В курдском национализме преобладает одна генеральная линия — борьба за независимость исторической родины курдов — Курдистана, освобождение от векового гнета и порабощения чужой властью, какой бы она ни была по географической, этнической, культурной или религиозной принадлежности. Сегодня курдский национализм стал наполняться новым содержанием. В нем окрепли демократические тенденции, ослабло влияние традиционных социальных отношений, характерных для застойного общества. Вместе с тем даже в Курдистанском регионе Ирака, получившем уникальную возможность поступательного национального развития, все еще сохраняются консервативные тенденции (институт кланов, рудименты курдского менталитета, политического экстремизма и т.д.). При этом курды стараются решить курдский вопрос, ставший законной частью современного миропорядка.

Курды этнического Курдистана пытаются реализовать идею общекурдской солидарности в демократической борьбе. Существуют реальные предпосылки того, что Иракский (Южный) Курдистан станет во главе общекурдского объединительного движения.

Экономическая и военная слабость¹ этого региона заставляет его руководство идти на сотрудничество с США и Израилем, хотя оно руководствуется при этом необходимостью извлечения выгоды исключительно в интересах формирующейся курдской нации и поддержки реализации идеи независимого курдского государства. Их же зарубежные партнеры рассчитывают, что курды откроют им путь на Кавказ и Центральную Азию. Турецко-американское сближение на северных границах Ирана втягивает Южный Кавказ в бурлящий конфликтами Большой Ближний Восток, в эпицентре которого оказываются курды. Активизация Вашингтона и Анкары в нагорно-карабахском урегулировании напрямую связана с судьбой курдского населения, вынужденного покинуть этот регион и желающего туда вернуться. Но курды этнического Курдистана выступают за региональную стабильность. Они осознают, что время провозглашения независимого Курдистана пока еще не наступило.

¹ В регионе нет ни одного нефтеперерабатывающего завода, отсутствует армия, оснащенная современной боевой техникой и самолетами, способная осуществлять оборонительные функции.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА¹

Еще накануне завершения вывода войск США из Ирака в декабре 2011 года курды выступили с идеей проведения национальной конференции с участием всех политических сил страны, чтобы решить назревшие к тому времени внутрииракские проблемы. Становилось все более очевидным, что получивший не без помощи курдов и американской администрации повторно портфель премьер-министра Нури аль-Малики всячески затягивает выполнение своих предвыборных обещаний не только курдам, но и другим политическим силам страны. Более того, своими действиями или бездействием он создает реальную угрозу нового обострения внутриполитической обстановки в Ираке. Ряд провинций (Басра, Дияла, Салахеддин) в соответствии с положениями новой конституции потребовали более широкой автономии, страну захлестнула волна задержаний предполагаемых баасистов, был выдан ордер на арест вице-президента Ирака Тарика аль-Хашеми, имела место попытка сместить с поста вице-преьера Салеха аль-Мутлака. Несмотря на то, что объемы добываемой нефти превысили довоенный уровень, социально-экономическое положение страны коренным образом не улучшилось, население даже крупных городов испытывало перебои с подачей электроэнергии и воды, масштабы коррупции госаппарата увеличились в разы, напряженность в этноконфессиональных отношениях сохранилась, продолжались вылазки боевиков и теракты. Особенно неблагоприятным оставалось положение в центральных и южных районах Ирака.

¹ Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

В этих условиях Масуд Барзани выразил сомнение в целесообразности дальнейших усилий по созыву национальной конференции, обвинил премьер-министра Н. аль-Малики в авторитаризме, в том, что он ведет страну в тупик и не исключил, что на предстоящих в сентябре 2012 г. провинциальных выборах в регионе может одновременно пройти референдум о формах дальнейшего взаимодействия между Эрбилем и Багдадом, что не исключает провозглашение независимости Иракского Курдистана. Лидер победившего на парламентских выборах альянса «Иракийя» А. Аллави также заявил, что не будет участвовать в заседаниях подготовительного комитета упомянутой выше конференции, пока действующий кабинет министров не выполнит основные требования, так называемых Эрбильских соглашений.

26–28 апреля 2012 г. в Эрбиле, после предварительных закрытых переговоров между различными политическими блоками страны, прошла консультативная встреча ведущих политиков Ирака: Дж.Талабани, спикера парламента ан-Нуджейфи, М. Барзани, А. Аллави и радикального шиитского лидера М. ас-Садра. Участники встречи призвали «привести в действие механизмы», которые могут вывести Ирак из состояния нестабильности и прекратить затянувшийся политический кризис, «угрожающий национальным интересам». Участники совещания не выдвинули прямого требования об отставке Н. аль-Малики, хотя сам факт проведения столь представительной встречи без главы кабинета министров стал еще одним свидетельством роста недовольства его политикой и усиления давления на правительство со стороны большинства ведущих политических сил Ирака.

Следует заметить, что на июнь 2012 г. в Эрбиле было намечено проведение общенационального форума лидеров и представителей национально-освободительного движения курдского народа. Как ожидается, одним из пунктов повестки дня может стать вопрос о провозглашении независимости Южного Курдистана и всеобщих мерах по содействию и поддержке данного исторического процесса. Не менее важной темой будет вопрос о положении курдов в Тур-

ции, Иране и Сирии и перспективах их борьбы за свои национальные права и свободы.

Насколько реален сценарий создания независимого Иракского Курдистана, каковы позиции и возможная реакция других заинтересованных государств по этому вопросу?

Как известно, иракские курды в тесном взаимодействии с войсками иностранной коалиции приняли самое активное участие в свержении режима Саддама Хусейна и строительстве нового демократического федеративного государства. Включаящий в себя три северные провинции Ирака Курдистанский регион стал субъектом федерации с самыми широкими правами. Уже сегодня Иракский Курдистан обладает многими атрибутами государства (флаг, гимн, законодательная, исполнительная, судебная власти, конституция, региональный свод законов, спецслужбы, вооруженные силы (бригады пешмерга), внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность и т.п.). В столице региона — Эрбиле и других крупных курдских городах аккредитовано уже несколько десятков иностранных дипломатических и торговых представительств, курдский язык признан вторым государственным языком в стране, регион получает пропорционально своей численности 17% от поступлений в госбюджет за счет продажи нефти. Весьма солидно курды представлены и в Багдаде (президент Ирака — курд Джаляль Талабани, они занимают 6 постов федеральных министров, включая пост министра иностранных дел, другие важные должности в правительстве и силовых структурах, в парламенте имеют фракцию свыше 50 депутатов). В период затянувшегося на многие месяцы внутривосточного кризиса в стране после парламентских выборов в марте 2010 г. именно курды смогли выступить посредниками между ведущими избирательными блоками арабов А. Аллави и Н. аль-Малики и добиться компромиссного варианта формирования новых органов власти. 17 апреля 2012 г. в интервью телекомпании «Аль-Джазира» Дж. Талабани заявил, что в интересах курдов оставаться в едином демократическом Ираке и решать возникающие внутривосточные проблемы конституционным путем.

До последнего момента курды надеялись, что новые правительство и парламент помогут решить жизненно важные для них задачи, а именно: реализовать положения статьи 140 Конституции о подготовке и проведении референдума по административной принадлежности города Киркук с прилегающими районами, принять новый закон об углеводородах, разрешающий им распоряжаться своими природными ресурсами, включить бригады пешмерга в регулярные вооруженные силы государства. Однако ожидания курдских лидеров не оправдались. Никаких шагов навстречу им со стороны центрального правительства не последовало. Более того, из Багдада начали раздаваться требования об аннулировании уже подписанных региональным правительством с иностранными компаниями контрактов на разведку и добычу нефти и природного газа, о передаче центральным властям тяжелых вооружений (танков, артиллерии, самолетов), доставшихся курдам после разгрома армии С. Хусейна. Одновременно аль-Малики заключил многомиллиардные контракты с США на поставку 36 современных боевых самолетов F-16, вертолетов, другой боевой техники и вооружений. Поскольку внешних врагов у современного Ирака нет, то курды вполне резонно заподозрили федеральные власти в попытках, тем самым, нарушить сложившийся баланс внутривосточных сил.

Таким образом, включение в повестку дня курдских лидеров вопроса о провозглашении независимости Иракского Курдистана становится как бы закономерным шагом и вытекает из реально складывающейся в стране ситуации. И если при всем широком спектре самих курдских партий и движений результат возможного референдума по независимости региона довольно предсказуем (подавляющее большинство иракских курдов — за осуществление своей вековой мечты — независимость), то извне сторонников этой идеи практически нет.

США хотя и вывели свои войска из Ирака, но продолжают с помощью дипломатических, политических, финансово-экономических, военно-технических и других рычагов оказывать значительное влияние на Багдад и Эрбиль. В ходе недавнего визита президента Курдистанского региона Ирака М. Барзани в США

Б. Обама подтвердил заинтересованность в сохранении единого Ирака, пообещав курдам снять некоторые препятствия в налаживании прямых связей и контактов между Вашингтоном и Эрбилем и содействовать в сглаживании противоречий на линии Багдад — Эрбиль. Якобы США все же перевооружают Ирак для защиты от внешнего врага, а не для подавления курдов.

Как и ожидалось, уход американских войск из Ирака усилил здесь влияние региональных держав, в первую очередь Турции и Ирана. Турция ведет весьма сложную игру, стремясь параллельно развивать отношения с центральным правительством Ирака и Курдистанским регионом. По принципиальным вопросам (вопросы безопасности, транспортировка иракской нефти, таможенные и пограничные вопросы) Анкара действует с оглядкой на Багдад. Что касается приграничной торговли, экономических и культурных связей с Иракским Курдистаном, то здесь Турция действует без ограничений и весьма активно, налажены турецко-курдские связи и контакты практически во всех сферах и на всех уровнях, включая взаимодействие по предотвращению терактов и попыток Рабочей партии Курдистана использовать иракскую территорию для подготовки операций против турецких властей и правительственных войск. В последнее время сближение Анкары с Эрбилем вызывает все большую настороженность аль-Малики и его окружения.

Тегеран также стремится развивать свои отношения и с Багдадом, и с Эрбилем, но приоритет при этом отдается центральному правительству, что объясняется тем, что более близкое иранскому руководству арабо-шиитское большинство занимает ключевые посты в правительстве Ирака. В поисках новых региональных союзников в апреле 2012 г. аль-Малики посетил Тегеран, где провел переговоры с духовным лидером аятоллой Хаменеи и президентом ИРИ М. Ахмадинежадом. И хотя иракские арабы-шииты сегодня раздроблены и далеко не все ориентированы на Иран, более того, влияние США на Багдад сохраняется, все же в перспективе, как полагают духовные лидеры Ирана, арабо-шиитская молодежь будет играть ключевую роль в будущем Ираке.

Создание независимого курдского государства на севере Ирака не отвечает национальным интересам Ирана по ряду причин. Во-первых, распад Ирака на несколько частей объективно ослабляет все его регионы, в том числе и близкие Ирану южные шиитские провинции. Во-вторых, тем самым, создаются предпосылки для нового вмешательства в дела региона внешних сил (США, Израиль, НАТО, Турция и т.п.) и арабо-суннитского альянса под эгидой Саудовской Аравии. Не исключается превращение территории Иракского Курдистана в плацдарм для действий ВС США и Израиля против Ирана. В-третьих, попытки иракских курдов получить независимость могут спровоцировать на более активные выступления против властей и иранских курдов.

Ни в коей мере не заинтересованы в отделении иракских курдов и все арабские страны, которые считают Ирак частью арабского мира («уммы») и выступают за сохранение его в нынешних границах.

Таким образом, на сегодня нет каких-либо предпосылок извне к созданию независимого курдского государства на севере Ирака. Учитывая географическое и экономическое положение Иракского Курдистана, который граничит с тремя государствами с курдскими меньшинствами (Турция, Иран, Сирия), он может оказаться в политической и торгово-экономической блокаде в случае принятия одностороннего решения о выходе из состава Ирака.

Не все так однозначно и в самом Иракском Курдистане. Во-первых, на территории региона проживают и другие национальности (арабы, туркоманы, армяне и др.). Во-вторых, сами курды проживают и в других провинциях Ирака, в частности в Киркуке, Багдаде и т.д. Поэтому отделение Иракского Курдистана не будет означать воссоединения народов, а в какой-то мере еще больше разединит людей по национальному признаку. Наиболее остро возникнет проблема размежевания населения на так называемых спорных территориях, где в настоящее время предполагается проведение референдумов о новых административных границах.

Потеря дотаций из госбюджета и уход иностранных и иракских инвесторов также негативно скажутся на социально-экономическом

положении региона. При таком сценарии нельзя исключать в дальнейшем развязывания новой гражданской войны или военного вмешательства в дела Ирака сопредельных и других государств. Как представляется, здравый смысл все же возобладает, и на этот раз и курдам, и правящему арабо-шиитскому большинству Ирака все же удастся прийти к взаимоприемлемому компромиссу по ключевым политическим и экономическим проблемам.

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ СМУТА И ПОЛОЖЕНИЕ КУРДОВ

В конце 2010 г. началось первое восстание населения в Тунисе, направленное на свержение консервативного режима. Затем поднялись арабы в других странах Северной Африки: Египте, Алжире, Марокко. Апогей кровопролития произошел в Ливии, где был зверски убит президент Муаммар Каддафи. Свержение режимов проходило при одобрении (а в Ливии — с участием) стран Запада, в первую очередь США.

Большинство курдов, проживающих в Турции, Ираке, Иране и Сирии, в целом поддержало повстанческое движение населения, названное «арабской весной». Курды видели в нем свержение деспотических тоталитарных режимов, на смену которым под демократическими лозунгами приходили новые политики, обещавшие радикальные перемены. Курдские лидеры по-разному, но весьма осторожно рассчитывали, что «арабская весна» дойдет до стран БСВ и осуществит смену режимов, которые их притесняют и лишают их перспективы на самоопределение.

Два события в Северной Африке насторожили ближневосточных курдов. Во-первых, гражданская война в Ливии и ожесточенная борьба за власть среди племен и кланов после победы повстанцев. Во-вторых, после парламентских, а затем и президентских выборов в Египте к власти пришли «Братья-мусульмане», находившиеся в оппозиции при президенте Хосни Мубараке. В парламент вошли и салафиты — исламские экстремисты. Почти сразу на юге страны они разрушили храмы своих недавних союзников по свержению режима — египетских коптов, приверженцев христианства. Вандализм исламских экстремистов, в первую очередь салафитов и примкнувшей к ним небольшой части из партии «Братьев-мусульман», был остановлен, власти восстановили порядок. Но для религиозных меньшинств, которых достаточно много на Ближнем и

Среднем Востоке, это прозвучало первым сигналом, первым признаком надвигающейся «арабской осени».

С 2011 г. начала обостряться внутривнутриполитическая обстановка в Сирии. Повстанцы потребовали отставки президента Башара Асада и проведения демократических реформ. Восставшие получили поддержку соседних стран, в частности арабских государств Персидского залива, возглавляемых Саудовской Аравией. Саудовская Аравия и Катар, кстати, оказали заметную помощь и ливийским повстанцам. Вскоре США и НАТО также потребовали ухода Асада и проведения демократических реформ.

В начавшейся гражданской войне сирийские курды оказались в сложном положении. Первоначально они исходили из того, что Асад постоянно притеснял их и не давал даже надежды на создание курдской автономии, как это произошло в Ираке. Защищать такой режим не было смысла и на перспективу.

Однако постепенно отношение курдов к Асаду стало меняться. И это происходило не потому, что президент провел досрочные парламентские выборы и осуществил ряд демократических преобразований. Под воздействием новых обстоятельств курды сменили лозунг «добиться лучшего» на ситуативный — «избежать худшего». Смена лозунга была обусловлена тем, что гражданская война стала все больше приобретать религиозный характер.

Дело в том, что Сирия населена преимущественно арабами и курдами (с небольшим числом армян-христиан) и являет собой пеструю религиозную панораму. Большинство сирийских граждан составляют мусульмане-сунниты, а правящую элиту традиционно формируют алавиты (исламская секта, близкая к шиитам). Между этими религиозными общинами не было серьезных столкновений. Сам Башар Асад — алавит, а его супруга — мусульманка суннитского направления, что символизировало единство поликонфессиональной страны. Кроме того, Б. Асад возглавляет БААС, формально провозгласившей создание социалистического государства.

Однако к повстанцам присоединились ваххабиты из стран Персидского залива, салафиты из Египта и даже сторонники «Аль-Каиды». Захватив ряд кварталов Дамаска (второй по численности

населения город страны и первый — по экономической значимости), повстанцы, провозгласившие создание «Освободительной армии Сирии», в первую очередь расправлялись с алавитами как с «изменниками ислама». Давлению, а порой и репрессиям подвергались курды (и частично, армяне).

Курды Сирии по преимуществу мусульмане-сунниты, но среди них немало шиитов, алавитов и, конечно, езидов. Влившись в повстанческую группировку исламисты ставят своей целью создание единого исламского государства на базе (нечто вроде Арабского халифата) шариата. Для сирийских курдов обозначилась новая парадигма: бороться за создание культурной автономии. Угроза геноцида вынудила их перейти от критики режима Асада к отказу от идеи его свержения.

Почти двухлетняя гражданская война вынудила тысячи сирийцев искать убежище в соседних государствах, в первую очередь в Турции. Численность беженцев в ней приближается к ста тысячам. Там срочно возводятся палаточные лагеря, создаются минимальные условия проживания. Одновременно Турция, как и НАТО, требует смены режима и проведения новых реформ. Она создала на своей территории военную базу для формирования или отдыха боевиков, которым она, как и Саудовская Аравия, помогает финиками, оружием и моджахедами. В турецком вилайете Хатай сложилась непростая обстановка. Еще после Первой мировой войны Антанта передала Турции Александрийский санджак, ранее входивший в состав Сирии: турецкое правительство тотчас переименовало его главный город Александретту в Искендерун. Там до сих пор проживает население, свободно говорящее на арабском и реже — на курдском языках. На протяжении почти столетия жители провинции Хатай наведывались в северо-западную часть Сирии, привозя по преимуществу промышленные товары (особенно ткани), а сирийцы приезжали в Турцию со своей сельскохозяйственной продукцией. Иногда даже заключались межнациональные браки.

С одной стороны, Турция озабочена продолжающимся притоком беженцев, которым она обязана предоставить кров и продукты питания. Это, естественно, отягощает государственный бюджет.

Поэтому турецкие власти обращаются в ООН за финансовой помощью. С другой стороны, Турция требует отставки президента Асада и проведения ряда реформ. Правящая в Турции Партия справедливости и развития придерживается исламских ценностей и негативно относится к пребыванию на территории страны сторонников партии БААС и курдов — любой религиозной ориентации. Она считает, что военное вмешательство во внутренние дела Сирии поможет пресечь начавшийся процесс формирования курдской автономии в Сирийском Курдистане. По ее мнению, это может обострить курдский вопрос в Турции, что может дестабилизировать внутривосточную ситуацию в стране.

Ситуация в Турецком Курдистане действительно сложная; турецкая армия ежедневно проводит авиаудары по позициям Рабочей партии Курдистана (РПК), лидер которой Абдулла Оджалан с 1999 г. находится в заключении. Даже понимая прочность позиций правящей исламской партии, бойцы РПК усилили вооруженные нападения на полицейские посты и воинские соединения турецкой армии (не только в Восточной Анатолии, но и в Стамбуле). Политическая напряженность в стране возросла.

Возросла она и в Курдистанском регионе Ирака, которым руководит Масуд Барзани. Значительную часть доходов от продажи нефти КАР получает благодаря Турции, через территорию которой проходит нефтепровод Киркук—Джейхан. Кроме того, турецкие предприниматели покупают курдскую нефть, поступающую на турецкую границу автотранспортом. На обе эти артерии нередко нападают турецкие курды, стремящиеся подорвать турецкую экономику, что вызывает возмущение в КАР.

В связи с событиями в Сирии М. Барзани долгое время занимал нейтральную позицию, но затем поддержал сирийских курдов и принял сирийских беженцев. Он официально призвал курдов-беженцев из Сирии переезжать в Курдистанский регион, что без энтузиазма было воспринято в самом Ираке, а также в Турции и Иране.

Само существование курдской автономии в Ираке в определенной мере связано с США. При вторжении в 2003 г. войск НАТО в

Ирак США гарантировали сохранение Иракского Курдистана и предоставили ему свой «воздушный зонтик». (Турецкая армия, преследуя своих курдов, неоднократно вторгалась на иракскую территорию, угрожая существованию Иракского Курдистана.) Теперь обстановка изменилась. Во-первых, натовские войска покинули Ирак (осталось небольшое американское соединение). Во-вторых, положение КАР осложнилось в связи с начавшейся мощной антиамериканской волной исламских экстремистов и не только в исламских странах. Встает вопрос: сможет ли Масуд Барзани избежать множества рисков, которые угрожают автономии?

Единственным сторонником сирийского режима остается Исламская Республика Иран. Большинство населения Ирана исповедует ислам шиитского толка, что делает его близким к алавитскому направлению ислама. ИРИ организовала многоплановую поддержку сирийского руководства. Но главное состоит в том, что Ирак, а теперь и фактически Сирия выступают ныне против США, НАТО и против Саудовской Аравии, с которыми враждует ИРИ. А тут еще развернулись события, которые потребуют новой «перезагрузки» как стран БСВ, так и множества других государств.

11 сентября 2012 г. в США и ряде других государств отмечалась 11-я годовщина разрушения смертниками «Аль-Каиды» Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Кроме того, упоминалась приближавшаяся первая годовщина убийства Усамы Бен Ладена — руководителя «Аль-Каиды».

В этот день исламский сайт Египта показал американский фильм «Невинность мусульман», который, как утверждалось, оскорбляет пророка Мухаммеда и всю исламскую веру. И уже 11 сентября в Каире исламские фанатики начали штурмовать посольство США. Как по мановению волшебной палочки начались нападения мусульман на американские (а также английские, германские и др.) посольства практически во всех исламских государствах, а затем — в странах ЕС и даже Австралии. В Ливии фанатики убили посла и трех дипломатов США. В Египте, Йемене они сорвали звездно-полосатый флаг США и водрузили черный флаг «Аль-Каиды» с надписью «Нет Бога кроме Аллаха». Впервые «Аль-Каида» проде-

монстрировала свою международную мощь, а «арабская весна» трансформировалась в «арабскую зиму».

На наш взгляд, события 11 сентября 2012 г. являются поворотным пунктом в мировой истории, которую можно рассматривать в рамках дихотомии — взаимоотношений христианских и мусульманских стран. При таком подходе курды с их поликонфессиональностью занимают особую нишу.

В первую очередь обозначим идеологический разлом современного мира.

Около трети века тому назад американский ученый С. Хантингтон опубликовал книгу «Столкновение цивилизаций» (издана на русском языке в 2005 г.). Тогда в условиях «холодной войны» США и их союзники по НАТО оказывали военную и другую помощь афганским моджахедам и «Аль-Каиде», когда для борьбы против них СССР ввел свои войска в Афганистан. Затем США помогли исламистам Албании и добровольцам-моджахедам, когда они воевали с сербами. НАТО оказывала воздушную поддержку ливийским повстанцам, свергнувшим режим Каддафи. Сегодня они поддерживают и вооружают сирийских повстанцев, которые практически разрушили экономику страны и раскололи общество.

Заигрывание с исламскими экстремистами ныне продемонстрировало провал американской внешней политической стратегии. Президент США Барак Обама обратился к Турции с просьбой помочь остановить мусульманское насилие. Премьер-министр Р. Т. Эрдоган откликнулся на просьбу президента США. Но в самой Турции прошли демонстрации протеста у представительств США с антиамериканскими лозунгами: «Американские оккупанты, go home!», «Требуем смертной казни создателю фильма “Невинность мусульман”»! И можно констатировать, что мир раскололся на христиан и мусульман (Индия, Китай, Латинская Америка и пока Россия остаются в стороне).

В такой дихотомии США попытаются восстановить свои позиции на БСВ, и в первую очередь со странами, поставляющими нефть и газ в Западную Европу. Они смогут опереться на курдов Ирака, которые в условиях наступления исламистов (ваххабитов,

салафитов и сторонников «Аль-Каиды») могут оказаться под их прессом. Курдов здесь может выручить спасительный «американский зонтик».

Но курды Сирии могут пострадать. Усилит репрессии и правительство Турции. В тяжелом положении окажутся курды Ирака, если Израиль начнет бомбардировку атомных объектов (с разрешения США). Другими словами, в происходящей ближневосточной смуте пострадают все курды, и лишь у иракских курдов есть шанс сохранить статус-кво. Впрочем, выигрыша не будет ни у стран Запада, ни у арабских народов. БСВ и на ближайшую перспективу будет провоцировать региональную нестабильность. Еще будут новые жертвы.

SUMMARY

The second volume of “Lazarev’s Readings” is devoted to 85-year of birth anniversary of Prof. M.A.Gasratjan (1924–2007), famous russian kurdologist and turkologist. There is his biography, list of his main publications, unpublished article about the activity of Kurdish political organizations of Turkish Kurdistan at the end of the XXth century and memories of his colleagues.

It collects the articles that were written on the base of reports of the II and III Conferences "Lazarev’s Readings" that were held in 2011–2012. Akihiko Yamaguchi had made a report "Iran’s Kurds" (*Akrad-e Iran*) in *Sharaf-name: Safavid Integration Policy and Forced Relocation of Kurdish Tribes to Khorasan*. Focusing on some Kurdish tribes transported to Khorasan during the 16th and 17th centuries, this paper aims to clarify how they came to the fore under the late Safavid state. Roughly speaking, we can divide into two categories those Kurdish tribes who accepted Safavid rule. The powerful ones were not always loyal to their sovereign and, to keep their independence, they sometimes revolted against the Safavids until the mid-seventeenth century. The more loyal tribes were called "Iran’s Kurds" (*Akrad-e Iran*). These minor tribes accepted Safavid suzerainty without resistance and became the Safavids’ faithful servants. Having no hereditary land to defend at all costs, they were easily transplanted to Khorasan. The radical reforms undertaken by Abbas I provided the transferred Kurdish rulers with a chance to rise in Safavid politics. Some of them were appointed governors in Khorasan as well as in other border regions, such as Kerman and the Persian Gulf. Some others built successful careers in the central administration. These developments had important implications for Iran’s history. During its two centuries of existence, the Safavid state gradually transformed itself from a Turkmen state to a multi-ethnic one. Although prejudice against the Kurdish tribes continued to linger among the Safavid ruling elites, the participation of the Kurds in central and local administrations brought about a common understanding that even those of Kurdish origin could assume power in Iran’s politics.

In article of O. I. Zhigalina "The Kurdology as the traditional Direction of the oriental Sciences in Russia" analyzes the origin and the development of the Kurdology in Russian empire, Soviet Russia and also in modern time.

The articles of Z. A. Yusupova (St-Petersburg) "On the History of Studies in the Kurdish Language in Russia and USSR" contains a brief account of scholarly studies in the Kurdish language (in its dialectal variations) accomplished by both Russian and European scholars. This process was initiated by P. Lerch (1856–1858), St.-Petersburg orientalist, author of a 3 volume work on the Kurds. A special tribute is paid in the article to Leningrad-St.-Petersburg kurdologists for their valuable contribution to studies in the dialects of Gorani, Avramani and Zaza.

A. I. Kolesnikov On Christianisation of the Kurds in Sasanian Persia (3rd–7th Cent. A.D.) According to Information of the Syriac sources The attempt is made in the paper to shed more light on disputable problems concerned the early history of Christianity in North Mesopotamia, namely: a) on the time of appearance of the first Christian communities in regions of the North Mesopotamia in general, and in Kurd lands in particular; b) on historical topography of Christian communities in Kurdistan; c) concrete examples of missionary activities in Kurd regions; d) confessional dividing of Christian communities in Kurdistan into Nestorian and Monophysite fractions.

M. Rzepka (Poland] in his article „Between reality and imagination. The Kurdish language in the 19th century Protestant missionary writings" analyses the activity of American and British missionaries during the 19th century in the Kurdistan region, inhabited by Assyrians, Armenians and Kurds, composed a vast collection of diaries, reports and scholar articles. Focused on educational and publishing matters, they considered a language as a missionary tool. Working mainly among Christians, they came into contact with the Kurdish Muslim population, which involved them into deliberations on the Kurdish language – its usage and users. Analyzing Kurdish as an object in the missionary narratives some questions arise. Who were the missionaries writing about Kurdish and what languages did they use? How did they describe the Kurds? What was the position of Kurdish in the inter-ethnic communication in that region?

How did the translation of the Bible – in the missionary eyes – rose the prestige of the language? Seeking the answers through the missionary texts (S. Rhea, E. Smith, H. Dwight, J. Perkins, F. Coan, C. H. Wheeler, H. Southgate, and others) we may conclude that Kurdish was not a language of primary use among the missionaries, but their imagination of it (as a form of corrupted Persian, a language without literature) influenced the stereotypical portrait of the Kurds they composed in their narratives.

E. I. Vasiljeva (St.-Petersburg) devoted his article to famous Kurdish Historiograph Mirza Ali-Akbar Kurdistani of the XIXth century.

J. S. Musaeljan (St.-Petersburg) in her article introduces some new information about the Harki tribe that was borrowed from the scientific books of some Russian and foreign authors.

B. Halatjan (St.-Petersburg) in her article analyses the History and the Culture of the region of Diarbakr in Turkey.

K. V. Vertjaev studies the political views of Sheikh Said Kurdi (1876–1960) in context of the Kurdish question in Kurdistan.

Z. A. Yusupova in her article “On the Question of the Ethnic and Linguistic Self-consciousness and Self-identity of Modern Kurds” addresses the ethnic and linguistic situation in modern Kurdistan which reflects the complexity of the ethnic, linguistic and religious processes in that country related closely to various social and political problems.

J. Bokhenska (Poland) in her article "The Cinema of Faith, Hope and Love. Realism and Metaphysics in Bahman Ghobadi films" made an attempt of thorough analysis of selected works of Bahman Ghobadi the well known Kurdish film director from Iran (films: *A Time for Drunken Horses*, 2000, *Marooned in Iraq*, 2002, *Turtles Can Fly*, 2004, *Half Moon*, 2006). Although many of his films were rewarded on several filmfestivals, they remained to be interpret in a very superficial way considering only the socio-political dimension of the plot. It is undoubtedly connected with the fact that Kurdish people used to be known as shepherds, poor refugees, immigrants or terrorist rather than the representatives of rich culture which remains to be completely unknown by the wide audience. However Bahman Ghobadi inspirations are rooted deep in his culture both folkloric and classical and it seems impossible to grasp the full meaning of his films without applying to the most important trans-

mission of the Kurdish cultural heritage. The main idea of this article is to explore the most significant links between Ghobadi films and Kurdish tradition as well as between his selected concepts and the ideas of such cinema great icons as Andrei Tarkovsky or Krzysztof Kieslowski.

M. A. Sapronova analyzed the stages of constitutional development of Iraq from the moment of adoption of the constitution in 1924 as well as the law in the article "On the autonomy of Kurdistan" and the attitude towards this law of the main political forces of Iraq. Separately the constitution adopted in 2005, the process of forming of the new legislation, further political and electoral process in Iraq, changes of situation in Kurdistan and conflict concerning Kirkuk are also analyzed in the article.

In the article "Kurdish question in ethnical Kurdistan in context of the events in Syria and the situation around Iran" O. I. Zhigalina studies the role of the Kurds of Kurdistan region of Iraq in the process of political consolidation of the Kurds of Syria and Turkey; some aspects of the Kurdish question in Turkey; the outlook and premises of the forming in future the Kurdish independent state.

S. M. Ivanov in his article "The Chances and outlook of the proclaim of the independence of Kurdistan of Iraq" deals with the political and social reforms in the Kurdish enclave of Iraq. He came to the conclusion that in current inner situation in Iraq and regional condition the forming of the independence of Kurdistan in Iraq is more an illusion than a reality.

G. I. Starchenkov undertakes an attempt to analyze political situation in ethnical Kurdistan in context of activity there the organizations of radical Islam. Destabilization of regional situation and the weakening of the American policy in Iraq are forced the leaders of the Kurdistan region to find new ways to get their political and economical aims.

Научное издание

ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ
Выпуск II

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор М. С. Грикурова
Корректор М. Я. Колесник

Подписано 21.08.2013
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,25. Уч.-изд. л. 10.
Тираж 300 экз. Зак. №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ООО типографии
«Издательство МБА»
119361 Москва, ул. Озерная, 46
781-86-28, 625-38-13